

**АФГАНИСТАН,
ИРАН, ПАКИСТАН:
ВРЕМЯ ВЫБОРОВ И ПЕРЕМЕН**

**Москва
2006**

Афганистан, Иран, Пакистан

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АФГАНИСТАН, ИРАН, ПАКИСТАН: ВРЕМЯ ВЫБОРОВ И ПЕРЕМЕН

Москва 2006

Научное издание

АФГАНИСТАН, ИРАН, ПАКИСТАН: ВРЕМЯ ВЫБОРОВ И ПЕРЕМЕН
М., 2006, 242 стр.

Ответственный редактор

М.Р. Арунова

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-156-X

ISBN 5-89394-156-X

© Институт востоковедения РАН

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

АФГАНИСТАН

Ю.А.Тутков, М.Р.Арунова	
АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ	5
М.Р.Арунова, Ю.А.Тутков	
К ИТОГАМ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В АФГАНИСТАНЕ	17
В.Г.Коргун	
АФГАНИСТАН-2005: НА ПУТИ К ПАРЛАМЕНТСКИМ ВЫБОРАМ	25
А.К.Лукоянов, А.М.Тронов	
АФГАНИСТАН КОНЦА 2005 ГОДА	39
В.И.Сажин	
ОСОБЕННОСТИ АФГАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	50
В.И.Сажин	
ПАРЛАМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ	57

ИРАН

Н.М.Мамедова	
ИРАН ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ	70
А.И.Боронин	
ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРИ В СВЕТЕ 9-х ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ИРАНЕ	82
А.М.Вартанян	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ИРИ В 1979–2005 гг.	91
О.И.Жигалина	
ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА И «КУРДСКАЯ» ПОЛИТИКА НОВОГО КАБИНЕТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ИРИ	104
В.В.Сергеев	
ПОЛИТИКА ИРАНА В АФГАНИСТАНЕ	117
П.А.Синовец	
О ВЛИЯНИИ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ НА БУДУЩЕЕ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	131

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.М.Вартанян	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ИРАНА В 1950–2005 гг.	138

ПАКИСТАН

В.Я.Белокреницкий

ПАКИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА 141

В.Н.Москаленко, П.В.Топычканов

ВЫБОРЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПАКИСТАНЕ
В 2005 г.: ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАНЫ 151

И.В.Жмуйда

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В ПАКИСТАНЕ В 90-е ГОДЫ
И ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЕЗА МУШАРРАФА 170

С.Н.Кузнецов

ПАКИСТАН – ИЗРАИЛЬ: ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ 180

М.Ю.Морозова

ПАКИСТАН В ЗОНЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ: ФОРМЫ ПРИРОДНЫХ
КАТАСТРОФ, РАЗМЕР УЩЕРБА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ 198

Ф.А.Тринич

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПАКИСТАНОМ 215

АФГАНИСТАН

Ю.А.Тутков, М.Р.Арунова

АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ

С момента свержения власти талибов в 2001 г. Афганистан проходит довольно сложный период становления новой государственности, строительства политических, экономических и общественных институтов, который характеризуется напряженной военно-политической и экономической обстановкой, ростом антиправительственной деятельности экстремистов, неослабевающими межэтническими и межфракционными противоречиями и конфликтами в афганской политической элите.

В соответствии с Боннскими соглашениями, подписанными представителями ведущих афганских антиталибских сил в декабре 2001 г., была создана «дорожная карта» становления афганской государственности, которая включила в себя следующие основные вехи: назначение Временной администрации сроком на 6 месяцев, избрание Переходной администрации на всеафганской традиционной ассамблее Лойя джирге, принятие национальной конституции и проведение всеобщих выборов – президентских и парламентских. Первые этапы прошли довольно гладко и в оговоренные сроки: в декабре 2001 г. последний законный президент ИГА Б.Раббани передал власть Главе Временной администрации Х.Карзаю, летом 2002 г. Временная администрация была преобразована в Переходную, а в декабре 2003 г. – январе 2004 г. была утверждена конституция страны. Принятие основного закона Афганистана на конституционной Лойя джирге проходило в атмосфере серьезного противоборства между клерикалами, выступающими за теократическое государственное устройство, и сторонниками установления в стране президентской формы правления с элементами демократии западного образца. В результате трехнедельных дебатов был принят компромиссный вариант конституции, предусматривающий президентскую форму правления и двухпалатный парламент. Официальными государственными

языками были объявлены пушту и дари, а узбекский, туркменский и другие – официальными в зонах компактного проживания их носителей.

Период от принятия конституции до выборов в парламент страны тогда был назван «переходным», а до его окончания полномочия парламента были делегированы правительству. Ислам принят в качестве государственной религии Афганистана. Конституция содержит такие важные общедемократические положения, как приверженность декларации прав человека, равноправие мужчин и женщин, свобода вероисповеданий.

После конституционной Лойя Джирги ускоренными темпами начались создание и регистрация политических партий. На политической арене появились партии самой различной ориентации – от моджахедских до прозападно-демократических и либеральных. Активное участие в партийном строительстве приняли и выходцы из бывшей НДПА.

9 октября 2004 г. в Афганистане состоялись первые в истории страны прямые президентские выборы. В ходе голосования наблюдателями от альтернативных Х.Карзаю кандидатов были отмечены факты массового нарушения процедуры голосования и фальсификаций. Несмотря на это, выборы были признаны состоявшимися, на которых, согласно данным афганского Центризбиркома, победу с 55% голосов одержал Х.Карзай. 7 декабря 2004 г. в Кабуле состоялась церемония принятия им присяги, а также двумя вице-президентами – таджиком А.З.Масудом и хазарейцем К.Халили. 23 декабря 2004 г. президент Исламской Республики Афганистан Х.Карзай объявил новый состав правительства. В его новой структуре утверждены 28 министерств и СНБ.

При формировании властных структур одной из самых серьезных проблем была и остается необходимость соблюдения межэтнического баланса в министерствах и ведомствах страны с тем, чтобы избежать возникновения новых источников конфликта и межнациональной розни. Главная ось всех противоречий выглядит так: «пуштуны – непуштуны», хотя среди этих двух групп также наблюдаются постоянные распри и внутренние столкновения. Х.Карзай (пуштун) добился существенного ослабления позиций представителей бывшего Объединенного фронта (преимущественно таджиков, узбеков и хазарейцев) и расставил на ключевые посты, прежде всего в силовых и финансово-экономических ведомствах, прозападных пуштунских

деятелей. В то же время президент постарался соблюсти принцип пропорционального этнического представительства в целях сохранения относительной стабильности в стране. Так, заменив на посту министра обороны Афганистана таджика М.Фахима на пуштуна А.Вардака, Х.Карзай сохранил пост министра иностранных дел за таджиком А.Абдуллой. Другие ключевые посты в афганском правительстве заняли соответственно: министр внутренних дел – А.Джалали (пуштун – сейчас снят со своего поста, его временно заменяет таджик М.Зарар), министр финансов А.Ахади (пуштун), министр торговли – Х.Ареала (пуштун), секретарь Совета национальной безопасности З.Расул (пуштун). Все руководители силовых ведомств Афганистана получили высшее образование за границей.

Дополнительную напряженность в эту и без того накаленную обстановку внесло решение Х.Карзая перенести парламентские выборы, которые состоялись только спустя год после намеченного срока (должны были пройти одновременно с президентскими). Предлог для такого решения тоже был выбран не самый удачный – «недостаточная безопасность» в ряде провинций, тогда как международные наблюдатели практически в один голос утверждали, что исполнительная власть намерена использовать эту отсрочку, чтобы укрепить свои политические позиции и создать «карманный» парламент. Что верно, то верно: администрация Х.Карзая при поддержке Запада тогда развернула активную подготовительную кампанию, призванную обеспечить создание в высшем законодательном органе страны подавляющего пропрезидентского большинства. Оппозиционные лидеры непуштунов Ю.Кануни, М.Мохаккек, А.Достум, набравшиеся опыта политической борьбы в новых условиях, выступали на парламентских выборах с позиций собственных этнических партий, пытались привлекать к сотрудничеству оппозиционные Х.Карзаю пуштунские группировки. Для предотвращения новых попыток манипуляций они попытались добиться пересмотра ряда положений закона о выборах и реформирования состава и механизма деятельности Центризбиркома, хотя эти попытки так и не принесли успеха, так как главное их требование – вести подсчет на избирательных участках, а не в специализированных счетных центрах, как это было на президентских выборах, – так и осталось без внимания.

Для объединения и укрепления оппозиционных сил в марте с.г. под председательством Ю.Кануни был образован Фронт

национального согласия. Однако сохраняющееся взаимное недоверие между отдельными этническими и региональными лидерами создало Х.Карзаю и его команде широкие возможности для развала оппозиционного лагеря. На момент выборов было зарегистрировано более 50 партий, большинство которых было малочисленными и не способными оказать влияние на обстановку в стране.

Предвыборная лихорадка сопровождалась обострением противоборства и конфликтов на этнической, религиозной и местнической почве. Дополнительным фактором напряженности стала проводимая властями кампания по разоружению, демобилизации и реинтеграции (РДР) экс-комбатантов, острие которой оказалось направленным против нацменьшинств. Курлируемая Японией Программа должна была быть завершена к середине 2005 г. По плану, РДР изначально была ориентирована в основном на разоружение моджахедских формирований бывшего «Северного альянса». По этой причине она воспринимается пуштунами как попытка Х.Карзая и стоящих за ним США изменить соотношение сил в стране в пользу пуштунов, что вызывает скрытый или явный саботаж РДР со стороны полевых командиров от нацменьшинств. Такие настроения усиливаются и тем, что кураторы РДР уделяют мало внимания ее реинтеграционной составляющей, включая выплату компенсаций и трудоустройство демобилизованных, что вызывает массовые протестные настроения в афганском обществе. Одновременно с завершением программы РДР правительством была запущена программа по расформированию незаконных вооруженных групп, к которым относятся и талибские формирования, число которых по всему Афганистану достигает примерно тысячи.

В центральных и юго-восточных провинциях нарастает подрывная деятельность талибов и прочих экстремистских сил против правительственной армии и иностранных контингентов войск. Количество атак на американских военнослужащих и подразделения афганской национальной армии остается неизменно высоким, что объективно препятствует восстановительным процессам и политическому урегулированию в стране. Невысока результативность периодических спецопераций Коалиционных сил (КС) по поиску и уничтожению в южных и восточных провинциях страны боевых групп талибов и «Аль-Каиды»,

а также нарколабораторий, служащих для них финансовой подпиткой.

В афганской глубинке, особенно в приграничье с Пакистаном, экстремистским силам периодически удается захватывать и в течение длительного времени удерживать значительные территории. Там сохраняются небольшие мобильные учебные лагеря террористов, регулярно меняющие свое местонахождение. Талибы ведут интенсивный набор молодежи в свои ряды. Движение талибов (ДТ) продолжает поиск союзников за рубежом, делая ставку на радикальных клерикалов в Пакистане и ряде арабских государств в расчете на их материально-финансовую помощь. В операциях ДТ участвуют иностранные боевики «Аль-Каиды», включая этнических чеченцев и узбеков.

Администрация Х.Карзая в стремлении заручиться более широкой поддержкой пуштунского населения и укрепить таким образом свою социальную базу неоднократно высказывалась за амнистию рядовых членов ДТ, а также руководителей талибов, которые «не запятнали себя преступлениями против афганского народа». Среди последних упоминаются бывшие «мининдел» правительства талибов А.Мутаваккиль, «замминистра юстиции» Д.Шинвари, «замминистра внутренних дел» А.Хаксар. Чтобы оправдать линию на привлечение определенной части талибов к сотрудничеству, в политический лексикон Кабула введен термин «умеренные талибы». Х.Карзаем и его окружением рассматривается возможность предоставления им ответственных постов в государственных органах Афганистана в обмен на оказание поддержки ему и его сторонникам в период выборов. Несмотря на это, официальные представители движения отрицают какие-либо контакты с Кабулом и наращивают антиправительственную и антиамериканскую пропаганду среди населения, которое, впрочем, не очень-то и поддерживает талибских представителей. Наглядным примером низкой популярности экстремистов стал тот факт, что из семи кандидатов в депутаты афганского парламента с талибским прошлым в законодательное собрание прошел только один полевой командир и наркоделец мулла Ракети, который снискал сомнительную славу многочисленными нападениями на правительственные силы в провинции Заболъ на юге страны.

С конца 2003 г. все чаще талибы проводят нападения на афганских и иностранных работников гуманитарных организаций. В 2004 г. число убитых от рук талибов иностранцев резко

возросло. Отмечены факты захвата заложников. После выборов количество нападений талибов на «мягкие» цели также не идет на убыль: среди новых убийств – казнь двух индийских инженеров, занимавшихся ремонтом шоссе.

В целом пассивной остается роль развернутых по решению СБ ООН в столице Международных сил содействия безопасности (МССБ) общей численностью 9800 чел., руководство которыми с августа 2003 г. перешло к НАТО. В октябре 2003 г. СБ ООН принял резолюцию 1510, санкционирующую расширение мандата МССБ за пределы Кабула, что предполагает существенное наращивание личного состава этих сил и их размещение в потенциально опасных регионах. В ряде провинций Афганистана развернуты так называемые провинциальные восстановительные команды (ПВК): Балх, Бамиан, Пактия, Кундуз, Герат, Кандагар, Газни, Парван, Нангархар, Кунар, Заболъ, Хост, Фарьяб и Пактика. Действуют они преимущественно разрозненно и несогласованно. До сих пор ПВК отводилась роль своеобразного придатка КС: декларируя свою гражданскую направленность, эти команды в основном занимаются разведывательной деятельностью.

Экономика страны практически полностью зависит от внешней помощи. Значительная часть финансов уходит на зарплату чиновникам и сотрудникам иностранных неправительственных организаций. Некоторое оживление наблюдается лишь в деятельности мелких частных предпринимателей в сфере торговли. Крайне тяжелым оценивается положение в области сельского хозяйства, которое, помимо разрушения ирригационных сооружений и систем орошения в 2004 г., сильно пострадало от засухи. Крестьяне по-прежнему преимущественно ориентированы на наркопроизводство. Предпринимаемые властями меры по борьбе с наркоиндустрией ощутимых результатов пока не дают. Наркобизнес в Афганистане обеспечивает существенную финансовую подпитку деятельности международных террористических организаций.

В 2004 г. производство опиума достигло 4,2 тыс. тонн, что составило около 80% мирового выхода этой продукции (рекордный урожай был собран в 1999 г. в период правления талибов – 4,56 тыс. т). Объемы производства наркотических веществ за 2004 г., согласно данным УНП ООН, выросли на 17%, происходит его качественная переориентация на изготовление героина, который составляет 77% общего объема незаконного экспорта из Афганистана. В 2004 г. значительно возросли по-

севные площади, используемые под производство наркотиков, которые тогда превысили 131 тыс. га (в 2003 г. – 80 тыс. га). Несмотря на сокращение посевных площадей опийного мака в текущем году (приблизительно до 98 тыс. га), на производстве героина это нисколько не отразилось, поскольку урожай 2005 г. превзошел все ожидания. Опий выращивают во всех провинциях страны, но основные «производственные мощности» находятся в юго-западной, восточной и северной части Афганистана (соответственно, 16%, 28% и 25% общего производства). Доходы от контрабанды и производства наркотиков в 2004 г. внутри страны составили 2,8 млрд. долл. (рост на 22% по сравнению с уровнем 2003 г. – 2,3 млрд. долл.) или 60% ВВП. В 2004 г. в производстве наркотиков было занято около 2,3 млн. чел.

В январе 2002 г. Временная администрация Афганистана объявила о запрете на выращивание опийного мака, в апреле того же года началась кампания по уничтожению наркоплантаций с выплатой за счет стран-доноров финансовых компенсаций крестьянам, что, однако, не изменило положения дел к лучшему, так как эти компенсации, по сути, привели новым финансовым вливаниям в наркобизнес.

Ситуация с производством наркотиков в Афганистане оценивается исполнительным директором УНП ООН А.Костой как критическая, и на данный момент практически никак не контролируется со стороны присутствующих там международных сил, включая МССБ. Правительство и местные власти еще очень слабы для того, чтобы предпринимать эффективные меры по борьбе с наркобизнесом. Высока и степень их коррумпированности. Большую роль в привлечении всеобщего внимания к проблеме производства и незаконного распространения афганских наркотиков сыграла Парижская международная конференция, которая состоялась в мае 2003 г.

Россия выступила инициатором разработки международной комплексной стратегии по борьбе с афганской наркоугрозой, включающей в себя все стадии производства и незаконного оборота наркотиков – от посевов опийного мака до сбыта готовой продукции. Сегодня также прорабатываются программы активной вовлеченности в антинаркотические усилия основных региональных игроков – ШОС и ОДКБ, которые смогли бы своими скоординированными действиями поставить эффективный заслон на путях афганского наркотрафика.

8–9 февраля 2004 г. в Кабуле прошла международная антинаркотическая конференция. Она высветила тенденцию к расколу в подходах основных внешних игроков в этой области. Позиция ЕС, Германии, ООН и Китая состоит в приоритетности пресечения наркотрафика из Афганистана, в то время как Великобритания и ее сторонники ставят главной задачей уничтожение наркопосевов и героиновых лабораторий, переориентацию производителей наркосодержащей продукции на другие сельскохозяйственные культуры. Подписание декларации по итогам конференции не состоялось из-за позиции посла Туркменистана, формально сославшегося на необходимость консультаций с Ашхабадом относительно новых положений, предложенных другими странами.

Призыв к созданию «поясов безопасности» по периметру афганских границ получил поддержку на берлинской Международной конференции по постконфликтному обустройству Афганистана (31 марта – 1 апреля 2004 г.). Афганистан и его соседи подписали в Берлине декларацию о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В декабре 2004 г. в Афганистане было создано министерство по борьбе с наркобизнесом, которое возглавил пуштун Х.Кадери.

Англо-американская программа по борьбе с посевами опийного мака в Афганистане предусматривает радикальные методы обработки посевных площадей, в том числе дефолиантами, с воздуха. На это выделено 152 млн. долл. из общей суммы 778 млн. долл., ассигнованной американцами на борьбу с наркотиками в 2004–2005 гг. Однако проведенный ими в ноябре 2004 г. «эксперимент» в провинции Нангархар вызвал резко негативную реакцию местного населения и афганских властей. Американская сторона была вынуждена пересмотреть свою тактику и объявила о запрете на дефолиацию посевов.

В целом кабульская администрация позитивно оценивает вклад мирового сообщества в борьбу с наркоугрозой в Афганистане. Кабул готов к соответствующему сотрудничеству с другими государствами как на международном и региональном уровнях, так и на двусторонней основе.

При определении места сегодняшнего Афганистана в системе международных отношений следует учитывать, что страна находится фактически под опекой международного сообщества. Приоритетными во внешней политике Афганистана на нынешнем этапе являются отношения со странами-

донорами во главе с США, странами Евросоюза, Японией, с ооновскими структурами (прежде всего, ПРООН и МООНСА), а также региональными государствами и Россией.

МООНСА активно содействует созданию афганских государственных институтов, экономическому планированию и развитию, реформированию системы безопасности, оказывает практическую и финансовую поддержку в проведении важнейших государственных мероприятий, таких, например, как состоявшиеся в октябре прошлого года президентские выборы.

Особое значение для Кабула имеют отношения с США, которые доминируют во всех сферах афганского восстановительного процесса и, прежде всего, в строительстве новых вооруженных сил, наращивают усилия по установлению контроля над политической жизнью страны. Продолжение американской, а теперь уже и натовской военной операции в Афганистане, масштабная экономическая помощь Вашингтона и европейских государств являются решающими предпосылками для госстроительства и экономического восстановления страны. При передаче НАТО военной составляющей афганского урегулирования прослеживается стремление Вашингтона сохранить в Афганистане свое политическое и экономическое присутствие.

В числе приоритетов Кабула остается Германия, оказавшая Афганистану наибольшую из всех стран-членов ЕС финансовую и другую помощь. ФРГ, предоставив в распоряжение МССБ наибольший воинский контингент, активно участвует в миротворческих операциях, возглавляет ПВК в Кундузе и Файзабаде. От Берлина же исходила инициатива передать командование миротворческими силами североатлантическому альянсу.

Активное участие в антитеррористической операции демонстрирует Великобритания. Она первой возглавила МССБ. Лондон поддерживает Кабул политическими и финансовыми средствами, является координатором деятельности мирового сообщества, в том числе в рамках «восьмерки», в борьбе с афганской наркоугрозой.

Весомое место во внешней политике Афганистана занимает Япония, в которой Кабул видит, в первую очередь, одного из важнейших доноров своей экономики.

Важнейшее значение кабульская Администрация придает отношениям с соседями и региональными странами, выступает за установление с каждой из них добрососедских и дружественных отношений, в том числе, на основе Кабульской де-

кларации о добрососедстве от 22 декабря 2002 г. Этой же теме посвящено проведение в начале декабря с.г. Международной конференции по региональному сотрудничеству в Кабуле.

Значительной интенсивностью отличается афгано-иранский политический диалог, подкрепляющийся активным развитием двусторонних торгово-экономических связей. Тегеран предпринимает серьезные усилия по укреплению сотрудничества с Кабулом на антинаркотическом направлении, а также в решении вопросов репатриации афганских беженцев под эгидой ООН.

В региональном контексте наибольшее опасение Кабула вызывает политика Пакистана, его негласная поддержка подрывных элементов в южных и юго-восточных провинциях Афганистана. Дополнительную остроту в двусторонние отношения привносит неурегулированность пограничных вопросов. Линия Пакистана в Афганистане направлена на закрепление здесь своих политических и экономических позиций, в том числе в плане противодействия интересам Индии и России.

Нью-Дели, руководствуясь собственными долговременными геополитическими интересами, также активно работает над усилением своего присутствия в Афганистане, в первую очередь, экономического.

Кабул налаживает широкое сотрудничество с Китаем, оказывающим Афганистану помощь в восстановлении объектов, ранее построенных при его содействии.

Отношения с центрально-азиатскими республиками СНГ определяются стремлением Кабула получать энергоносители из Туркменистана и Узбекистана, наладить транзитные пути через Узбекистан и Таджикистан, обеспечить их поддержку на региональном уровне, в том числе и в борьбе с наркотрафиком.

Толчком к развитию российско-афганских политических отношений на современном этапе послужило совместное заявление Х.Карзая и В.В.Путина от 12 марта 2002 г. и последующие контакты на высшем и высоком уровнях. Поддержка России тогда стала важным фактором укрепления международных позиций новой афганской администрации. Хорошим фундаментом для дальнейшего развития двусторонних связей стали взаимные визиты глав внешнеполитических ведомств двух стран. Подписанный в ноябре 2002 г. протокол о двусторонних межмидовских консультациях заложил основу для продуктив-

ного взаимодействия в региональном формате и в международных делах.

Процесс адаптации постталибского Афганистана в системе международных отношений еще не завершен, афганская дипломатия имеет крайне ограниченный опыт в международных делах и испытывает острый дефицит в профессиональных кадрах. Позиция Кабула по многим вопросам еще не оформилась. Более-менее определенное мнение афганцы высказывают в основном по проблемам, которые напрямую затрагивают их интересы (прежде всего, касающиеся региональных взаимоотношений), а в подходах к некоторым международным вопросам ощущается сильное влияние США и других западных стран.

Афганистан выступает за укрепление роли ООН и Совета Безопасности в поддержании мира и основанной на Уставе ООН системы коллективной безопасности, высоко оценивает роль СБ ООН в афганском и ближневосточном урегулировании, в применении санкций, в постконфликтном восстановлении стран, пострадавших от военных действий, в миротворческой деятельности.

Эффективность деятельности ООН в значительной степени воспринимается в Афганистане через конкретные, осуществляемые ею, мероприятия. Работа многих основных специализированных учреждений и программ недостаточно эффективна, что приводит, по мнению Кабула, к нерациональному использованию выделяемой Афганистану донорской помощи (в МИД ИРА считают, что до 80% поступающих в Афганистан по линии этих организаций финансовых средств используются не по назначению).

Афганистан присоединился к Оттавской конвенции, Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и ее Протоколу и к международной Конвенции по правам человека. Образовал национальную комиссию по правам человека, которая уже открыла свои филиалы во многих провинциальных центрах страны.

Афганистан является членом ОИК, в качестве гостя принимает участие в работе региональных организаций ШОС и ОЦАС. В актив внешней политики Кабула следует отнести получение Афганистаном статуса «партнера по сотрудничеству ОБСЕ». Кабул здесь исходит из того, что это даст возможность получения дополнительной экономической и политической поддержки.

Трудно решаемой для Афганистана проблемой остается присутствие за рубежом свыше 3 млн. беженцев. При посредничестве УВКБ ООН с Ираном и Пакистаном подписаны соглашения, регулирующие их поэтапное добровольное возвращение.

Хотя нынешнее руководство афганского МИД и стремится проводить независимую политику и отстаивать национальные интересы за рубежом, Афганистан все больше втягивается в западную орбиту, и эта тенденция сохранится до тех пор, пока в стране не вырастет новая политическая элита, способная самостоятельно решать не столько внешние, сколько внутренние проблемы.

На настоящий момент ключевой задачей для афганского руководства и международного сообщества является создание условий для выработки новых идей по постпереходному обустройству Афганистана, основанных на принципах Боннского процесса, финальной фазой которого стали прошедшие 18 сентября 2005 г. парламентские выборы.

М.Р.Арунова, Ю.А.Тутков

К ИТОГАМ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В АФГАНИСТАНЕ

Прошедшие в сентябре 2005 г. выборы в афганское национальное собрание поставили немало вопросов, многие из которых все еще остаются без ответа. С одной стороны, избрание парламента и местных советов ознаменовало собой успешное завершение ведомого под эгидой ООН политического процесса в этой стране, нацеленного на формирование дееспособных органов власти и создание демократического фундамента новой афганской государственности. С другой стороны, когда пройдены основные вехи Боннской «дорожной карты» – формирование сначала Временной, затем Переходной администрации, принятие национальной конституции, избрание президента и парламента, – остается законный вопрос: а что дальше?

Казалось бы, с формальным окончанием государственного строительства созданы все предпосылки для нормального экономического развития, распространения авторитета и влияния кабульских властей на все провинции. Тем не менее, жизнь, к сожалению, доказывает обратное. Экономика парализована. Власть Кабула охватывает только столицу и несколько крупных городов. В парламент прошло немало людей с темным политическим прошлым, напрямую связанных с незаконными вооруженными формированиями и наркобизнесом, и даже два высокопоставленных талиба, один из которых – печально известный мулла Ракети, который «прославился» на ниве антиправительственной деятельности в южной части страны.

Разношерстность нового депутатского корпуса также вряд ли будет способствовать консолидированным усилиям нового парламента по продвижению страны в светлое «демократическое» будущее. Что касается демократии, тут еще больше вопросов, поскольку ее американская версия в кабульских условиях не просто дала трещину, а с треском провалилась, похо-

ронив под своими обломками надежду на скорейшее обретение афганцами самостоятельности в принятии основных решений за судьбы своей страны. Вместо стремления к столь необходимой сейчас самодостаточности афганского государства, западные спонсоры всерьез озабочены лишь поиском новых идей для сохранения своего «наставничества» над «молодой афганской демократией», подразумевающего тотальный контроль над властными структурами страны.

Но, впрочем, по порядку. Выборы состоялись и это – главное. Главное для всех. В первую очередь, для афганцев, уставших от бесконечного патронажа иностранных советников, западных доноров, которым надоели постоянные вливания в бездонную бочку под названием «восстановление Афганистана» и, наконец, американцев, окончательно заблудившихся в дебрях своей афганской политики и попросту не знающих как, не потеряв лица, выбраться из замкнутого круга «политика-деньги-война-деньги-политика».

Что можно сказать по составу нового афганского депутатского корпуса? Как сказал Спецпредставитель Генсекретаря ООН Жан Арно, Афганистан получил тот парламент, который заслуживает и который в целом отражает нынешние афганские этнополитические реалии. С этим трудно не согласиться, в частности, в отношении нижней палаты национального собрания, поскольку этническая картина там, в общем-то, в точности копирует национальный расклад в Афганистане: 42% пуштунов, 23% таджиков, 18% хазарейцев, 15% узбеков и около 2% остальных национальностей. Цифры достаточно приближенные, так как ряд кандидатов может себя позиционировать по различным этническим группам в связи с известной путаницей в межнациональных отношениях в Афганистане и многочисленными условностями в области клановых и семейных дел.

Политическая картина тоже достаточно туманная. По ооновским оценкам, сторонники Х.Карзая, преимущественно состоящие из так называемых технократов, на деле представляющих собой афганских выходцев из США и Западной Европы, смогли набрать порядка 30%. Моджахеды, то есть те, кто воевал сначала против СССР, а потом и против талибов, причем, включая как представителей бывшего «Северного альянса», так и отъявленных исламистов, смогли занять до 50% от общего количества депутатских мест. Остальные мандаты по-

делили между собой выходцы из бывшей НДПА, мелкие партийные организации и «независимые» кандидаты, которые пока еще не определились с тем, к какому политическому лагерю примкнуть.

Состав верхней палаты пока не совсем ясен. Треть сенаторов уже выбрана (расклад, в принципе, такой же, как и в нижней палате), треть проходит процедуру избрания в местных советах, а треть (президентский список) пока держится в строжайшей тайне, что не может не настораживать, поскольку есть серьезные основания полагать, что среди будущих сенаторов могут быть и бывшие талибы, как, например, мулла Мутавакиль, мулла Хаксар и мулла Шинвари, которые не набрали достаточного числа голосов для избрания в нижнюю палату, в то время как их уже «записали» в парламентарии.

С учетом афганских политических реалий, в том числе и «гибкости» политических взглядов, можно с уверенностью предположить, что видимый на поверхности расклад еще может не один раз перемениться с учетом направления «политического ветра». Главное, что заботит здесь наших партнеров по политическому процессу, то, что среди первых тем, которые будут обсуждаться афганскими парламентариями в новом году, станут вопросы о составе кабинета министров (где, не без подачи Вашингтона, есть немало лиц, не способных выполнять свои служебные обязанности, но имеющих индульгенцию в виде американского паспорта) и легитимность присутствия коалиционных сил на территории Афганистана. Такие «неудобные» для США вопросы продолжают и сейчас нервировать американских стратегов, понимающих, что они могут в любой момент растерять все вложенные ими капиталы в новую афганскую политическую элиту. Чтобы предупредить такое явно неприемлемое для них развитие событий, они выдвинули идею о «стратегическом партнерстве», которую навязали афганскому руководству, и последние перестановки в кабинете министров призваны удалить самых явных американских ставленников.

По этому пути ушли из афганской политической истории ненавидимый многими афганцами, но превозносимый западниками как «лучший финансист», бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай и долгое время считавшийся американским фаворитом, «непотопляемым авианосцем» и кандидатом в будущие президенты № 1 бывший министр внутренних дел Али Джалали. Злые языки в Кабуле поговаривают, что, как видится,

недолго на своем посту осталось находиться и нынешнему министру обороны, отъявленному русофобу Рахиму Вардаку, который обрел сомнительную славу на ниве чисток своего ведомства от всех, кто получил образование в Советском Союзе, говорит по-русски или хотя бы высказывал свои симпатии в адрес России.

В общем, все очень непросто. А дальше, по всей видимости, улучшений едва ли следует ожидать. Сейчас наши западные партнеры уже испытывают острейший дефицит идей в отношении дальнейшего «светлого» будущего Афганистана, причем настолько светлого, чтобы найти там свое место. С этой целью была задумана и проведена в Кабуле конференция по региональному развитию, которая была призвана оставить в силе западное наставничество над Афганистаном с попыткой распространить его и на соседей – центрально-азиатские государства. Прикрывая собственную скудость идей относительно диверсификации существующих межрегиональных связей пространственными рассуждениями о необходимости создания рабочих групп по развитию региональной электроэнергетики и транспортных связей, а также придании большей эффективности борьбе с контрабандой афганских наркотиков, главные идеологи – англичане – постарались продемонстрировать собственное рвение на этой ниве и прикрыть очевидные провалы даже в своем кураторстве антинаркотической темы в рамках «восьмерки». Не очень это было полезно и собственно для Афганистана, для которого сейчас главное – не организация конференций, а попытки навести порядок внутри страны.

Ведь ситуация такова, что администрация Х.Карзая пока не в состоянии наладить нормальную экономику, дать старт основным экономическим механизмам, таким, например, как запуск отечественного производства товаров первой необходимости, сбор налогов и таможенных пошлин, переориентация сельского хозяйства с наркотиков на обеспечение населения продовольствием. И такому положению вещей уже больше четырех лет. Естественно, это не может не сказываться на авторитете новой власти, ее способности эффективно управлять страной. Проблем также добавляют нахлынувшие беженцы, общая разруха в городах и селах, массовая безработица, многочисленные бандформирования и бурно развивающийся криминалитет, к которому примыкают насильственно демобилизо-

ванные военнослужащие, чьи семьи остались без средств к существованию.

А что же Запад? Где эти многочисленные миллиарды (более 15, если верить браваурным заявлениям доноров), якобы потраченные на восстановление страны? Сегодня эти неудобные вопросы задают афганцы своему правительству. И эти вопросы оправданны, поскольку на американские деньги были отремонтированы лишь несколько дорог и поставлено несколько десятков больших палаток с надписью «школа». А где же жилые дома, больницы, нормальные учебные заведения, промышленные и сельскохозяйственные объекты, электростанции, ЛЭП и многое другое, в чем остро нуждается Афганистан сегодня. А их нет, так как выделяемые средства идут на «аренду» политических партий, сбор информации, «предварительные исследования» непонятно каких проблем, непомерно раздутые бюджеты западных псевдогуманитарных НПО, оклады многочисленных незваных советников и консультантов, которыми полнится афганское министерство. И самое страшное, в первую очередь, для Х.Карзая, а, впрочем, и для западных спонсоров мирного процесса, что практически никто не готов что-либо делать.

Сложившаяся ситуация чревата, как видится, сильнейшим социальным взрывом, поскольку простые люди уже устали от многочисленных «завтраков» и нуждаются лишь в двух вещах – работе и самостоятельности от навязчивых советов извне по поводу того, как обустроить родину. Причем вполне реальная сегодня угроза массового неповиновения способна вынести на своей волне к власти самую мутную «пену», самые мрачные обскурантистские силы талибов и прочих экстремистов, мечтающих лишь о том, чтобы вновь превратить Афганистан в «террористическое ханство» – серое пятно на карте мира, служащее постоянным источником нестабильности в регионе, каким оно было до 2001 г., а также постоянным поставщиком героина на мировые рынки.

В этих достаточно непростых условиях и приходится бесконечно лавировать новому афганскому руководству, которое находится под внешней опекой и не располагает собственными ресурсами, чтобы изменить что-то к лучшему. Да, Х.Карзай сегодня находится в непростых условиях – на него «давят» американцы с требованием поступать согласно их установкам и демонстрировать при этом позитив, и афганский народ, который

не видит никакой поддержки от нынешних властей. Попытаемся смоделировать возможное дальнейшее развитие событий.

Вариант первый. Американцы полностью «подминают» под себя вновь избранный парламент, действуя испытанным методом кнута и пряника (в данном случае, подкупа и компромата, которого собрано на всех афганских политиков предостаточно), продавливают диктатуру подконтрольной им исполнительной власти, а затем начинают экспериментировать с дальнейшими зигзагами к демократии. Вероятно, но опасно. Опасно тем, что эта политика уже полностью дискредитировала себя в Афганистане и привела к тем плачевным результатам, о которых говорилось выше. Исход очевиден: неизбежный взрыв недовольства, антиамериканские погромы, новый размах вооруженного сопротивления иностранному военному присутствию и рост популярности экстремистских сил, в первую очередь талибов, которые уже сегодня паразитируют на понятиях ислама и шариата, укрепляют свою социальную базу среди населения обещаниями навести порядок и изгнать «ненавистных оккупантов». То есть, вариант второго Ирака. А в этих условиях удержаться у власти, видимо, едва ли сможет и Х.Карзай, и избранный парламент. Их разгон – лишь дело времени. Причем, возможно, весьма непродолжительного.

Вариант второй. Новый парламент образует две-три мощные оппозиционные фракции (преимущественно из числа национальных меньшинств), которые начинают регулярно «отравлять» существование Х.Карзая и его проамериканского окружения, постоянно требуя от них предпринять заведомо неприемлемые для американцев шаги. Причем политика «кнута и пряника» здесь вряд ли сможет сработать, поскольку в условиях внутрифракционной консолидации и подпитки соответствующих депутатских образований со стороны этнических общин, видящих в этих образованиях естественных выразителей своих интересов, аппетиты парламентариев, по всей вероятности, настолько возрастут, что их дальнейшее содержание станет не под силу даже богатым американцам. Возможный исход здесь видится в разгоне Х.Карзаем законодательного собрания и досрочные парламентские, а, может, и всеобщие (и парламентские, и президентские) выборы. Следует учитывать, что такой поворот событий чреват тем, что экс-парламентарии могут начать выводить на улицы народ, представляя себя как оскорбленных иноземцами народных слуг, которые изгнаны

якобы за то, что отстаивали интересы народа. Как следствие, – новая смута и кровопролитие.

Вариант третий. Х.Карзай найдет золотую середину в общении с парламентариями и будет им «подыгрывать» при решении незначительных второстепенных вопросов, оговорив предварительно три «не»: американцев не критиковать, иностранное военное присутствие не обсуждать и, наконец, решения исполнительной власти не торпедировать. Взамен сторонники Карзая могут пойти на уступки в формировании правительства, принятия ряда популистских социальных мер, найдя при этом две-три острые темы, которые на время могут занять умы законодателей. К последним, в частности, относится и «советское военное вторжение», и требование от России абсурдных многомиллиардных репараций. Временно все это может сработать, однако американцам вряд ли стоило бы уповать, что такой вариант – панацея от всех их бед в Афганистане. Достаточно скоро после раздела правительственного пирога появятся многие недовольные, которые будут требовать свой кусок во власти, и с каждой уступкой со стороны властей они, видимо, станут повышать свои ставки. Исход, к сожалению, может привести к внутренней конфронтации, грозящей выходом ситуации из под контроля с последующим финалом варианта один или варианта два.

И, наконец, четвертый, последний из просматривающихся вариантов. Исполнительная и законодательная власти придут к консенсусу в отношении необходимости избавления от западной опеки, постепенному достижению внешней и внутренней самодостаточности страны за счет более четкой внутренней организации, оптимизации государственного аппарата, создание эффективной системы налогов и сборов, начала собственной разработки богатой минерально-сырьевой базы страны. Вряд ли, конечно, такой расклад устроит американцев, вложивших немалые деньги в Афганистан и не желающих выпускать его из-под своего патронажа. При таком развитии событий возможны два дальнейших сценария: или американцы разгонят правительство вместе с парламентом, что может очень печально для них закончиться (о чем, собственно, говорилось в предыдущих трех вариантах), или Вашингтон найдет в себе достаточно мудрости разрешить «молодой афганской демократии» самостоятельно определять свою судьбу, выбирать свои национальные приоритеты, восстанавливать разру-

шенную войной экономику. Это – единственная возможность пустить события по мирному пути, не допустить развязывания новой гражданской войны в этой многострадальной стране. Хотя, надо признаться, что в отношении возможности развития событий таким образом есть серьезные сомнения.

Вместо резюме: все очень шатко и неустойчиво, поскольку при нынешней непоследовательности американской политики в отношении Афганистана очень трудно рассчитывать на исключительно мирный исход нынешнего афганского кризиса. Возникает резонный вопрос. Какова должна быть позиция России в нынешних условиях?

Представляется, что, несмотря на многочисленные происки американцев и других западных партнеров, Москве следует работать над укреплением своего имиджа в Афганистане, использовать те преимущества, которые у нее есть, всемерно способствовать закреплению участия в восстановлении афганской экономики, утверждать свой авторитет конкретными делами. А параллельно разъяснять афганские реалии нашим партнерам по «восьмерке», убеждать их в безальтернативности мирного сценария для политических интересов в этой стране и в регионе в целом.

**АФГАНИСТАН-2005:
НА ПУТИ К ПАРЛАМЕНТСКИМ ВЫБОРАМ**

Весь 2005 г. Афганистан пребывал в ожидании парламентских выборов, назначенных на 18 сентября. Они расценивались как подлинно историческое событие, подводящее черту под Боннскими соглашениями от 5 декабря 2001 г., определившими впечатляющую программу политико-экономической трансформации страны, программу ее восстановления и перехода на путь мирного строительства. Действительно, выборы стали завершающей фазой Боннского процесса, «последним кирпичом в его конструкции», по выражению видного афганского политика, лидера Демократической партии Афганистана К.Ранджбара. Они явились также завершением усилий правительства Х.Карзая и международного сообщества по окончательному формированию легитимной системы власти в стране, функционирование которой позволит Афганистану быстрее встать на ноги и более самостоятельно решать свои проблемы.

За последние годы стране, восставшей из пепла гражданской войны, удалось добиться немало в создании новой государственности и восстановлении экономики. В январе 2004 г. была принята новая конституция, самая либеральная за всю историю Афганистана. Она заложила основы для складывания нового общества, ориентированного на демократическое развитие. 9 октября 2004 г. путем всенародного голосования, опять же впервые в афганской истории, был избран президент страны. Законодательно закреплены и реально осуществляются основные права и свободы граждан, чему подтверждением стали, в частности, парламентские выборы.

В сфере экономики успехи гораздо скромней. Практически все новые или восстановленные экономические объекты возводятся усилиями мирового сообщества. Основные усилия направлены на восстановление экономической и социальной

инфраструктуры — коммуникаций, энергетики, ирригации. Наиболее заметные усилия предпринимаются в области дорожного строительства. Весной 2005 г. США завершили восстановление автотрассы Кабул-Кандагар, связавшей столицу с крупнейшим городом юга Афганистана. Сейчас начинаются работы по строительству дороги Кандагар-Лашкаргах (центр южной провинции Гильменд). Проект финансируется также США. Восстанавливается дорога Кабул-Джалалабад с дальнейшим выходом к афгано-пакистанской границе. Италия согласилась финансировать строительство дороги Кабул-Бамиан, которая свяжет столицу с центральной частью Афганистана. В 2004 г. Азиатский банк развития выделил 80 млн. долл. в качестве займа на выгодных условиях на строительство автодороги Кайсар-Андхой протяженностью 210 км в Северном Афганистане, которая замкнет кольцевую автотрассу Кабул-Мазари-Шариф-Герат-Кандагар-Кабул¹.

В области дорожного строительства разработано немало других амбициозных проектов, которые помогут Афганистану выйти на региональные рынки. Так, Пакистан планирует проложить железную дорогу от порта Гвадар на побережье Аравийского моря до г. Кветта, центра провинции Белуджистан, которая затем пойдет до афганской границы. Исламабад также разрабатывает проект строительства железной дороги из приграничного пакистанского г. Чаман до Кандагара (уже готово технико-экономическое обоснование проекта), намереваясь таким образом получить прямой доступ на рынки Центральной Азии. Иран готовит проект строительства дороги от порта Чах-бахар на побережье Персидского залива до г. Заранджа, центра афганской провинции Нимруз. Есть проект строительства трансафганской железной дороги, которая, пересекая северные провинции Афганистана, свяжет г. Термез в Узбекистане с иранским г. Мешхед.

Реанимируется и проект строительства газопровода от туркменского газового месторождения Даулатабад в Пакистан через афганскую территорию и далее, возможно, в Индию. Он поможет обустроить западные провинции Афганистана и оживить там экономическую активность. Ожидается, что Афганистан будет получать ежегодно 300 млн. долл. за транзит газа.

С помощью зарубежных доноров идет строительство плотин, которые обеспечат водой значительные территории на западе и северо-востоке Афганистана.

США восстанавливают разрушенную ими в конце 2001 г. крупную ГЭС «Каджаки», построенную в свое время при американском техническом содействии. Азиатский банк развития финансирует создание трансмиссионных систем по передаче электроэнергии на юго-востоке и северо-востоке Афганистана.

Постепенно восстанавливаются и модернизируются некоторые промышленные предприятия. В 2004 г. афганцы восстановили и пустили в эксплуатацию Кабульский хлебокомбинат – детище советско-афганской дружбы. Выделены деньги на модернизацию крупнейшего в стране цементного завода «Гури» в г. Пули-Хумри. В июле 2005 г. в Кабуле пущен в эксплуатацию асфальтовый завод.

Растут и инвестиции в афганскую экономику. Так, в 2004 г. их объем составил 800 млн. долл., что обеспечило работой 100 тыс. чел. С апреля по август 2005 г. инвестиции составили 200 млн. долл., что позволит создать 37 тыс. рабочих мест.

Быстрыми темпами развивается внешняя торговля Афганистана, в первую очередь с соседними странами. Так, пакистанский экспорт в Афганистан за первые два года после разгрома талибов вырос с 26 млн. долл. до 600 млн. В 2005 г. он достиг 1,2 млрд. долл. Иранский экспорт в 2001 г. был менее 12 млн. долл., в 2005 г. он составил 350 млн. долл.² Судя по динамике развития афганской торговли с этими странами, ее объем будет и дальше быстро расти.

Есть определенные успехи и в социальной сфере. Это наиболее заметно в системе просвещения. В стране функционируют 10 университетов и других высших учебных заведений, а также несколько десятков центров профессионального обучения, в которых учатся 40 тыс. студентов (в период правления талибов во всех вузах насчитывалось 4 тыс. студентов). С падением режима талибов резко выросло число учащихся начальных и средних школ. Численность учащихся в 2004 г. составила 4,5 млн. чел., из них 1,5 млн. девочек (во время правления талибов женские школы были закрыты). С 2001 г. в стране открылись 1,6 тыс. женских школ. Но этого явно недостаточно. По данным ЮНИСЕФ, в стране 1 млн. девочек, или 60% всех девочек в возрасте до 11 лет, не посещают начальную школу. Программа, объем финансирования которой составляет 19 млн. долл., предусматривает подготовку 25 тыс. учителей начальных школ³. Весной 2005 г. афганское правительство приняло Программу образования, в соответствии с

которой в 2005 г. будут построены школы для 0,5 млн. девочек. До настоящего времени большинство школ, которые были разрушены во время войны, не восстановлены и небезопасны. Не хватает учителей, книг, столов, стульев, бумаги, карандашей и другого школьного инвентаря. Занятия идут по сокращенному расписанию: многие ученики приходят в школу в 8.00 и возвращаются домой в 10.00.

Если следовать официальной статистике, в целом Афганистан демонстрирует неплохие темпы экономического роста. Предполагается, что его бюджет в 2005–2006 гг. составит 678 млн. долл., что на 15% больше предыдущего. При этом расходы на безопасность составят 44%⁴. ВВП Афганистана достигнет 5,75 млрд. долл. (по другим данным – 5,802 млрд.), 93% этой суммы обеспечено за счет зарубежной финансовой помощи. 75% ВВП предполагается потратить на проекты развития. Эти средства находятся под контролем международных доноров Афганистана⁵.

Однако эти более чем скромные достижения в экономике неразличимы в неясной атмосфере общей экономической и социальной отсталости страны, голода, нищеты, бесправия, полной безысходности. В условиях, когда правительство Х.Карзая с помощью иностранных советников планирует повысить годовой доход в расчете на душу населения со 199 долл. в 2004/2005 финансовом году до 247 долл. в 2005/2006 г, по данным Международной организации продовольствия, в стране насчитывается как минимум, 6,5 млн. чел., нуждающихся в продовольственной помощи.

Прошло четыре года после ликвидации режима талибов, тем не менее Программа развития ООН (UNDP) вновь предупреждает, что проблема реконструкции и развития не решена. Если ситуация не изменится, страна легко скатится к хаосу и крайней нищете.

Международное сообщество обещало предоставить Афганистану 13 млрд. долл. помощи, начиная с 2002 г. Из них 3,1 млрд. были предусмотрены на продовольственную помощь, в том числе беженцам, возвращающимся из-за границы. С 2001 г. на родину вернулись 3,5 млн. афганских беженцев. За пределами Афганистана продолжают оставаться еще около 2 млн. афганцев, большинство из них в Иране и Пакистане. Многие из репатриантов смогли вернуться в родные места и обустроиться, но около 40% вернувшихся беженцев осели в Кабуле, где у них

нет ни родственников, ни крова. Из них около 185 тыс. чел. живут в лагерях, в основном в окрестностях Кабула и в местечке Жар-е Дашт на юго-востоке, зарегистрировавшись в представительстве Верховного комиссариата по делам беженцев. Никто не знает точно, сколько в Афганистане временно перемещенных лиц, живущих у родственников или друзей или пытающихся устроиться самостоятельно. В Кабуле насчитывается около 500 тыс. чел., не имеющих жилья или скитающихся по разным квартирам⁶.

Несмотря на все усилия международного сообщества и правительства Х.Карзая, Афганистан по всем показателям продолжает оставаться одной из самых отсталых стран мира, занимая 173 место из 178 государств, с точки зрения индекса развития человеческого капитала, принятого в ООН. В худшем положении находится лишь несколько африканских стран южнее Сахары. Средняя продолжительность жизни афганцев составляет 44,5 года, что на 20 лет меньше, чем в соседних странах. Детская и материнская смертность – самая высокая в мире. Смертность при родах в 60 раз выше, чем в промышленно развитых странах. 53% населения живет за чертой бедности, при этом 20,4% сельского населения потребляют ежедневно менее 2000 калорий⁷. Бедность в Афганистане – многомерная проблема, которая включает в себя неравный доступ к средствам производства и социальным услугам; низкий уровень образования, здоровья и питания; слабые системы социальной защиты; проблемы с жилищем; неравенство полов.

Страна находится на грани кризиса здравоохранения. Об этом наглядно свидетельствует медицинская статистика: только 40% детей прошли вакцинацию от основных болезней, лишь 25% населения имеют доступ к чистой питьевой воде и нормальной санитарии. Один врач приходится на 6 тыс. пациентов, а медсестра – на 2,5 тыс. Каждый из пяти детей не доживает до 5-летнего возраста.

По-прежнему острой остается проблема разминирования. По самым скромным подсчетам, после окончания гражданской войны в стране оставалось от 5 до 7 млн. мин и неразорвавшихся артиллерийских снарядов. По данным ООН, ежемесячно до 100 афганцев погибают или получают увечья, подорвавшись на минах. Работа по разминированию территории тормозится отсутствием безопасности: талибы и их союзники считают саперов и других сотрудников гуманитарных организаций

пособниками проамериканского правительства Х.Карзая и устраивают на них охоту.

В преддверии парламентских выборов наблюдался резкий рост военной активности талибов, поставивших цель сорвать выборы. Факты свидетельствуют, что кроме талибов есть еще немало различных группировок, которые вовлечены в вооруженную борьбу против правительства Х.Карзая и войск международной коалиции. В первую очередь, это прошедшие школу гражданской войны боевики Исламской партии Афганистана Г.Хекматяра, которого США считают врагом № 2. Это также немалое число последователей партии Ю.Халеса с одноименным названием, который бежал из Афганистана после того, как американцы в 2001 г. развернули боевые действия в его родной провинции Нангархар на востоке страны. Это и разрозненные группы исламистов из соседних стран и регионов – из Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, Чечни – которые по-прежнему рассматривают Афганистан как удобную тренировочную базу. Сюда же можно отнести и немалое число поддерживающих тесные связи между собой недовольных деятелей бывшего Северного альянса, которые обвиняют США в том, что их продали Х.Карзаю и его соратникам. Эта группа деятелей имеет немало сочувствующих и информаторов в администрации Х.Карзая, а также много сторонников среди тех, кто пользуется покровительством американских военных.

Пытаясь отвлечь внимание от своих провалов и некомпетентности, афганские официальные лица и их покровитель («вице-король», как его называют недоброжелатели) З.Халильзад, бывший посол США в Афганистане⁸, сваливали все беды на Пакистан. Тот, в свою очередь, категорически отрицал свою причастность к деятельности талибов и их союзников и жаловался на то, что режим президента П.Мушаррафа и так платит высокую цену за поддержку правительства Х.Карзая и за сотрудничество с ним в войне против терроризма. К общему хору недовольных присоединились Россия и Узбекистан, обвиняя Афганистан в том, что он превратился в тренировочную базу для боевиков Исламского движения Узбекистана.

Тем временем насилие, кровопролитие и отсутствие безопасности в Афганистане только усиливаются, а правительство Х.Карзая продолжает демонстрировать бессилие, пребывая в своей резиденции в столице, которая все еще остается в руинах, переполнена тремя миллионами голодных людей и

улицы которой нередко напоминают мусорную свалку. Миллиарды долларов, которые обещаны мировым сообществом (более 60 стран) на восстановление Афганистана, магически исчезают в бюрократических лабиринтах стран-доноров или в карманах сотрудников неправительственных организаций и их покровителей в правительственных структурах Афганистана и за рубежом. Афганцы, особенно в зоне пуштунских племен, чувствуют себя преданными, забытыми, брошенными на произвол судьбы.

Действительно, Афганистан стал настоящим эльдорадо для международных консультантов и профессиональных сотрудников гуманитарных организаций, которые заполнили улицы афганской столицы шикарными «лэнд-крузерами». Методы их работы создают атмосферу коррупции, которая оставляет у многих афганцев ощущение обмана и разочарования. Борьба с ними стоила карьеры министру планирования Р.Башардосту. Получив степень доктора юриспруденции в Париже, он был «счастлив» как «беженцы, живущие в Париже, могут быть», иными словами – несчастлив, и в конце концов решил вернуться в Афганистан. В Кабуле президент Х.Карзай назначил его министром планирования, уполномочив быть главным супервайзером (куратором) гуманитарных организаций, работающих в настоящее время в Афганистане. Учитывая, что национальная экономика весьма зависима от работы т.н. неправительственных организаций, которые, как предполагается, работают в интересах процветания страны, занимавшийся им пост имеет большой вес.

Однако Р.Башардост вскоре обнаружил, что многие такого рода организации функционируют явно с другими целями: их интересует исключительно прибыль. Он не одинок в своих подозрениях. Многие афганцы расценивают деятельность международных гуманитарных структур как получение доступа к послевоенному «золотому месторождению» контрактов на оказание помощи, многие из которых оцениваются миллионами долларов и обеспечивают сотрудникам этих структур высокооплачиваемую работу. Вопрос «Где миллиарды долларов, выделенных на восстановление?» становится риторическим.

К весне 2005 г. страны-доноры вкачали в разоренную войной страну по меньшей мере 4 млрд. долл. За исключением Ирака, это самая большая сумма, предоставленная какой-либо стране в состоянии кризиса. Кабул переполнен иностранцами,

получающими немисливо высокую зарплату. Между тем за четыре года, прошедших после свержения режима талибов, большинству афганцам не обеспечили даже самые элементарные условия для нормальной жизни. Электроэнергию в Кабуле подают на несколько часов в день, а иногда ее вообще нет. Канализация не работает, вода также поступает в краны нерегулярно. За редким исключением, улицы покрыты сплошными выбоинами. Между тем, в престижном районе Вазир Акбар-хан, «упакованном» современными виллами, день и ночь жужжат генераторы, обеспечивающие подачу воды и электричества. Здесь, где проживают сотрудники международных гуманитарных организаций, месячная стоимость аренды дома составляет в среднем 8 тыс. долл.

Министр планирования Башардост хотел знать, сколько денег действительно тратят неправительственные организации из выделенных им сумм на аренду особняков, зарплату и на машины и сколько используют на свои проекты. Он потребовал, чтобы они открыли свою бухгалтерию афганскому правительству. Но немногие из них оказались готовы на такой шаг. Лишь 437 из 2355 организаций согласились с его требованием. И тогда, в декабре 2004 г., он пригрозил закрыть их офисы.

Его остановил президент Х.Карзай: он не хотел конфликтовать с неправительственными организациями или представителями стран, которые его поддерживают. В конечном счете, ведь они коллективно планируют вложить в восстановление Афганистана 15 млрд. долл. к 2009 г. — именно через те же организации, которые министр планирования так ожесточенно критиковал, среди них американские, японские и европейские. Под удар были поставлены самые крупные немецкие и британские неправительственные организации. В результате, начинающий политик в возмущении подал заявление об отставке, вернул машину и удалился из президентского дворца. «Это система коррупции, которая помогает только богатым», — был его последний комментарий.

Но вопрос «Где же все-таки деньги, которые поступают в Афганистан?» остается. Как и вопрос «Сколько денег действительно поступает людям, которым они предназначены?». Сотни консалтинговых фирм соревнуются за крупные проекты, и число активных консультантов здесь превышает три тысячи человек. «Неожиданно здесь появилось больше консультантов, чем мух и собак», — заметил один из сотрудников посольства

США, который проработал в Афганистане более двух лет. По словам одного немецкого дипломата, по меньшей мере четверть всей американской помощи расходуется только на иностранных экспертов. В одном из дорогих особняков в Вазир Акбар-хане живет исполнительный директор фирмы «Bearing Point» Эд аль-Рахаль. Только афганский бюджет его фирмы превышает 100 млн. долларов. Аль-Рахаль смог разместить 70 консультантов фирмы в правительственных структурах. По прошествии трех лет консультаций, осуществляемых армией экспертов, в Афганистане есть всего несколько функционирующих министерств и насчитывается не так много афганцев, способных наладить их работу. Известно, что дневная зарплата сотрудника американской организации USAID в Афганистане, которая имеет филиалы по всему миру, составляет 840 долл., в то время как годовой доход Афганистана на душу населения не достигает и 200 долл. В то же время эффективность работы сотрудников организации в Афганистане недостаточно высока: так, по данным соответствующего комитета Конгресса США, к концу 2004 г. они планировали восстановить или построить 286 школ, однако «вследствие неудовлетворительной работы подрядчика и отсутствия безопасности», к сентябрю 2004 г. было построено только шесть школ⁹.

Еще недавно никто из афганских политиков в Кабуле не знал, какие громадные суммы расходуются на их консультантов. Эти консультанты есть везде. Их наняли такие донорские институты, как Мировой банк или Азиатский банк развития. Недавно был оглашен перечень зарплат иностранцев, вызвав небольшого размера землетрясение в правительственных кругах Кабула. Выяснилось, что, например, служащий британской консалтинговой фирмы «Crown Agents» получил 207 тыс. долл. за то, что просидел полгода в офисе USAID. В период функционирования переходной администрации в министерстве финансов, которое возглавлял вернувшийся из эмиграции из США Ашраф Гани, сотрудничали 100 таких экспертов. Сегодня, уже будучи ректором Кабульского университета, он мало что может сказать позитивного о них: только 10% были «первоклассными» специалистами, 35% – «терпимыми», остальные – «просто ужасными». Нынешний министр финансов Анвар уль-Хак Ахади хочет провести аудит, чтобы определить, полезны ли консультанты правительству¹⁰.

Растущее разочарование афганцев распространяется и на другие аспекты нынешней обстановки в Афганистане. В частности, на эффективность борьбы с терроризмом. Основная тяжесть борьбы с талибами лежит на войсках США в составе международной антитеррористической коалиции. Проводимые ими боевые операции часто сопровождаются бомбардировками, которые неизбежно наводят страх на местное население, нарушают ритм его социальной и экономической жизни, приводят к многочисленным жертвам среди невинных людей. Одновременно проводятся обыски в домах местных жителей, сопровождаемые избиением и арестом подозреваемых в симпатиях к мятежникам. В результате, людей, проживающих в районах наибольшей активности талибов, охватывает разочарование по поводу продолжающегося военного присутствия войск коалиции, и они теряют веру в способность коалиции защитить их от мятежников. Разочарование усиливается попытками властей ликвидировать посевы опиума, которые обеспечивают жизнь миллионам доведенных до нищеты крестьян, погрязших в долгах. И эти настроения поддерживаются и используются мятежниками.

Таким образом, население южных и восточных провинций начинает ощущать необходимость проявления симпатий к исламистам, что и обеспечивает последних ценной возможностью растворяться среди местного населения в дневное время и брать в руки оружие в борьбе против Афганской национальной армии и войск коалиции по ночам. Американцы вполне могли бы использовать советский опыт 80-х годов прошлого века в этом плане.

Совершенно очевидно, что, следуя классическим образцам иностранной интервенции под предлогом освобождения, изначальная миссия войск США, которая была нацелена на освобождение Афганистана от исламских экстремистов и террористической сети «Аль-Каиды», быстро превратилась в миссию по борьбе с разочарованием среди населения и по поддержке режима, который теряет доверие народа. Миссия, которая предполагалась быть активной, наступательной и освободительной, направленной против терроризма бен Ладена и его соратников, трансформировалась в миссию по сдерживанию активности мятежников и защиты стратегически важных территорий и артерий, обеспечивающих выживание сил коалиции и поддерживаемого ими режима. Что опять напоминает ситуацию 80-х годов прошлого века.

Более того, продолжающееся иностранное военное присутствие в стране, объявленное стратегическое партнерство с США и плохо задуманная идея постоянных американских баз в Афганистане, предложенная Х.Карзаем и его министром обороны в целях самосохранения, не только тревожит «спящих собак» по соседству в регионе, но и ставит под сомнение объявленные изначально цели миссии. Большинство афганцев, как и их соседи, начинают подозревать, что за вывеской Операция «Нерушимая свобода» вполне возможно скрывается нерушимая оккупация Афганистана.

Вот последняя новость из Афганистана: жемчужина в короне американских усилий по восстановлению страны – авто-трасса Кабул-Кандагар, которая была восстановлена к марту 2005 г., настолько беспокойна, что те, кто хотят из Кандагара попасть в Кабул, должны сначала проехать из Кандагара в Кветту (административный центр пакистанской провинции Белуджистан), оттуда самолетом добраться до Пешавара (центр Северо-Западной пограничной провинции Пакистана), затем сесть на автобус и проехать через Джалалабад до Кабула. Это два дня пути. Как раз два дня уходило на то, чтобы кандагарцы могли добраться до Кабула в период до строительства дороги в 60-е годы прошлого века. Столько же времени уходило на то, чтобы из Кандагара добраться до Кабула в 80-е годы во время советского присутствия в Афганистане, когда трасса была закрыта из-за действий мятежников.

На севере страны ситуация несколько иная. Кроме периодических вооруженных столкновений между отрядами враждующих между собой полевых командиров, северные провинции внешне выглядят достаточно спокойными. Тем не менее, если взглянуть глубже, можно обнаружить, что север спокоен не потому, что туда вернулся мир, восстановлена власть закона и улучшилась жизнь людей. Север спокоен потому, что его оставили во власти одиозных «warlords» («лордов войны»), которые находились и, возможно, и сейчас находятся на содержании у Пентагона. То, что американские войска привязаны к югу и востоку, – Богом ниспосланная возможность северным «уорлордам»: она позволяет им беспрепятственно злоупотреблять властью и чинить произвол на территориях под их контролем, попирая права человека и подавлять недовольство, не привлекая особого внимания. Война на юге и востоке также поощряет и усиливает центробежные силы и настроения, позволяя

северным «уорлордам» консолидировать свою базу власти на местах и превращать ее в мини-государство.

Как следствие такой сложной обстановки, различные поколения афганцев в стране и за рубежом расстались с надеждой на лучшее будущее, соглашаясь с идеей, что худшее еще впереди. В политических беседах между афганцами часто можно услышать: «Да спасет нас Бог от худшего» или «Каждый день хуже, чем вчера».

Потеря надежды сопровождается потерей доброжелательности. Симпатии, которые когда-то большинство афганцев питали к США, испарились и сменились на цинизм, тревогу и недоверие. Причина в том, что правительство Х.Карзая и США не смогли сдержать обещания, данные афганскому народу после поражения талибов, – предоставить свободу, обеспечить права человека и социальную справедливость и осуществить восстановление. Через четыре года после вторжения США, которые уже потратили свыше 60 млрд. долл. на военные, разведывательные, административные цели и на восстановление, то, что афганцы видят у себя дома, разительно отличается от того, что им было обещано в декабре 2001 г. Страна по-прежнему остается под контролем «уорлордов», нищета, голод и болезни продолжают угрожать жизни миллионов афганских детей, мужчин и женщин; безопасность жизни и имущества остается мечтой 99% населения; права человека по-прежнему попираются в каждой долине и деревне; и, наконец, пока не видно и признака появления ответственного, прозрачного, демократически управляемого государства и механизма обеспечения безопасности, которые могли бы выполнить обещания хорошего управления и справедливого применения закона.

Поэтому неудивительно, что Афганистан опять скользит в пропасть. Удивительно, однако, то, что никто не хочет взять на себя ответственность за упущения и провалы. Уходя от ответственности, каждый обвиняет другого во всех грехах. Кабульская администрация упрекает неправительственные организации в отсутствии прогресса в восстановлении страны и обвиняет их в растратах и расточительности; неправительственные организации жалуются на некомпетентность администрации и ее неспособность функционировать прозрачно и честно; посольство США в Кабуле упрекает Х.Карзая в нерешительности в борьбе против наркоторговли; Х.Карзай упрекает международное сообщество в том, что оно не обеспечивает обещанную

помощь в создании альтернативных хозяйств; кабинет министров обвиняет «уорлордов» в превышении власти, nepoтизмe и злоупотреблении властью; «уорлорды» упрекают министров в некомпетентности, коррупции и зависимости от иностранцев; Россия и Узбекистан осуждают Афганистан за содействие мятежникам в Андижане, а также за то, что Афганистан коррумпирует Центральную Азию посредством наркотрафика; Кабул обижается на Россию и Афганистан за недружественные высказывания в его адрес; «вице-король» З.Халильзад вместе с его присными из афганской администрации обвиняет Пакистан в предоставлении убежища талибам. Пакистан, в свою очередь, обвиняет афганскую администрацию в слабости и некомпетентности при решении проблем в своей стране.

В этой игре обвинений нельзя понять, кто прав, а кто нет. Так или иначе, важно одно: обвиняя друг друга, участники афганского «паззла» не могут решить проблемы, с которыми они сталкиваются. Никто не заинтересован определить, кто же должен нести ответственность за неудачи. Поскольку отчетность и ответственность ничего не значат, все, что остается важным для власть придержащих, это осознать, что они стоят перед одной общей проблемой: как предотвратить соскальзывание Афганистана в хаос 80-х и 90-х годов XX в. Основываясь на собственных инстинктах и интересах самосохранения, они должны признать, что вползание Афганистана в очередной хаос ни в чьих интересах. Ни в интересах тех, кто покинул уютную квартиру на Западе, чтобы получить прибыльную работу в Кабуле; ни в интересах «уорлордов», которых ненавидит народ и которые могут легко потерять свою власть, если вернется хаос; ни в интересах американцев, которые пережили 11 сентября; ни в интересах Пакистана, который, как хитрый дипломат-бизнесмен, зарабатывает и будет зарабатывать дальше миллиарды долларов, оказывая давление на талибов и сдавая американцам боевиков «Аль-Каиды»; и, в конечном счете, не в интересах других соседей Афганистана, для которых может возникнуть угроза в виде непредсказуемой, квазиталибской силы, которая однажды может возникнуть из пепла хаотического, неуправляемого Афганистана.

Остается лишь одна надежда на то, что заинтересованные игроки смогут освободиться от иллюзий и осознать серьезность того, что происходит в Афганистане и вокруг него. Если США и властные «уорлорды» будут и дальше игнорировать

проблемы, которые они создали для себя и для страны, тогда не останется сомнений, что мятежники усилят свою мощь, и их действия перерастут в массовое восстание, которое приведет ко всеобщему хаосу и беспорядкам. В этом случае соседние страны, столкнувшись с угрозой вакуума власти в Афганистане, будут вынуждены усилить свое вмешательство во внутренние дела страны. Это приведет Афганистан туда, где он был в турбулентные 90-е годы.

Стабильность и спокойствие в Афганистане станут весомым вкладом в мир, стабильность и экономический прогресс в регионе и в мире в целом. Осознав этот факт, первое, что должны сделать участники афганской игры, – прекратить указывать пальцем друг на друга и заняться теми проблемами, которые пока не удалось решить. Следующим шагом могут стать усилия по удержанию ситуации под контролем.

¹ Highly concessional loan to help improve part of key road network in Afghanistan. Asian Development Bank 15 Dec. 2004.

² Afghan president interviewed on history, politics, current affairs by Massoud Qiam and Nawab Momand. Gul Khana – Presidential Palace, 12 August 2005.

³ Afghan Education Program Will Provide Schools for 500,000 Girls. March 11, 2005 (Bloomberg).

⁴ A roundup of the past month's good news from Afghanistan. OpinionJournal.com, 06.04.2005.

⁵ Afghanistan announces 4.75 bln dollar budget. KABUL (AFP). April 4, 2005.

⁶ Afghanistan still the 'sick man' of Asia. AlertNet / By Alex Whiting / June 20, 20005.

⁷ Report documents poverty and social misery in Afghanistan. World Socialist Web Site. March, 2 2000.

⁸ В настоящее время посол США в Ираке.

⁹ Security, drug, funding woes hinder US rebuilding in Afghanistan. Washington (AFP), July 28, 2005.

¹⁰ Susanne Koelbl. The Aid Swindle. Der Spiegel, March 26, 2005.

АФГАНИСТАН КОНЦА 2005 ГОДА

На сегодня ситуация в Афганистане остается очень сложной и трудно предсказуемой. Государство по-прежнему находится под фактическим иностранным влиянием, которым располагают Международные коалиционные силы численностью 20 тыс. человек и 11-тысячные Международные силы содействия безопасности – International Security Assistance Force (ISAF). Они были введены в Афганистан по решению Совета Безопасности ООН в декабре 2001 г. Кстати сказать, под таким названием эти силы могут быть введены в любую страну мира для обеспечения безопасности. Название выбрано, конечно, не случайно. В данном случае для того, чтобы подчеркнуть – это прежде всего единая многонациональная сила, которая находится в Афганистане именно потому, что эта страна представляла и еще может представлять угрозу международной безопасности. И в значительной степени последнее действительно так. Особенно в отношении России. Другой вопрос – зачем, действительно, находятся в Афганистане силы международной антитеррористической коалиции и ISAF. Вероятно, не только для того, чтобы уничтожить оставшиеся очаги терроризма и обеспечить безопасность страны. НАТО во главе с США преследует здесь ряд других задач, в том числе военно-стратегических, экономических, политических. Недаром США так упорно стремятся обеспечить постоянный статус своих военных баз в стране.

Остановимся сначала на тех перспективах, которые представляются положительными в отношениях новой афганской власти с демократиями Запада. Прежде всего, отметим, что США в очередной раз обещали увеличить свою финансовую помощь правительству Хамида Карзая. 1 декабря 2005 г. в Кабуле состоялась церемония подписания меморандума о понимании в отношении соглашений о помощи. Соглашения предусматривают оказание американской помощи в реализа-

ции программ в области образования, медицинского обслуживания, экономического и демографического развития и т.д. Эти программы официально будут реализовываться американским «Агентством по международному развитию» и афганским правительством. На церемонии присутствовали американский посол Рональд Ньюман и три конгрессмена – республиканцы Джим Колб от Аризоны, Марк Кирк от Иллинойса и Фред Аптон от штата Мичиган.

По сообщению американской газеты «USA Today», в течение следующих нескольких лет непосредственная американская помощь, выделяемая формально для нужд развития Афганистана, достигнет 5,5 млрд. долл. Об этом 1 декабря 2005 г. заявил афганский министр финансов Анвар Ахади (Анвар уль-Хак Ахади). Он сказал также, что официально Соединенные Штаты передали 479,6 млн. долл. уже в этом году, а полный трафик из США, определяющий график финансирования, рассчитан более чем на пять лет, и, как ожидают, достигнет 5,5 млрд. долл. в 2010 г.¹

На какие же глобальные цели планируется потратить эту огромную сумму? Рональд Ньюман на церемонии подписания вышеупомянутых соглашений определил их так – «поддержка преуспевающего и демократического Афганистана», поскольку она «жизненно важна» как для руководства США, так и для простых американцев. Далее он отметил, что Афганистан перенес три десятилетия разрушительных событий. По его словам, потребуется «много времени» для того, чтобы устранить тот ущерб, который был нанесен не только «дорогам и зданиям, но и учреждениям, и гражданскому обществу». Посол назвал запланированную помощь «инвестициями в лучшее образованное и более здоровое население будущего» и расценил их как «стимул, чтобы строить процветающую экономику, основываясь на частном предпринимательстве». Правда, уже сейчас, по его мнению, с помощью американцев, конечно, можно достичь больших успехов, используя частную инициативу афганцев. «Фирмы преуспевают, и рабочие места создаются, – справедливо сказал Рональд Ньюман, – когда люди инвестируют свои собственные деньги и полагаются на их собственную работу». Он отметил также, что программы американской помощи помогут Афганистану, основываясь на сентябрьских парламентских выборах, сделать заключительный, чисто формальный шаг к демократии после десятилетий войны

и поражения движения «Талибан» в 2001 г. Анвар Ахади в своей благодарственной речи в ответ на обещание американской долгосрочной помощи отметил, что подписанные между двумя странами соглашения хорошо продуманы и являются определенным гарантом существования новой афганской власти. В его терминологии это выглядело так: «Я благодарю Вас за то, что эти соглашения были обдуманы, потому что именно это и помогает нам с элементом предсказуемости в нашем бюджете». Интересно, что на этой церемонии было отмечено, что афганское правительство также обеспечит финансирование программ и уже внесло 199,2 млн. долл.²

С нашей стороны отметим следующее. Прежде всего, соглашения были действительно хорошо продуманным шагом. Особенно в связи с состоявшимися в Афганистане 18 сентября парламентскими выборами, официальные результаты которых, кстати сказать, к 1 декабря еще не были обнародованы.

Сам факт подписания соглашений долгосрочного финансирования афганского правительства во главе с Х.Карзаем свидетельствует о том, что реальный план пребывания войск Запада в данном регионе рассчитан не менее, чем на пять лет. Причины такого длительного присутствия определяются, конечно, серьезными экономическими и политическими интересами США в Афганистане и в регионе. Отметим только, что Афганистан располагает значительными запасами природного сырья, в разработках которого заинтересованы США и их союзники. И, конечно, учитывается геополитическое значение этой страны. Не последнюю роль играет, конечно, и известный проект прокладки газопровода из Туркмении в Пакистан и далее, возможно, в Индию через афганскую территорию, в котором заинтересованы многие иностранные компании.

Что касается подписанных соглашений, ориентированных формально на американскую поддержку указанных выше программ и развитие демократических институтов в Афганистане, то звучит это достаточно привлекательно. Конечно, у американцев есть эти 5,5 млрд. долл. Вопрос в другом – кто будет распоряжаться этими деньгами в Афганистане? Точнее – зачем и в кого будут вкладываться эти средства? Какие афганские демократы способны строить то демократическое общество, которое так «жизненно важно» для США? Видимо, это Х.Карзай и его окружение, которые, конечно, представляются людьми честными и искренними в своем желании спасти Афга-

нистан от дальнейшего сползания к политическому хаосу и экономической стагнации. Можно, конечно, исходить из того, что США видят в роли формального демократического лидера Афганистана именно Х.Карзая. Правда, вряд ли кто-то из исследователей может серьезно отнестись к такому предположению.

Дело в том, что коррупция в Афганистане, о которой много говорят и пишут, имеет своеобразную форму – там все деньги, поступающие от международных организаций, рассматриваются политической элитой как свои собственные. Американцы об этом знают, и поэтому все сделанные ими заявления о высоких и благородных целях следует рассматривать как обыкновенную в таких случаях естественную политическую игру. Просто так американцы денег никогда не дают. И тем более не вкладывают деньги в те рискованные предприятия, которые не приносят прибыли. Кроме того, часть средств, выделяемых в таких случаях под различного рода программы, расходуется часто на нужды самих американцев и в значительной степени ими же и разворовывается. Это нормально и естественно. Это не критика американцев. Это констатация обычной политической практики. Ведь то же самое происходило и происходит с иностранной помощью, как известно, и в Средней Азии, и даже в России, где уровень демократии все-таки намного выше, чем в современном Афганистане.

Совершенно естественно, что США и их союзникам нужны в Афганистане свои проверенные люди для контроля ситуации в стране. Одним из них и стал президент Х.Карзай, который вместе со своим окружением должен обеспечивать реализацию их целей. Кроме того, нельзя забывать, что его ценят и в Великобритании, где он был награжден королевой Елизаветой орденом святого Михаила и Георгия. Этим орденом награждаются люди за преданность британской короне. Напомним, что орден был учрежден в ознаменование перехода под власть Великобритании острова Мальты и Ионических островов (последние в 1864 г. были переданы Греции). Он предназначался для награждения влиятельных лиц в этих новых владениях, а также для английских чиновников и офицеров, причастных к управлению ими. Правда, за что именно был награжден М.Карзай, мы пока точно сказать не можем. В любом случае, это очень символично, если принять во внимание, что в Афганистане снова появились вооруженные англичане. На этот раз, однако, уже с исключительно благородными намерениями.

Если судить по вышеупомянутым программам, то складывается впечатление, что жизнь в Афганистане с каждым месяцем и днем становится все лучше и лучше. Надо только оказать небольшую финансовую поддержку, и тогда у населения проснется личная инициатива и заработает афганская экономика. Более того, президент Афганистана Х.Карзай на совместной пресс-конференции с президентом США Джорджем Бушем в Вашингтоне в мае 2005 г. даже заявил, что ситуация в стране стабилизируется, и через 5–6 лет вместо мака в Афганистане будут выращивать дыни и гранаты³. Однако реальность не подтверждает такого оптимизма. Рост наркопроизводства не прекращается, а дыни и гранаты выращивать по-прежнему некому.

Кроме того, не решена проблема устройства возвращающихся из-за границы афганских беженцев, численность которых на конец 2005 г., по официальным данным, составила 3,8 млн. чел. Правда, часто это не столько возвращение, сколько их насильственная высылка на родину из соседних стран. Например, такая масштабная операция давно проводится в Пакистане⁴. Не имея крыши над головой, не найдя работы, многие из них в отчаянии вновь стремятся покинуть страну, направляясь в соседний Иран или Пакистан, откуда они прибыли. Надежда на то, что вернутся те, которые давно обосновались в других странах, в том числе в России и в Европе, сумели действительно своим трудом начать собственное дело и преуспеть в своем бизнесе⁵, давно растаяла. А ведь многие из них – это квалифицированные специалисты, в которых сейчас так нуждается страна.

Ситуация в стране крайне напряженная. Несмотря на то, что, по последним опросам, проведенным в Афганистане сотрудниками ООН, большая часть населения поддерживает присутствие американских войск в стране, отношение к ним почему-то далеко не дружественное. США понимают это и, в свою очередь, пытаются как можно больше увеличить численность войск ISAF и за их счет сократить свои военные силы в стране. Предполагается, что НАТО увеличит численность ISAF в начале 2006 г. на 6 тыс. чел. и расширит зону своей ответственности на южные районы Афганистана. И хотя их задачей является не ведение боевых действий против «повстанцев»⁶, а лишь обеспечение безопасности территорий под их контролем, они неминуемо столкнутся с ними и будут нести потери. Это

устраивает далеко не всех миротворцев. Так, Голландия, которая, как планируется, будет одним из основных отрядов ISAF, требует гарантий того, чтобы их войска не подвергались нападениям со стороны повстанцев в южном Афганистане. Именно там миротворческие силы окажутся наиболее уязвимыми. В связи с этим кабинет министров Голландии ставил вопрос о том, стоит ли им вообще направлять войска в Афганистан, в частности, в южную провинцию Урузган, в которой повстанцы действуют достаточно активно. Голландские законодатели от оппозиции возражают против посылки большего количества войск в Афганистан, ссылаясь на опыт голландской армии в южном Ираке, где в течение их 20-месячного пребывания были убиты два солдата. Это только официально. Количество раненых голландцев в Ираке составило более 50 человек, 13 из которых уже умерли на родине. Кроме того, согласно «пропущенному» несколько недель назад в прессу конфиденциальному сообщению голландской военной разведки, предсказываются намного более высокие потери от так называемых несчастных случаев в Афганистане. Это дало дополнительные козыри оппозиции, чтобы побудить правительство пересмотреть свое обязательство.

В настоящее время в северном Афганистане уже размещены почти 500 голландских военнослужащих. Ранее в этом году правительство Голландии послало в эту страну 165 спецназовцев без одобрения парламента. Несколько голландских вертолетов были потеряны в «несчастных случаях», хотя ни о каких жертвах не сообщалось. Это закрытая информация. По данным талибов, погибли 10 голландцев. Поэтому после встречи с министром иностранных дел Голландии Бенном Ботом и министром обороны Хенком Кампом заместитель госсекретаря США Дэниел Фрид сказал следующее: «Мы обсуждали пути, которыми будем поддерживать голландцев. Они должны быть уверены, что имеют военную резервную копию, которая необходима». В переводе на понятный язык это означает – США намерены предоставить еще новые контингенты из других стран. Газета «The New York Post» практически открытым текстом сообщила, что 30 ноября Соединенные Штаты пообещали: присутствующие в Афганистане голландские войска получат военную поддержку. Это сделано для того, чтобы предотвратить аннулирование соглашения Нидерландов по посылке 1,1 тыс. военнослужащих в Афганистане⁷.

Ведомая НАТО ISAF сейчас насчитывает около 11 тыс. военнослужащих в Афганистане, и, как ожидают, должна вырасти приблизительно до 16 тыс. в следующем году. Причем, как сказал помощник главы Пентагона по вопросам международной безопасности Питер Флори, любая резервная стратегия вряд ли потребует пересмотра плана относительно большего количества постоянных войск. Посылка военной помощи из Голландии – одно из звеньев данной программы. И голландцы, как верная сила США, должны, по замыслу американцев, всегда служить опорой их союзу в Афганистане. Более того, предполагается развивать многоцелевые силы быстрого реагирования с использованием эффективной воздушной поддержки, чтобы гибко отвечать «на действия повстанцев».

Однако ведущий профсоюз голландских военнослужащих, объединяющий 25 тыс. военных (AFMP) выступил против участия в новой операции НАТО в Афганистане в 2006 г. «Дело даже не том, что отправляться в Урузган – опасная затея, а в том, что стирается разница между миссиями ИСАФ и международной антитеррористической операцией «Несокрушимая свобода», – сказал председатель AFMP Вим ван ден Бург. К тому же, согласно распространенным здесь 1 декабря 2005 г. итогам опроса общественного мнения, проведенного известным социологическим институтом «Морис де Хонд», 71% респондентов высказались против участия Нидерландов в новой операции НАТО⁸.

Есть проблемы и у другой нейтральной страны – Швеции, которая также привлечена американцами к военной операции и поставила в Афганистан приблизительно 90 военнослужащих, не имеющих опыта боевых действий. И они несут потери. По сведениям агентства AP, в ноябре погиб один шведский солдат и несколько были ранены в результате придорожного взрыва бомбы во время их передислокации в г. Мазари-Шариф. В результате, среди шведов началась паника. Еще один шведский солдат был серьезно ранен при артобстреле со стороны партизан. И такие нападения случаются в Афганистане довольно часто. Точно так, как и похищения чиновников новой афганской администрации. По словам одного из представителей провинциального полицейского руководства Абдул Расула, повстанцы часто нападают на полицию, афганскую армию и войска коалиции. По его данным, в этом году в Афганистане погибли почти 1,5 тыс. чел. в результате «волны насилия»⁹. Правда, он не уточнил, кто входит в число этих жертв. Возможно, имелись в

виду также и повстанцы, и мирные жители. В любом случае, надо полагать, потери среди международных сил гораздо выше, чем о них сообщается официально.

Для активных действий партизан против иностранных, в первую очередь американских, войск действительно существуют причины, о которых в основном известно достаточно хорошо. Здесь мы назовем еще одну¹⁰.

Недавно американские военнослужащие участвовали в сожжении трупов убитых ими повстанцев. Военное командование США признало этот факт, но заявило, что американские солдаты делали это исключительно из гигиенических соображений. Четверо американских военнослужащих даже наказаны – они должны понести за это дисциплинарные меры наказания. Представители Вооруженных сил США были вынуждены провести специальную пресс-конференцию, чтобы продемонстрировать видеокадры о полученных данных расследования в прошлом месяце. Дело в том, что в Афганистане появились слухи о том, что американцы сжигают людей заживо под видом кремации трупов. Однако даже если это только слухи, то сам факт кремации мусульман американцами расценивается афганцами как оскорбление их религиозных чувств, поскольку ислам запрещает кремацию.

Представленные же американцами видео и фотоматериалы рассматриваются афганцами как сравнимые с издевательствами американцев над заключенными в иракской тюрьме Абу Грейб. Понимая это, командующий экспедиционным корпусом США и силами коалиции генерал Джейсон Камия сделал официальный выговор двум американским чиновникам, которые приказывали сжигать трупы. Генерал отметил, что этим людям просто не хватает культурного и религиозного понимания, а военнослужащие, естественно, не знали, правильно они поступают или нет. Тем не менее, Д.Камия пообещал сделать выговор и двум сержантам (а это может означать потерю ими заработной платы или понижение в должности и в разряде) – за то, что они используют громкоговорители, чтобы насмехаться над мятежниками из «Талибана», которые, как полагали, все еще задерживались в соседней деревне после столкновения с американскими войсками. «Наше расследование сожжения трупов преследовало цель показать, что не было никаких намерений осквернить традицию, а преследовало только цель избавляться от них по гигиеническим причинам», – подчеркнул генерал.

Правда, по данным известного востоковеда В.Г. Коргуна, произвол и насилие над местными жителями постоянно совершаются и со стороны ряда полевых командиров, многие из которых занимают посты в местных органах власти, в первую очередь в полиции и органах безопасности.

Большие проблемы могут возникнуть скоро и у британских подразделений в Афганистане. По информации BBC, британские войска оказываются перед новым вызовом со стороны партизан. Как считают англичане, их «маленькое и пока мирное британское вторжение началось в этом отдаленном углу Афганистана исключительно из благих намерений». С весны следующего года британцы намерены разворачивать свои вооруженные силы для борьбы с производством наркотиков в Афганистане, который является главным их производителем в мире.

Именно ради выполнения этой благородной цели и будут направлены сюда еще несколько тысяч солдат и гражданских советников, которые должны поддерживать правительство президента Х.Карзая в его борьбе с наркопроизводством¹¹. В июле 2005 г. Х.Карзай посетил Лондон с двухнедельным визитом, где вел переговоры с британским руководством. Тогда он заявил, что **Афганистан не собирается увеличивать численность иностранного военного контингента на своей территории**¹². Теперь же англичане не только намерены расширить свое военное присутствие в Афганистане, но и ведут сейчас переговоры с другими странами Европы с целью получения от них дополнительных контингентов войск. Пока же действуют почти самостоятельно.

Британские войска расположатся в южной провинции Гильменд. В Афганистан уже прибыло большое количество английских войск, которые устанавливают линии связи и составляют планы по взаимодействию с другими силами. 19 ноября 2005 г. командующий передовым отрядом парашютистов, составляющим ядро 16-й воздушно-десантной бригады, инспектировал состав бригады, чтобы сделать оценку предстоящего продвижения вглубь территории Афганистана. Последний раз, когда Афганистан видел столь большие военные силы англичан, – это колониальные времена XIX столетия. Тогда это закончилось поражением британцев (1880 г.) недалеко от селения Майванд в Кандагарской провинции.

В Гильменд недавно прибыла команда специальной пропаганды из министерства обороны, чтобы изучить обстановку,

установить отношения с местным населением и создать благоприятные условия для дальнейшего функционирования своего экспедиционного корпуса. Англичане уже заранее предвкушают успех и через свои СМИ сообщают, что афганцы с нетерпением ждут от них помощи по обеспечению безопасности. В то же время британцы ориентируются не на личное участие в операциях по контролю над наркоторговлей, а на использование местных сил. В том числе планируется сформировать бригаду из 3 тыс. чел. (в районе Аштон), являющуюся частью афганской Национальной армии. В Гильменде ими будут готовиться полицейские силы численностью 1,8 тыс. чел. Низкие зарплаты полицейских и чиновников, однако, всегда служили основой для их подкупа со стороны торговцев наркотиками. Правительственные чиновники здесь признают, что многие собственные силы правопорядка также вовлечены в торговлю наркотиками. Как выйти из этого положения – знают, видимо, только англичане. Похоже, они уверены, что смогут установить с местным населением доверительные или взаимовыгодные отношения. Правда, в условиях борьбы с торговцами наркотиками может возникнуть необходимость стрелять в афганцев, кормящих свои семьи исключительно этим бизнесом. А таковых в Афганистане, около 2 млн. чел. Наверное, и это просчитано британцами.

У некоторых афганцев есть свой взгляд на миротворческую миссию англичан в Афганистане. Так, например, губернатор Гильменда Шер Мухаммад Ахундзада сказал справедливо корреспонденту BBC, что он хочет, чтобы британские войска патрулировали открытую границу с Пакистаном, которой пользуются наркоторговцы из движения «Талибан» для пополнения своей финансовой базы. Здесь война с наркотиками, по его мнению, поможет войне с террором¹³. В настоящее время никакого афганского правительственного присутствия там вообще нет. Англичанам, конечно, такая ситуация не нравится. Тем более, что и американцы туда не желают идти ни под каким предлогом уже хотя бы потому, что их транспортные средства часто застревают в мягких песках. Хотя, казалось бы, что именно это установление пограничного контроля должно рассматриваться как одна из важнейших составляющих программы по борьбе с распространением наркотиков. Наверное, подготовиться не успели. Проблемы еще впереди.

Приведенные здесь материалы свидетельствуют о том, что мира или даже замирения в Афганистане пока не предвидится. По крайней мере, этого точно не произойдет в следующем году, который можно рассматривать как год нового подхода к Афганистану. Подхода, основанного на усилении военного присутствия «миротворцев» с целью установления контроля над территориями, представляющими для них стратегический интерес – как в экономическом, так и в политическом плане.

¹ USA today, 1.12.2005.

² Ibid.

³ AP, 24.05.2005.

⁴ Русский Newsweek, 12–18 декабря 2005 № 47 (77),
<http://www.runewsweek.ru/rubrics/?rubric=globus&rid=621>

⁵ «Hamburger Abendblatt», 1.12. 2005.

⁶ Этот термин используется даже в еврейских СМИ –
<http://www.sedmoykanal.com/news.php3?id=59933>

⁷ «The New York Post», 1.12. 2005.

⁸ ИТАР-ТАСС, 01.12.2005.

⁹ AP, 26.11.2005.

¹⁰ AP, 26.11.2005.

¹¹ BBC, 26.11. 2005.

¹² Хамид Карзай: «С талибами мы обязательно справимся»,
<http://www.izvestia.ru/world/article2326828>.

¹³ BBC, 26.11. 2005.

ОСОБЕННОСТИ АФГАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ*

Четыре политических года в Афганистане

Осень нынешнего года стала важным этапом в истории нового афганского государства, освободившегося от режима талибов почти четыре года назад. Всеобщие парламентские выборы, состоявшиеся 18 сентября, формально завершили процесс формирования афганской государственности на основе республиканских, общедемократических принципов, правда, конечно, с афганской спецификой.

После свержения талибов, отбросивших Афганистан в средневековье, новые афганские руководители в деле создания государственных институтов были вынуждены начинать с нуля. Это был сложный путь.

В декабре 2001 г. на Боннской конференции по возрождению Афганистана афганскими делегатами при содействии ООН и представителей ряда государств были намечены пути перевода страны из средневековья в XXI век посредством введения демократических институтов. Тогда было принято решение о создании органов исполнительной власти и, прежде всего, временного правительства Афганистана во главе с Хамидом Карзаем.

Затем в июне 2002 г. в Кабуле прошла Лоя Джирга (Совет старейшин, общенациональная ассамблея представителей народностей и племен – традиционный афганский общенарод-

* Статья подготовлена по материалам: эфира радио «Голос России», «Би-Би-Си» (август – ноябрь 2005); Информационных агентств «РИА Новости», «Интерфакс», «ИРНА» (август – ноябрь 2005); Информационных и аналитических сайтов Интернета (август – ноябрь 2005): Афганистан.ру, Iran News (iran.ru), MidEast.ru, а также на основе личных впечатлений автора от пребывания в Афганистане в сентябре 2005 г.

ный законодательный орган). Лойя Джирга выдала мандат Хамиду Карзаю на формирование уже переходного правительства, целью которого было создание внутренних и внешних условий для выработки и принятия Конституции, проведения всеобщих президентских выборов. В начале 2004 г. Конституционная Лойя Джирга приняла Конституцию Исламской Республики Афганистан (ИРА). В октябре 2004 г. состоялись первые в истории Афганистана прямые президентские выборы. Афганский народ впервые сам избрал главу государства. Им стал Хамид Карзай. В декабре 2004 г. он сформировал правительство страны и в январе 2005 г. своим указом ввел в действие новую Конституцию Афганистана.

На очереди был вопрос о создании законодательной ветви власти. Руководство Афганистана еще до президентских выборов приняло решение о проведении общенациональных выборов в парламент и местные законодательные органы власти. Однако из-за сложности внутривластной обстановки выборы переносились два раза: с октября 2004 г. (планировалось провести парламентские и президентские выборы одновременно) на май 2005 г., а затем на 18 сентября.

Следует особо подчеркнуть, что четырехлетний период строительства афганской государственности характеризуется сложнейшей внутривластной обстановкой, в условиях которой происходит ожесточенное сопротивление, в том числе и вооруженное, центральным властям по множеству направлений.

Афганское общество и демократия

Внутриафганские политические процессы неразрывно связаны со спецификой всего афганского общества. В силу своей архаичности, своих структурных особенностей, этот социум в XXI в. продолжает жить в веке XIV, оставаясь сугубо традиционным. То есть таким обществом, в котором основу, его становой хребет составляют патриархальные, быть может, еще дофеодальные отношения, где жизнь движется по законам, выработанным многие сотни лет назад в кланах, племенах и объединениях племен одного этноса. И вся демократия такого общества заключается в иерархии старейшин, в абсолютном подчинении младших старшим.

Сложности афганской ситуации многократно приумножаются наличием в стране десятков этнических групп. Наиболее крупные представлены: пуштунами – 53% всего населения

страны; таджиками – 18%; узбеками – 9%; хазарейцами – 9%, туркменами – 3%. Причем, каждая из них имеет сложную родо-племенную структуру. Так, самый многочисленный афганский этнос – пуштуны делятся на четыре крупнейших союза племен, которые, в свою очередь, подразделяются на объединения племен, те – на племена (их число превышает 20), а последние – на многочисленные кланы и роды.

Традиционно родо-племенные образования имели практически полный контроль над территориями своего обитания, а их вожди – над членами своего иерархически определенного племенного объединения, олицетворяя собой верховную политическую, военную, юридическую и экономическую власть. Поэтому общафганские правители в Кабуле никогда не обладали абсолютной властью над всеми своими подданными – как пуштунами, так и другими этносами. Они были вынуждены или договариваться со своими вассалами – вождями различных племен, или покупать их – в любом случае выторговывать верность себе. Зачастую, правда, кабульские правители силой и жестокостью заставляли подчиниться центральной власти. Но, как правило, это давало временный результат. То есть на протяжении столетий Афганистан, будучи унитарным государством «де-юре», никогда таким не являлся «де-факто».

История Афганистана в последние десятилетия внесла еще больше разграничительных столбов в общество уже на политическом поле, поделив афганцев на монархистов и республиканцев, на сторонников апрельской революции 1978 г. и их противников. Более того, каждая из групп распадалась на враждующие даже между собой партии и военные группировки. Далее историческое развитие Афганистана раскололо население на сторонников и противников талибов, на умеренных мусульман и экстремистски настроенных фундаменталистов.

Ныне положение дел чуть меняется. Во-первых, в крупных городах (по афганским меркам), где ощущается влияние новых идей, установок, где работают многочисленные иностранцы-носители западных ценностей, где наиболее активно протекает политическая жизнь, постепенно ослабевают родо-племенные отношения. На первый план выходят этно-национальные, которые, конечно, не способствуют общафганскому единству, но все же являются более высокой степенью консолидации. Во-вторых, военно-политические ураганы, носившиеся над Афганистаном в течение более 30 лет, в определенной степени

политизировали и/или исламизировали население (что, по своей сущности, идентично) и также потрясли традиционное афганское общество.

В результате, сегодня все еще правомерно говорить о значительных противоречиях между пуштунами и другими этносами, между центром и провинциями, между местными полевыми командирами и вождями, привыкшими жить военной добычей и поборами на караванных путях. Бывший Северный альянс, представляющий, прежде всего, интересы отнюдь не пуштунов, занимает откровенно оппозиционную кабульскому режиму политическую позицию. Внутри самой афганской политической элиты также нет единства взглядов на будущее страны. Идеологическая картина элиты представляет собой взрывоопасную смесь этно-национальных, в определенной степени религиозных и политических, пристрастий и амбиций, влияющих на выбор политической линии страны.

Однако, после освобождения Афганистана от талибов в афганском обществе наметилась такая тенденция, когда все противоречия и противостояния, независимо от их сущности и происхождения, все больше трансформируются в политические или приобретают политическую окраску. Более того, это политическое противостояние переходит в вооруженное. В настоящее время наиболее опасна для Кабула непримиримая экстремистская оппозиция, ведущая вооруженную борьбу в политических целях с применением партизанских и террористических методов. К ней относят свергнутых, но не уничтоженных, талибов и их союзников – группировки «Аль-Каиды», а также отряды неизвестного Гульбуддина Хекматъяра.

В Афганистане и на Западе утверждают, что состоявшиеся выборы – последняя стадия перехода страны к демократии. Если подходить формально, то все атрибуты демократии в стране сегодня присутствуют: законно избранный народом президент, сформированная им исполнительная власть, народом же избранный парламент. Но, несомненно, в условиях Афганистана, народ которого в большинстве своем еще живет по традициям и обычаям средневековья, причем в нищете и неграмотности, народ, привыкший к войнам и безмерно уставший от них, народ никогда не знавший «народовластия», не может воспринимать не только сам термин «демократия», но и его сути. Однако за четыре года была сформирована юридическая основа, институциональная база будущих демократических

преобразований. Можно сказать, создан потенциал будущей демократии.

И в этом несомненная заслуга, как афганцев, так и международного сообщества. Теперь, как кажется, главная задача руководства страны, всех ответственных интеллектуалов Афганистана, поддерживающих режим, причем неважно, сторонников президента Хамида Карзая или представителей конструктивной оппозиции вне зависимости от взглядов и мировоззрений (речь, конечно, не идет об вооруженных экстремистах или радикальных исламистах), привить подавляющему большинству афганцев навыки жизни в условиях демократических преобразований, воспитать уважение к демократическим ценностям. Но при этом никоим образом не взрывать привычный уклад жизни афганцев.

К сожалению, отрицательный опыт в Афганистане имеется. Причем, как в одном направлении (псевдокоммунистический эксперимент), так и в другом (талибы). Только постепенная эволюция и не только социальная, а, в первую очередь, – национально-психологическая может принести успех будущей афганской демократии. Это, безусловно, долгий путь, но другого нет.

Таким образом, прошедшие парламентские и муниципальные выборы как и многие судьбоносные политические мероприятия, проведенные за последние четыре года в таких сложнейших условиях внутриполитической обстановки и заложившие основы создаваемой новой афганской демократии, можно назвать значительным успехом правящего режима.

Демократия на Востоке

Однако... Политологи полагают, что провести всеобщие выборы, создать демократические, республиканские институты власти в экономически отсталой стране с политической нестабильностью, граничащей с гражданской войной, можно, но это не решит в одночасье весь огромный комплекс проблем, снизу доверху пронизывающих общество. Это в полной мере относится к Афганистану.

Недавно и совершенно неожиданно президент США Джордж Буш признал, что другие демократии не обязаны походить на Соединенные Штаты. С этими словами трудно не согласиться.

Понятно, есть основополагающие принципы демократии, есть обязательный набор демократических институтов, кото-

рый практически везде один и тот же. И они должны быть одинаково понимаемы повсюду. Но главный вопрос, как они вписаны в большое количество особенностей, которые связаны с историей того или иного государства, его традициями, представлениями граждан, наконец, с национальной психологией народа, как они взаимодействуют с политической традицией той или иной страны.

Объективности ради надо признать, что эти традиции в исламских странах более авторитарны и менее демократичны и в большинстве своем выстроены на принципах общинности. Как утверждают некоторые ученые-востоковеды, «та демократия, которую мы видим на Западе, невозможна на Востоке. Возможен некий транзит – переходный вариант, но неизвестно, сколько для него потребуется времени – скорее всего, не одно поколение». Представляется, что в данном случае, как справедливо заметил политолог Федор Лукьянов, «возможный выход из положения... – поощрение управляемой демократии... То, что в соответствии с канонами ОБСЕ считается недопустимым, скажем, на Украине или в Грузии, в Узбекистане станет значительным шагом вперед. Все относительно, в том числе и степень демократичности».

Добавим: в Афганистане в условиях обеспечения безопасности страны со стороны международного контингента вооруженных сил и достаточно авторитарной власти Хамида Карзая есть возможность постоянно повышать эту степень демократичности. В стране созданы основы демократии – завершен процесс формирования демократических, республиканских институтов. Но они еще очень и очень хрупки. Без твердого, будем говорить, авторитарного контроля со стороны властей за ростками афганской демократии, построенный с таким трудом фундамент может рухнуть. В этой связи роль иностранных воинских контингентов в Афганистане сегодня довольно значительна. Даже если их не вывести, а просто существенно ослабить, ситуация тут же взорвется, и уже не придется говорить о демократии, даже управляемой.

Кроме того, созданные только что демократические институты еще не связаны должным образом с народом, во всяком случае, с подавляющим большинством афганцев. Нет пока продуктивной смычки между ними. Но демократия без народа – это нонсенс. Поэтому, укрепляя ее основы и способствуя ее развитию, афганские власти должны воспитывать народ, по-

степенно, без «ломок через колено» готовить его к пониманию выгоды жить в демократическом обществе, конечно, без утраты своих национальных особенностей, религиозных традиций.

Таким образом, в дискуссиях по проблеме демократии в Афганистане и в целом в исламском мире еще раз подтверждается мысль о том, что «Восток – дело тонкое». И соответственно, подлинная демократия должна сама постепенно вызревать в недрах традиционного социума, а задача мирового демократического сообщества – обеспечить возможности этого роста. Это долгий и трудный процесс, который неразрывно связан с экономическим развитием, с ликвидацией нищеты, голода, неграмотности, с постепенным изменением национальной психологии. Надеемся, все эти процессы будут успешно развиваться в Афганистане.

ПАРЛАМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ*

Каков будет новый афганский парламент?

Сейчас и в Афганистане, и за его рубежами многих волнует вопрос, как новый афганский парламент повлияет на внутри- и внешне-политический курс президента Хамида Карзая и его правительства.

Законодательный орган власти в стране, несомненно, придаст большую легитимность как самому президенту, так и его правительству. Теперь парламент будет контролировать деятельность не только министров, но и президента, и корректировать ее, когда в этом есть необходимость. Однако, исходя из того, что в нынешней сложной и нестабильной внутренней ситуации Афганистану требуется сильный президент, и, по всей вероятности, Карзай это хорошо понимает, он сам будет определять рамки допустимых корректировок своей политики со стороны парламента.

Судя по оценкам наблюдателей, состав парламента Афганистана можно охарактеризовать словами оппозиционный и консервативный. Однако, – и это важно, – теперь юридически оформляется законопослушная (будем надеяться) парламентская оппозиция. Соответственно, внепарламентские оппозиционные группировки и, в первую очередь вооруженные, становятся вне закона.

Какой предполагается состав нового парламента?

* Статья подготовлена по материалам: эфира радио «Голос России», «Би-Би-Си» (август – ноябрь 2005); Информационных агентств «РИА Новости», «Интерфакс», «ИТАР-ТАСС», «ИРНА» (август – ноябрь 2005); Информационных и аналитических сайтов Интернета (август – ноябрь 2005): Афганистан.ру, Iran News (iran.ru), MidEast.ru, а также на основе личных впечатлений автора от пребывания в Афганистане в сентябре 2005 г.

По данным, опубликованным афганским Центризбиркомом, наибольшее число парламентских мест заняли представители моджахедов и религиозных деятелей (около 50%). 20% мест имеют интеллигенция, демократы и прозападные либералы. Столько же завоевали и независимые депутаты. Почти 5% имеют бывшие коммунисты (11 мест), технократы (около 3%), члены движения «Талибан» получили 4 места (1,6%).

По всей вероятности, поддержку президенту Карзаю в парламенте окажут демократически настроенные интеллектуалы и либералы, а также технократы. Возможно, какая-то часть независимых. Кроме того, нельзя забывать, что этнические пуштуны получили более ста мест в парламенте. Как считают наблюдатели, именно на своих пуштунских соплеменников будет опираться президент Карзай.

Вне сомнений, степень поддержки президента или противостояния ему в парламенте во многом будет зависеть от самой представительной группы депутатов-моджахедов. В нее вошли все основные лидеры военно-политических объединений, боровшихся и с «коммунистическим режимом», и с советской армией, и с талибами, и зачастую друг с другом, а также некоторые полевые командиры. Если они будут проводить консолидированную линию, то с привлечением независимых депутатов они смогут иметь необходимое большинство голосов. Однако, если фракция моджахедов распадется на части под влиянием внутренних противоречий (а они существуют), то тогда преимущество будет, скорее всего, на стороне демократов. Им, конечно, будет работать сложнее, однако в ситуации разброда среди депутатов-моджахедов они также могут проводить необходимые решения.

Шансы талибов или людей, стоящих на их политико-идеологических позициях, на то, чтобы взять под контроль парламент маловероятны. Они, безусловно, составят костяк исламистской оппозиции Карзаю в парламенте и по некоторым вопросам могут добиться большинства, но оказывать реальное влияние на политику парламента не смогут.

Положение левых аналогично. Быть может, они чаще, чем талибы, будут поддерживать президента.

Афганский парламент станет местом столкновения интересов основных национальных группировок – это таджиков, узбеков и, конечно, пуштунов. Кроме того, нельзя забывать и об интересах афганских шиитов. В последние годы у афганских

шиитов, в силу активизации их участия в политической жизни страны, а также в 30-летней серии войн, резко поднялось самосознание. За всю историю Афганистана они, быть может, впервые почувствовали себя мощной политической силой. Вспомним: вскоре после прихода к власти моджахедов и вплоть до талибского переворота шииты занимали важные посты во всех государственных структурах Афганистана. Сейчас, после разгрома талибов, они еще больше усиливают свое влияние. Так, шиит Халили – второй вице-президент страны.

Таким образом, оппозиционный парламент несколько сузит поле деятельности президента. Но говорить о том, что его стратегический курс подвергнется кардинальному изменению, нет оснований. Да, оппозиция, по мнению афганских и иностранных наблюдателей, будет доминировать в законодательном органе страны, но оппозиция, в большинстве своем, мягкая и компромиссная, к тому же аморфная и разрозненная. Пожалуй, суть парламентской оппозиции президенту Карзая хорошо раскрыл видный оппозиционер Кануни. Он как-то сказал: «Я поддерживаю президента Карзая, дружу с ним, но не согласен с некоторыми аспектами его политики».

Несомненно, оппозиционные депутаты постараются сдерживать прозападные (а точнее – проамериканские) устремления Хамида Карзая, желая сохранить культурно-религиозную самобытность страны и законсервировать многие аспекты жизни в Афганистане. Но, конечно, без фанатично-экстремальных мер, которые осуществляли в свое время талибы. Возможно, замедлятся социально-экономические реформы, правда, и сегодня не слишком быстро текущие.

При всем этом, появление в стране нового республиканского института – факт позитивный, но насколько это будет способствовать стабилизации обстановки в стране и нормализации ситуации как в Афганистане, так и вокруг него, покажет будущее.

Первоочередные задачи

Перед афганским парламентом стоят масштабные задачи по законодательному обеспечению реформирования страны и перевода ее в XXI в. Во внутренней политике – это, прежде всего, обеспечение территориальной целостности страны, ее безопасности перед лицом угрозы террористических вылазок Талибан, «Аль-Каиды» и Хекматьяра. Это развитие экономики

и освобождение ее от наркоориентации. Это создание условий для соблюдения гуманитарных прав, записанных в Конституции, прежде всего прав женщин. Это, наконец, культурная революция, призванная на традиционной национально-религиозной основе возродить афганскую культуру и одновременно приобщить афганцев к мировым культурным достижениям.

Показательно, что задачи во внешней политике практически аналогичны.

Ситуация, складывающаяся в Афганистане с безопасностью, не дает поводов для большого оптимизма. Только за последний год от рук террористов погибли почти 1,5 тыс. афганцев. Но, кроме того, по оценкам экспертов, в 2005 г. в этой стране погибло больше военнослужащих западных государств, чем за несколько предшествующих лет (с конца 2001 г.).

Активность террористического подполья в минувшие месяцы свидетельствует о способности талибов, «Аль-Каиды» и отрядов Хекматъяра твердо и неуклонно придерживаться эффективной стратегии борьбы как с кабульским режимом, так и с международным воинским контингентом. Причем накал этой борьбы усиливается.

Понятно, что решить проблему безопасности самостоятельно сегодня Кабул не в состоянии. Сейчас в Афганистане действует 20-тысячный контингент американских вооруженных сил и девяти тысячный контингент Международных сил содействия безопасности (ISAF), так называемый натовский, хотя в нем участвуют военнослужащие не только из НАТО, а всего – из 36 стран. Однако натовцы составляют костяк этого контингента: более половины – германские военнослужащие, второе место по численности занимают итальянцы. Командование также из НАТО.

В связи с обострением ситуации в Афганистане в НАТО недавно было заявлено об увеличении миротворческого контингента ISAF до 15 тыс. чел., то есть на шесть тысяч. Более того, для ISAF предполагается изменить перечень задач. В данное время военнослужащие ISAF выполняют миротворческие, патрульно-контрольные функции и не принимают участия в боевых действиях. Планируется использовать международный контингент в боевых операциях против талибов и хекматъяровцев совместно с американцами, но без формирования единого командования (пока).

Для этого предполагается расширить зону ответственности подразделений международных сил ISAF. Сегодня она

охватывает Кабул, а также северные (на границе с Таджикистаном) и западные (на границе с Ираном) районы страны. Натовское командование намерено взять под контроль южные афганские провинции, расположенные на границе с Пакистаном. Эти территории, примыкающие к так называемой пуштунской зоне племен, являются источниками нестабильности для всего Афганистана. Именно на юге сегодня активно действуют талибы и боевики «Аль-Каиды». При этом, факты свидетельствуют, что там скрываются не только афганские боевики, но и экстремисты из Пакистана, Саудовской Аравии и Чечни. Многие из находящихся там террористов – «иностранцы, прошедшие подготовку в Пакистане» и других странах, – отметил один из командиров афганского спецназа.

Такому положению вещей способствует то, что в результате многолетней политики Пакистана в отношении своего западного соседа вдоль афгано-пакистанской границы (линия Дюранда) в полосе шириной около 150 километров стихийным образом сложился никому не подконтрольный пуштунский «эмират», своеобразный Пуштунистан, на который не распространяется влияние ни Исламабада, ни Кабула. Это военнополитическое образование стало центром, сердцевиной международного исламистского терроризма, угрожающим не только двум соседним государствам, но и всему региону.

Решение руководства альянса увеличить контингент международных сил свидетельствует о чрезвычайной сложности складывающейся сегодня внутренней обстановки, с одной стороны, а с другой, – говорит об успешности курса США на формирование системы «равной ответственности» с международными силами за ситуацию в Афганистане.

Несмотря на недавние довольно резкие заявления президента Карзая о том, что он больше не видит целесообразности в продолжении полномасштабной военной операции в Афганистане, он, по-видимому, прекрасно понимает необходимость присутствия международных вооруженных сил в своей стране. Скорее всего, заявление Хамида Карзая – для внутриафганского использования. Это, с одной стороны, стремление успокоить афганцев перед неминуемым увеличением международного контингента. С другой, – дать понять новым депутатам парламента, где большинство моджахедов выступает против иностранного присутствия в стране, что президент готов к диалогу с парламентариями о судьбе иностранных вооруженных сил в Афганистане.

На этом фоне многообещающе звучит заявление командующего германским контингентом в составе ISAF генерала Ханс-Кристофа Аммона о том, что миротворческая миссия бундесвера в Афганистане продлится еще 10 лет.

Афганский парламент, конечно, займется вопросом присутствия международных сил в стране, но в плане, скорее всего, законодательной легализации их присутствия с уточнением срока вывода.

В экономике, по мнению некоторых специалистов по Афганистану, дела обстоят не так плохо, как считают многие. Уже через три года после выхода из почти 30-летней войны Афганистан восстановил некоторые элементы инфраструктуры, наладил постоянную торговлю и тесное экономическое сотрудничество с соседями. Провел денежную реформу, создал основу банковской системы.

Рост ВВП в 2003/04 финансовом году составил 16%, и такой же процент ожидается для 2004/05 года. По оценкам Института Азиатского банка развития, средний прирост ВВП Афганистана в 2006–2010 гг. составит не менее 10%. Конечно, стартовые показатели приближались к нулю, но в любом случае прогресс есть. В целом можно сказать, что почти за четыре послевоенных года афганская экономика сделала первые шаги вперед.

Как считают специалисты-экономисты, самое главное достижение в этой сфере состоит в том, что к настоящему моменту система инвестирования в афганскую экономику в общих чертах создана. Скорее всего, в течение ближайших двух-трех лет она покажет свои возможности и свою эффективность. По своей простоте афганское законодательство об инвестициях намного лучше любого другого. Сформирована простая и понятная, разумно централизованная система управления процессом инвестирования.

Нельзя не отметить правильную политику афганского правительства, делающего ставку на инвестиции. Во-первых, правительство хорошо понимает, что основными инвесторами будут афганские предприниматели из диаспоры и предприниматели из соседних стран. Во-вторых, каждый доллар инвестиций толкает вперед афганскую экономику, обеспечивает работой население и решает социальные проблемы. Афганская экономика должна собрать свой урожай с этой политики.

Но не только специалисты положительно оценивают достижения кабульского руководства. В беседе с автором статьи

житель Кабула инженер-электрик Ахмад Али, в частности, сказал, что позитивные изменения видны все лучше и лучше. Подтверждение тому – Кабул. Можно сказать, что столица Афганистана, почти до основания разрушенная за годы войны восстанавливается, появляются новые красивые дома. То тут, то там разбиваются скверы и газоны. Меняется быт горожан. Самое главное – оживляется деловая жизнь. Активно работают банки, люди берут кредиты. Появилось много новых компаний, фирм, предприятий, прежде всего, малого бизнеса. Количество магазинов, дуканов, ресторанов, кафе увеличивается пропорционально восстановленным зданиям. Ожила торговля – важная отрасль афганской экономики. Товары идут в Афганистан со всего мира – из Ирана и Турции, Малайзии и Китая, Индии и Пакистана, стран Европы. Из Японии и Кореи прибывают автомашины и бытовая техника, включая сотовые телефоны. Кстати, о мобильной связи. Сейчас мобильная связь в Афганистане – одна из самых современных в мире – цифровая. Ведь здесь начинали это всего чуть больше года назад, практически с нуля. Поэтому самые передовые технологии внедрялись здесь. Сегодня у многих кабульцев на поясе висит два-три аппарата, что считается большим шиком. Лавинообразно развиваются компьютерная связь и Интернет, открываются интернет-кафе. Как говорят специалисты, афганский интернет хорошего качества. Медленно, но все же растет уровень жизни кабульцев. Хотя, конечно, проблема бедности и нищеты в Афганистане еще очень и очень далека от решения. Причем, в последнее время цены на продукты питания и бензин выросли почти в два раза. Кабул перестает быть городом низких цен.

Однако главная проблема для Афганистана – наркотики. Один из чиновников в афганском правительстве, просивший не называть своего имени, сказал автору статьи, что 80–85% афганской экономики зависит от наркобизнеса. «К сожалению, – отметил он, – нам нечем торговать с границей, кроме как наркотиками». Действительно, производство наркотиков опийной группы составляет основу экономики Афганистана. Они же являются единственной конкурентоспособной статьей экспорта этой беднейшей страны. По разным оценкам, от полумиллиона до двух миллионов афганцев заняты выращиванием опийного мака, экстрагированием опия, транспортировкой, переработкой и доставкой героина. Годовой оборот героинового рынка в Афганистане составляет астрономическую для отсталой страны

третьего мира цифру в 25 млрд. долл. (для сравнения – государственный бюджет Российской Федерации в следующем после дефолта 1999 г. составлял чуть более 20 млрд. долларов).

После начала «контртеррористической операции» на территории Афганистана в октябре 2001 г. и последовавшего за ней падения режима талибов эта страна опять вышла на первое место по производству наркотиков опийной группы, в первую очередь героина. Уже в 2002 г. рост производства опия-сырца, а, следовательно, и героина, составил 1400%, и был достигнут объем середины 90-х годов, когда на территории Афганистана было сосредоточено около 70% посевов опийного мака. В 2001 г. выпуск составил 185 т, а в 2002 г. – уже 1,9–2,7 тыс. т, в 2003 г. – более 7 тыс. т (87% мирового потребления, и почти 100% потребления в Европе), в 2004 г. – 12 тыс. т, планируемый объем в этом году – более 15 тыс. т.

Ясно, что без иностранной помощи поднять афганскую экономику без опоры на наркобизнес (как негласно происходит сейчас) Кабул не в состоянии. При этом объемы этой помощи, в том числе и американской, сокращаются. Главное направление у США – Ирак, поэтому у Вашингтона нет ни времени, ни денег, чтобы «вплотную» заняться Афганистаном. Евросоюз также сокращает объемы помощи Кабулу. Если в 2002 г. она составляла 850 млн. евро, в 2003 г. – 835 млн., то на нынешний год запланировано всего 700 млн. Поэтому многие специалисты на фоне реальных достижений кабульского режима в области экономики видят и негативные тенденции, которые не дают возможности оптимистично оценивать экономические перспективы страны.

Проблема афганской экономики и сращенного с ней наркобизнеса – это проблема не только Афганистана, но и всего мира. И решать ее надо совместными скоординированными действиями всех заинтересованных стран. Но это отдельная, большая и сложная тема. Ясно же одно – без согласованных действий всех ветвей власти – и законодательной, и исполнительной – решить эту сверхсложную задачу не представляется возможным.

В афганских и иностранных СМИ продолжают дискуссии о необходимости создания условий для соблюдения гуманитарных прав, записанных в Конституции, прежде всего, прав женщин. Для того, чтобы узнать все нюансы этой проблемы из первых уст, автор статьи имел беседу с министром по делам

женщин Масудой Джаляль. Эта женщина не новичок в большой политике. На прошлогодних президентских выборах она баллотировалась на пост президента Афганистана. Хотя она и проиграла мужчинам-соперникам, но избранный афганским народом президент Хамид Карзай пригласил ее в свое правительство на должность министра по делам женщин. Он высоко оценивает деловые и профессиональные качества бывшего кандидата в президенты. Масуда Джаляль – этническая таджичка, доктор медицинских наук, профессор Кабульского университета, замужем, имеет детей. Всю свою сознательную жизнь она посвятила борьбе за права женщин Афганистана.

Прежде чем начать беседу по этой проблеме, министр сказала очень теплые слова в адрес России. Она подчеркнула ту роль, которую играла Россия в истории Афганистана на протяжении многих лет, выразила уверенность в том, что отношения дружбы и сотрудничества между двумя государствами и народами будут развиваться и крепнуть.

Перейдя к проблеме женщин в Афганистане, министр отметила, что за несколько последних лет многое уже сделано: часть афганок сняли чадру, женщины имеют права выходить из дома без сопровождения мужчин-родственников, учиться в средней и высшей школе, которые открываются повсеместно в Афганистане, самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Уже сегодня можно встретить женщину-начальника в государственных структурах, судью; женщин, занимающихся бизнесом; руководителей больших и малых компаний. В прошлом году афганские спортсменки представляли Афганистан на Олимпийских Играх в Афинах. Женщины идут в политику. Уже много представительниц этого пола среди кандидатов в депутаты парламента и местных законодательных органах, где им гарантированы места.

Но, как сказала министр, трудностей очень и очень много. Афганистан стоит только в начале пути к полному социально-экономическому освобождению женщины. Главная проблема – это нищета, почти поголовная бедность. Кроме того, в Афганистане, воевавшем почти три десятилетия, около трех миллионов вдов, много беспризорных детей. Афганское государство старается, по мере возможностей, оказывать им помощь, но этого, конечно, мало; кое-что выделяют международные организации, но хотелось бы, отметила министр, чтобы эта помощь была более эффективной.

Сейчас, – сказала она, – нас в Афганистане заботит такая проблема, как раннее замужество девушек. Очень часто в жены отдают практически детей. Мы собираемся этот вопрос поднять в новом парламенте и инициировать закон о предельно допустимых сроках выхода замуж. Другая проблема – положение женщин в семье. У нас только за последние несколько месяцев были случаи самосожжения молодых женщин, таким страшным способом протестующих против издевательств и притеснений в семье. Большая задача стоит перед нами в плане женского образования, – подчеркнула министр, – образования начального, профессионального и так далее. Все это было разрушено талибами, вся система образования для девочек была уничтожена во время их господства. Тысячи и тысячи афганских девушек лишены возможности посещать школы. Наше министерство, – подчеркнула Масуда Джалаль, – работает не только в центре, но и на местах. Мы имеем представительства во всех провинциях страны и знаем там обстановку. Но, следует отметить, что наиболее образованная и зажиточная часть населения страны проживает в столице, в Кабуле и в других крупных городах. Там процесс эмансипации идет значительно быстрее, и он более заметен. Но все же решение женской проблемы напрямую связано с искоренением нищеты и позитивным развитием всего Афганистана.

В Афганистане действует хорошая Конституция, обеспечивающая и гарантирующая права афганским женщинам. Сейчас для нас, женщин, а также для всех борцов за их права, – сказала министр, – главное – побудить парламент принять законы о женщинах, законы о семье. На новой прогрессивной законодательной базе нам будет легче работать. Что касается министерства по делам женщин, то оно имеет тесные связи с женскими организациями Европы, Азии, Америки, что важно для нас, с нашими соседями. Мы изучаем их опыт и надеемся, что женский вопрос в Афганистане будет снят.

Новый афганский парламент, по мнению цитируемой деятельницы, должен будет законодательными мерами содействовать продвижению страны по пути обеспечения прав афганских женщин.

Однако объективный анализ ситуации с правами женщин не позволяет утверждать, что и при участии нового парламента проблема женщин в Афганистане может быть быстро и безболезненно решена. Предстоит суровая борьба, в том числе и в парламенте.

В Афганистане, испытывавшем удары серий войн в последней трети двадцатого века, и стремившемся к выживанию, культура явно не была приоритетом. Режим талибов, захвативших власть в середине девяностых годов, вообще запретил любое стремление человека к прекрасному. Под страхом смерти из жизни афганцев были изгнаны телевидение и кино, фотография и живопись, музыка и театр.

И вот спустя всего несколько лет после разгрома талибов, на руинах Кабула вновь появляются первые ростки культуры. В полуразрушенных зданиях открываются кинотеатры, работает телевидение, все большее распространение получают записи афганских певцов и музыкантов. Киностудия «Афганфильм» снимает картины, которые удостоиваются международных призов.

В Кабуле работает единственный и первый после разгрома талибов драматический театр в Афганистане. Здание кабульского театра построено в конце шестидесятых годов советскими строителями. Его масштабы поражают. Такому театру позавидовали бы многие города и столицы. Но война есть война. И ныне его внешний вид напоминает развалины древних строений, которые расчистили археологи. Зрительный зал без крыши. Высоко в синее небо уходят кирпичные стены, к которым лепятся огромные бетонные ступени, бывшие когда-то ложами. Массивным серым бетоном нависает над залом бывший балкон. Кресел и даже пола нет. Везде бетон и очищенный от штукатурки кирпич. Видно, уборка разрушенного театра проводилась тщательная, но без ремонта. Все мертвое.

Только сцена живет. Там идет репетиция иранской пьесы «Горькое разочарование». Перед сценой на стульях – руководители театра и режиссеры. Главная здесь – Голь Макайшах Гияссе. Невысокая стройная женщина, одетая по-европейски, без платка, с ухоженной прической и умеренным макияжем. Несмотря на возраст, подвижная и энергичная. Огромные глаза искрятся творческим энтузиазмом. Еще сорок лет назад при короле Захир-шахе Гияссе закончила кабульский институт драматического искусства, и с тех пор ее жизнь связана с театром. В те времена кабульский драматический театр ставил пьесы Шекспира, Мольера, Чехова, Островского. Он был популярен у афганцев. Спектакли театра посещала королевская семья. Но революционные бури внесли свои коррективы в театральную жизнь Королевства Афганистан. Госпожа Голь Гияссе уехала сначала в Германию, а затем в Америку. Хотела

она вернуться на родину, но здесь уже хозяйничали талибы. Приехала в Кабул только в 2002 г. и сразу же стала набирать театральную труппу. Нашлось лишь десять энтузиастов, среди которых, не считая Голь Гияссе, только одна женщина. Поставленная на сцене Дома радио и телевидения Афганистана пьеса Шекспира имел огромный успех. Театр был признан властями Афганистана и передан в управление министерства культуры и информации. Театр получил это разрушенное здание и возможность работать. Правда, государство и спонсоры не могут решить бесчисленные финансовые проблемы театра. Сейчас в труппе более двадцати человек. Шесть из них женщины. Многие артисты, имеющие по двадцать-тридцать лет опыта работы, познали все тяготы эмиграции. Как говорит руководительница коллектива, – работать трудно, но интересно. Все нужно начинать с нуля. Публика уже не та, что была во времена ее молодости. Многие не знают даже, что такое театр. Приходится ставить простые, если не сказать, примитивные пьесы, чтобы они были понятны зрителям. Артисты часто выезжают в провинции, где показывают сцены из спектаклей и короткие назидательные пропагандистские скетчи. Зрители, расположившись на полу на принесенных с собой ковриках, тепло приветствуют своих артистов.

Рассказывая о кабульском драматическом театре, не стоит вспоминать систему Станиславского, режиссуру Мейерхольда. Главное, что сегодня в Афганистане возрождается драматическое искусство, что является наилучшим доказательством того, что афганский народ все дальше уходит от гнетущих дней Талибан.

И в этом процессе парламент может сказать свое законодательное слово. Но, скорее всего, и по этому вопросу, как и по проблеме прав женщин, в парламенте будут жаркие дебаты.

Внешняя политика

В ближайшем будущем внешняя политика Афганистана, пожалуй, не претерпит кардинальных изменений и будет определяться доктриной активного нейтралитета. Это подразумевает активную внешнюю политику страны, прежде всего, в регионе. В глобальном плане у Афганистана приоритетом внешней политики останутся, конечно, США и некоторые страны Западной Европы. Хотя после выборов в парламент, на которых большинство мест получили представители различных группировок,

ровок моджахедов, без большого энтузиазма относящихся к присутствию иностранных войск на территории страны, может возникнуть такая ситуация, когда президент Карзай будет вынужден координировать свою внешнюю политику и вести более независимую от США линию.

Наиболее же активная внешнеполитическая деятельность планируется в отношении таких региональных государств, как Пакистан, Иран, Индия, без которых традиционно Кабул не видит и не мыслит своей внешней политики. В Центральной Азии наибольший интерес, притом взаимный, представляет Таджикистан. Что касается России, то, к сожалению, она не входит в список приоритетных стран для Кабула.

Таким образом, перед новым афганским парламентом стоят чрезвычайно сложные и, будем говорить, судьбоносные задачи. Сможет ли законодательный орган страны вместе с президентом и правительством работать в одной связке? Предположительно, афганский парламент не будет вставлять палки в колеса, но определенным образом корректировать политику исполнительной власти он в состоянии.

Ближайшее время покажет, могут ли эффективно работать общепринятые демократические институты в стране, которая только чуть больше трех лет назад сделала первые шаги из средневековья, в стране, где господствует нищета и неграмотность, где обычаи и традиции не совсем соответствуют современным нормам демократии, где процветает наркобизнес, где взрывоопасная внутривнутриполитическая обстановка и где активно действует многочисленный иностранный военный контингент.

ИРАН

Н.М.Мамедова

ИРАН ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Лето и осень 2005 г. привнесли много сложных проблем во взаимоотношения Ирана как с отдельными странами, так и с международными организациями. Накал страстей в отношениях Ирана с Израилем, а также с ведущей страной мира – США достиг такой точки кипения, что не может не затрагивать интересы всех стран мира, в т.ч. Россию. Фокусом противоречий на сегодняшний день стала ядерная программа. Но ведь вопрос встал не сегодня, так почему он так обострился? Представляется, что это связано с изменениями в руководстве страной, вернее с той перегруппировкой политических сил, которая произошла в последние полтора года, особенно после избрания нового президента.

После февральских выборов 2004 г., приведших к преобладанию в меджлисе «консерваторов», более года в стране единственным центром, где большинство сохранялось за «реформаторами», оставалась исполнительная власть. Несмотря на стабильный экономический рост, в стране накопилось много нерешенных проблем. Тем не менее, повысилась привлекательность экономики для иностранных и отечественных инвесторов, были увеличены бюджетные ассигнования на правительственные гарантии для зарубежных инвестиций, Иран стал членом Многостороннего агентства по гарантированию инвестиций Всемирного Банка, принял условия МВФ (ст.8 Устава) по свободной конвертации риала по текущим операциям. По показателю инвестиционной привлекательности Иран за последнее десятилетие, по оценке UNCTAD, переместился со 135 на 69 место среди постоянно наблюдаемых стран¹. Несмотря на противодействие США, Всемирный банк выделил Ирану инвестиционный кредит, что имело принципиально важное значение (хотя сумма кредита – всего 2 млн. долл.) из-за признания за Ираном мер по модернизации экономики. Реформаторам удалось показать, что исламское государство го-

тово отстаивать свои интересы, не выходя за рамки общепринятых норм мировой политики. Изменился и внутренний облик Ирана – активизировалась партийная деятельность, работа средств массовой информации, больше свободы в повседневной жизни – одежде, поведении и т.п. Были сняты или, по крайней мере, значительно смягчены многие запреты, связанные с внедрением шариатских норм. Однако общество ожидало от реформаторского правительства более заметных перемен.

В июне 2005 г. в Иране прошли президентские выборы. Борьба была столь серьезной, что впервые в стране выборы были проведены в два тура. Хотя президент и не является главной фигурой в политической структуре, но от его взглядов, способности влиять на рахбара страны, от умения договариваться с меджлисом, безусловно, зависит многое. Президент – не только глава исполнительной власти, он представляет Иран и на международной арене. Хотя позиции реформаторов явно пошатнулись, да и сами реформаторы больше рассчитывали на победу М.Моина, пользовавшегося поддержкой студенчества, вторым после Рафсанджани по числу набранных голосов довольно долго шел Мехди Кяруби, лишь к концу дня незначительно уступивший второе место Махмуду Ахмадинежаду. 26 июня 2005 г. прошел второй тур выборов. Иран выбирал между Рафсанджани и Ахмадинежадом. Победу одержал Ахмадинежад, открыто поддержанный консервативным крылом духовенства. Ахмадинежад является сторонником движения «Абадгяран», завоевавшей большинство мест в меджлисе, а ее лидер до своего избрания спикером седьмого меджлиса работал с ним в Тегеранском совете. Ахмадинежад принадлежит к так называемым нео-консерваторам, готовым на экономическую модернизацию, но в рамках существующего политического строя, сохраняя политическое лидерство шиитского духовенства. На основании программных заявлений, высказываний отдельных сторонников «Абадгяран», наконец, исходя из характера и тона дискуссий, происходящих в меджлисе, можно вполне корректно считать «Абадгяран» своеобразным светским отделением Общества борющегося духовенства, тем более, что разница в статусе светского и религиозного лица в шиитской стране не всегда четко просматривается. Победа Ахмадинежада означала, что поражение потерпели не только реформаторы, но и центристское крыло консервативного блока, группирующееся вокруг Рафсанджани.

После президентских выборов 2005 г. все ветви власти в Иране оказались в руках консерваторов. Судебная власть на протяжении всех 26 лет находилась фактически целиком в руках консервативного духовенства. В меджлисе седьмого созыва – большинство консерваторов, и все комитеты меджлиса возглавляются консерваторами. Помимо судебной, исполнительной и законодательной власти, государственная форма правления страны имеет еще одну ветвь – в виде рахбара (лидера), который воплощает не столько религиозную власть, сколько высшую государственную. Рахбар Али Хаменеи отчетливо придерживается консервативных взглядов. После формирования правительства новым президентом стало очевидным, что вся его команда сформирована не столько по профессиональным качествам, сколько как команда, связанная близостью с консервативным духовенством. В истории ИРИ трудно найти период, кроме, пожалуй, времени работы Второго меджлиса (1984–1988 гг.), когда все центры власти были бы столь единодушны. В период работы первого меджлиса (1980–1984 гг.) президентом был и противостоявший ему Банисадр (1980–1981 гг.), прошла череда политических убийств (в т.ч. президента М.А.Раджаи – в 1981 г.). Но даже при втором меджлисе, когда деятельность всех партий была заморожена, включая религиозные организации, которые действовали только в рамках Общества борющегося духовенства, в самом меджлисе велась острая полемика между теми, кто впоследствии станут реформаторами и консерваторами и которые в то время назывались фундаменталистами и радикалами. Президентом был Али Хаменеи (с 1981 г.), но во главе правительства – Мусави, который по своим взглядам более близок к нынешним реформаторам, а спикером парламента был Акбар Хашеми Рафсанджани, формально остававшийся в Обществе борющегося духовенства, т.е. центре консервативного духовенства, но занимавшего отчетливо выраженную и тогда прагматическую позицию, и вынудивший Хомейни прекратить войну с Ираком. Уже в Третьем меджлисе (1988–1992 гг.) большинство завоевали сторонники образованной в 1988 г. Ассамблеи борющегося духовенства, а ее лидер стал спикером парламента после президентских выборов 1989 г. Небезынтересно, что при большинстве в Третьем меджлисе будущих реформаторов-сторонников Ассамблеи, спикером до его выборов в президенты был Рафсанджани. Основной водораздел борьбы пришелся

на разногласия между ставшим президентом Рафсанджани, который после ликвидации в 1989 г. поста премьер-министра возглавил правительство, и меджлисом. Ставший рахбаром Хаменеи в этот период практически себя не проявлял даже как третейский судья, возможно, из-за относительно низкого религиозного звания, не позволявшего ему быть истинным марджа-от-таклидом.

Четвертый меджлис (1992–1996 гг.) в результате избирательного закона, который был принят предыдущим меджлисом и который наделил Наблюдательный Совет полномочиями по отбору кандидатов, стал в большинстве консервативным. Спикером стал А.Натег-Нури. Возникли противоречия между Рафсанджани и меджлисом, усугубившиеся экономическим кризисом 1994 г. Реформаторы (тогда еще просто левые, или радикалы) потерпели поражение и при выборах в Совет экспертов в 1990 г., так как некоторые из них отказались сдавать экзамен по исламской теологии (М.Кяруби, который в это время был спикером) или провалили его (А.А.Мохташеми). Кроме того, явные противоречия 80-х годов между Хаменеи и Рафсанджани, никак не проявлявшие себя в первый период после избрания Хаменеи рахбаром, вновь стали фактором политической жизни страны. Хаменеи стал постепенно наращивать свой политический капитал с тем, чтобы пост рахбара не был фактически сведен Рафсанджани к формальной роли наследника Хомейни. Из состава правительства Рафсанджани, которое можно было назвать коалиционным, по настоянию меджлиса и при одобрении Хаменеи были выведены М.Хатами и министр экономики Мохсен Нурбахш (в 1994 г. в разгар кризиса). А когда проводились выборы президента в 1993 г. сторонники Ассамблеи даже и не пытались выдвигать своего кандидата.

Пятый меджлис (1996–2000 гг.) также с 1997 г., когда президентом стал Хатами, оказался в противоречии с исполнительной властью. Накал борьбы протекал между этими двумя ветвями власти – правительством и меджлисом. Когда в новом Шестом меджлисе (2000–2004 гг.) большинство завоевали реформаторы, оказалось, что противоречия не исчезли. Исполнительной и законодательной власти, как выразителям реформаторских тенденций в политической жизни страны, стали противостоять Наблюдательный Совет и рахбар, который его, собственно, и назначает. Кроме того, в этот период возросла

политическая роль судебной власти, главным образом, путем использования судов для духовенства, так как фактически все представители политической элиты страны имели, кроме светского, еще и теологическое образование. Все крупные политические события связаны в это время именно с судебными процессами. Поэтому можно говорить об уникальности современной политической ситуации именно с точки зрения полного идеологического единодушия всех ветвей и центров власти, включая КСИР, где большинство высшего звена разделяют консервативные взгляды. Сложилась ситуация, когда вся власть действует сообща. Конечно, это – благо для исламского режима, т.к. можно провести любые законы и принять решения, отвечающие взглядам консерваторов на дальнейшее развитие Ирана. Но это и большой источник опасности. Раньше работала своеобразная, как бы «двухпартийная система», а баланс поддерживался или корректировался рахбаром, и система в таком режиме просуществовала более четверти века. Сейчас она менее устойчива, так как отвечает за все просчеты и ошибки; при ухудшении ситуации виноватыми будут не консерваторы или реформаторы, а вся система исламского правления, если, конечно, на политическую арену не выйдет с инициативами рахбар, например, с оценкой деятельности президента.

Конечно, условность в делении иранских политических сил, находящихся у власти и сменяющих друг друга, присутствует. Но как бы ни говорили об условности такого деления, оно существует, иначе не было бы столь жесткой борьбы и за меджлис и за правительство, и за Совет экспертов. И эта борьба не менее, а даже более жесткая, чем предвыборная борьба в странах с общепризнанной демократией. Да, духовенству всегда удавалось прийти к согласию, когда противоречия между ними грозили разрушить исламскую систему правления. Тем не менее, не следует преуменьшать и остроту этих противоречий. И если первой реакцией нового президента на известие о его победе были слова о том, что в Иране произошла «новая исламская революция», это означает, что консерваторы дистанцируют реформаторов от ее идей.

В этих условиях, когда вся власть сконцентрировалась, по существу, в руках одной группы духовенства и разделяющих его взгляды политиков, возникают новые проблемы. Во-первых, как не утратить доверия к этой власти и, во-вторых, не дать возможности реформаторским силам: а) консолидировать свои

силы, б) радикализировать свои взгляды? И то, и другое прогнозируемо, в том числе в отношении изменений в реформаторском движении. Для всех стало очевидным, что в том формате, в каком развивалось реформаторское движение как либеральное, оно оказалось неспособным на более или менее значительное изменение всей исламской системы власти.

В этих условиях, как и в начале первого десятилетия существования исламской власти, можно пойти:

- либо на меры по улучшению положения населения,
- либо на поиск общего врага.

Рассмотрим оба варианта. 1. Цены на нефть вполне могут позволить сохранить или даже повысить уровень как ВВП, так и жизненный уровень населения. Иран в последние годы – одно из немногих устойчиво развивающихся стран региона. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 2000–2004 гг. составили 6,2%. Объем ВВП в долларовом эквиваленте в 2004 г. составил 162,7 млрд. долл., по паритетам покупательной способности – 533,5 млрд. долл. ВНД на душу населения в этом год измерялся в 2300 долл. (по обменному курсу), по ППС – в 7550 долл. (соответствующие показатели по Турции, использующей многомиллиардные кредиты международных финансовых институтов, – 3750 и 7680). Если в Турции доля населения, живущего на менее, чем один доллар в день (по ППС), составляет (по состоянию на 2002 г.) 4,8%, то в Иране (даже по состоянию на кризисный 1998 г.) – менее 2%². Внешняя задолженность Ирана не превышает 10% ВВП и не является столь обременительной как, например, для Турции (свыше 80%). Сохраняющиеся высокие цены на нефть позволяют правительству Ахмадинежада сохранить темпы экономического роста (по оценкам 6,5–7,5%). Для укрепления своих позиций новое правительство предполагает не только не снизить уровень дотационных выплат, но и увеличить их. Сейчас они достигают 20% бюджетных расходов, а доходы от нефти составляют основную часть бюджетных поступлений. Кроме того, созданный в 2001 г. Стабилизационный нефтяной фонд (за счет разницы между реальной ценой на нефть и расчетной при составлении бюджета) также может быть использован правительством (по согласованию с меджлисом и Наблюдательным Советом) для поддержания дотационных выплат. Если меджлис Шестого созыва ратовал за преимущественное использование средств Нефтяного стабилизационного фонда для финансирования инвести-

ционных проектов, то нынешний меджлис «консерваторов» склонен к финансированию за счет фонда социальных программ, в первую очередь, к субсидированию цен на топливо. При этом вряд ли можно ожидать подъема инвестиционной активности как со стороны отечественных, так и иностранных компаний. Хотя новое правительство говорит о реформах, даже банковской реформе, вряд ли они будут продолжены, особенно в условиях высоких цен. После победы консерваторов на парламентских выборах мною было высказано предположение, что ослабление накала политической борьбы между меджлисом и Наблюдательным Советом может ускорить процесс законотворчества в области экономической либерализации³. Однако этого не произошло. Так, разработанный ранее законопроект о приватизации некоторых государственных банков и страховых компаний был меджлисом отвергнут. В законе о бюджете на 2005/06 гг. принято решение о замораживании цен на бензин, жидкое топливо, газ, электроэнергию. Кроме того, были снижены банковские ставки как депозитные, так и по кредитам. Конечно, это было сделано как элемент предвыборной компании, но это отвечало и идеям возврата к регулируемой государством экономике. Из-за позиции меджлиса, инициировавшего проведение дискуссий о соответствии приватизации конституционным нормам, фактически приостановлена программа приватизации – до принятия специального закона о приватизации. Решительные шаги нового президента, сменившего после вступления в должность (в августе 2005 г.) не только всех членов предыдущего правительства, многих послов, но и руководителей банков, глав крупных государственных организаций, даже руководителей департаментов тех министерств, которые имели отношение к вопросам приватизации, использования иностранного капитала, реализации ядерной программы, можно трактовать как решительный отказ от основных направлений ранее проводимой в стране политики. И это отказ от политики, которую начал проводить Иран после окончания войны с Ираком, так как политика кабинета Хатами, безусловно, сохраняла в определенной степени преемственность политики правительства Рафсанджани. Только падение мировых цен на нефть, как это было в конце 80-х годов, а также постепенное снижение позитивного влияния на экономический рост достигнутого правительством Хатами роста нормы капиталов-

вложений до 35–37%⁴, вновь делает актуальным вопрос об ускорении внедрения рыночных механизмов.

2. Поиск общего врага как внешний фактор усиления позиций консервативного руководства в иранском обществе. Долгое время в качестве такого фактора использовался антиамериканизм. При этом он использовался как понятие в самом широком смысле, включая инициирование военного переворота 1953 г., тесные военные и экономические связи с шахским правительством. Но он слишком долго эксплуатировался, уже не работает как просто противостояние США, в последние годы изменилось настроение иранского общества в пользу налаживания связей с США. Новая администрация президента Ирана и консервативный медджлис сумели придать антиамериканизму новую окраску. Они связали фактор антиамериканизма с ядерной программой, решительно отказавшись от ратификации Дополнительного протокола, расконсервировав центр в Исфагане, делая акцент не столько на мирном характере атомной программы (как при Хатами), сколько на праве Ирана вести работы по созданию полного топливного цикла. Новое руководство Ирана обвиняет США за то, что они стараются нарушить законные права Ирана, как члена ДНЯО, применяя к нему двойные стандарты. При этом юридически иранская позиция безукоризненна. Однако и Запад, и особенно США, в настоящее время, когда высок уровень опасности со стороны исламских экстремистских организаций, безусловно заинтересованы в получении от исламского руководства Ирана дополнительных гарантий мирного характера ядерной программы. 3 октября 2005 г. США (в лице помощника госсекретаря Стивена Рейдмера) призвали все страны приостановить сотрудничество с Ираном в ядерной области. В ответ Иран активизировал дипломатическую кампанию, акцентируя внимание на своем проекте привлечения в ядерную программу заинтересованных стран. После принятия Советом управляющих МАГАТЭ 24 сентября 2005 г. резолюции, настаивающей на прерывании Ираном работ по топливному циклу и предусматривающей возможность передачи иранского досье в СБ ООН, новое руководство стало апеллировать к подготовленному Ираном в конце 2004 г. проекту создания СП с участием Европы, России, Китая и ЮАР, к которому западные страны пока не проявили интереса.

И уже сама атомная проблематика стала самостоятельным отдельным фактором, который призван объединить общество.

Нужно отдать должное новому президенту – многие отмечают, что в целом все слои общества согласны с его позицией по ядерному вопросу. Президент рассчитывает благодаря популярности этой его позиции снизить значимость идущих политических процессов. Но они идут, и очень серьезные, даже среди умеренных реформаторов. Это не может не сказываться на направлениях внутренней и внешней политики.

Во внутренней политике хотелось бы отметить два момента. Безусловно, усилятся авторитарные тенденции. Прогнозируемое многими экспертами еще после победы консерваторов на выборах в меджлис усиление роли военного фактора в лице КСИР на политическую жизнь сбылось. КСИР не только «помог» Ахмадинежаду победить на выборах, но именно его представители стали назначаться президентом на ответственные посты в исполнительных органах власти. Столь массового «исхода» КСИРа во власть до этого не было. Это с высокой долей вероятности не может не привести к усилению влияния не только светских по характеру политических сил, т.е. выступающих за резкое уменьшение религиозных органов власти, но и к пересмотру взглядов самого духовенства на понятие исламской власти. После поражения на президентских выборах сторонники Ассамблеи борющихся улемов, являвшейся оплотом реформаторского движения в стране (после президентских выборов председателем ее Высшего Совета избран бывший президент Ирана Мохаммад Хатами) провозгласили приоритетной деятельность в «рамках борьбы с еретическим, реакционным и закоснелым мышлением, которое выдается за ислам»⁵. А это означает ни что другое, как намек на попытку «ревизии» исламских принципов. Представляется, что для высшего консервативного духовенства возможность победы на выборах М.Кяруби (сначала долго шел вторым после Рафсанджани в первый тур выборов), который, обладая достаточно высоким званием ходжат-оль-эслама, мог подвергнуть ревизии некоторые закоснелые положения, инициировала необходимость использовать весь возможный административный ресурс, чтобы обеспечить победу Ахмадинежаду. При этом использовалось и его простое происхождение, и светское образование, и относительная молодость, что импонировало «помолодевшему» со времен революции 1979 г. иранскому обществу. Недаром после выборов Кяруби выступил с критикой их проведения, заявил о давлении КСИР и Басиджа (ополчения) в лице Хеджази.

Выше говорилось о полном контроле власти со стороны консерваторов. Тем не менее, необходимо сказать о Рафсанджани как сохраняющемся и вполне самостоятельном центре власти. Хотя формально он до сих пор входит в руководство Общества борющегося духовенства, но всегда выступал как часть их прагматического крыла. Казалось бы, после поражения в выборах его позиции сошли на нет. Однако это не так. Он не только остался во главе Совета по целесообразности, но и сам Совет получил дополнительные контролирующие функции. Нельзя исключать, что между Хаменеи и Рафсанджани такой компромисс был достигнут уже накануне второго тура, т.к., по неофициальным данным, о том, что президентом станет Ахмадинежад, Рафсанджани сказал за день до выборов. Однако вряд ли Рафсанджани долго будет держаться в тени своих официальных соратников и начнет дистанцироваться от них по мере нарастания просчетов нового правительства. И уже ноябрьские массовые кадровые чистки это отчетливо показали. Они вызвали негативную реакцию не только бывшего президента М.Хатами, заявившего, что действия нового президента выходят за рамки его полномочий, и бывшего секретаря Совета национальной безопасности Хасана Рухани, но и Рафсанджани, который, как глава Совета по целесообразности, имеет конституционные права совместно с рахбаром определять основные направления политики страны. Рафсанджани заявил, что массовые увольнения чиновников разного ранга, назначения на их места своих единомышленников, не имеющих соответствующей квалификации, создает угрозу власти⁶. Именно такая формулировка может стать причиной импичмента президента, с позицией которого начинает уже расходиться и меджлис (например, в вопросе о кандидатуре на пост министра нефти). Примечательно, что недовольство действиями Ахмадинежада в области кадровых перестановок, видимо, достигло такого уровня, что потребовало вмешательства рахбара. Али Хаменеи сказал, что необходимо покончить с правительственным беспорядком.

Приоритеты **внешней политики**, по заявлению нового министра иностранных дел Манучехра Моттаки (в правительстве М.Хатами был заместителем министра иностранных дел), останутся прежними⁷. Безусловно, она не перестанет быть прагматичной, как при Хатами, но будет менее компромиссной и более жесткой в отстаивании иранских интересов, в т.ч. идеологических, чтобы «максимально использовать имеющую-

ся возможность для повышения национального достоинства Исламской Республики в мире»⁸.

Вероятна поддержка исламских движений на официальном уровне. Слова нового президента, напомнившего всем позицию Хомейни по израильскому вопросу, весьма показательна. Рафсанджани попытался смягчить это безответственное заявление, сделав упор на неприятии сионистского режима, но Ахмадинежад не воспользовался этим и на следующий день вновь повторил этот тезис Хомейни как свой. Очень актуален в связи с этим иракский вопрос, особенно в связи с принятием в Ираке конституции и подтверждением права на создание самостоятельных автономий не только в Курдистане, но и в шиитских районах. Поддержав открыто шиитскую автономию, Иран может спровоцировать кризис в своих курдских регионах. Но курдская автономия уже существует, развитие курдского движения в Иране вполне ожидаемо, а размах его во многом будет определяться уровнем поддержки Ираном шиитской автономии в Ираке. Иначе Ирану трудно уйти от обвинений в двойных стандартах, в чем он обвиняет США.

Угроза оппозиционного движения по типу «цветной революции», поддержанной извне, грозящей изменить зеленый цвет исламской революции, существует и за счет развития других национальных движений. Американский институт Digestion to AEI в представленном в октябре с.г. в Белый Дом отчете, отметив, что азербайджанцев в Иране сейчас больше, чем персов, рекомендовал США «в вопросе смены режима в Иране возлагать надежды на проживающих в стране лиц неперсидской национальности»⁹. В Азербайджане США начали строительство двух радиолокационных станций, одна из которых расположена в Астаре, пограничном с Ираном городе. То же происходит и в Армении.

В своей внешней политике новое правительство стало активно использовать прием Ирана 5 июля 2005 г. в ШОС в качестве страны-наблюдателя. Антиамериканизм Ирана, видимо, наряду с его нефтегазовыми запасами сыграл определенную роль в таком решении ШОС. Не исключено, что и Китай, и Россия могут использовать антиамериканскую позицию нового правительства Ирана для противостояния активному проникновению США в Центральную Азию. Иран уже получил «выгоды» от вступления в ШОС: и Россия, и Китай многое сделали, чтобы иранское досье не было в октябре передано в СБ ООН.

Такую же позицию занял даже Пакистан, принятый в наблюдатели ШОС одновременно с Ираном. Однако отсутствие со стороны Ирана взвешенных решений по преодолению кризиса в отношениях с США, а главное, последние резкие заявления президента страны, могут поставить под сомнение необходимость дальнейшего углубления сотрудничества с Ираном со стороны ШОС, не готовой поставить из-за него свои отношения с США на грань разрыва.

Приход к власти консерваторов, хотя и привел к консолидации правящей верхушки, разрешив, таким образом, своеобразный кризис власти в исламской системе правления, в которой республиканские и религиозные органы власти оказались в руках одних и тех же сил, но поставил новые проблемы. Главная из них – повышение ответственности власти (в первую очередь, как исламской, в которой главным являются идеи исламского правления и исламской революции) за усиление напряженности во внешних отношениях, за возможное сокращение внешнеэкономических связей, а также за данные обещания относительно подъема жизненного уровня населения, ликвидации безработицы, обеспечения конституционных прав.

¹ <http://www.polpred.com>

² <http://econ.worldbank.org/wdr>. P. 292–295.

³ Иран после парламентских выборов. М. 2004. С. 28.

⁴ 2004 World Development Indicators. P.232 /World Development Report 2006. P. 296.

⁵ IRNA. 10.08.2005.

⁶ <http://www.guardian.co.uk/iran/story>

⁷ IRNA. 26.08.2005.

⁸ IRNA. 6.07.2005.

⁹ Iran ru. 20.10.2005(со ссылкой на Day.az.).

**ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРИ
В СВЕТЕ 9-х ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ИРАНЕ**

С момента проведения 9-х президентских выборов в ИРИ прошло сравнительно немного времени, и процесс формирования высших органов исполнительной власти по прошествии нескольких месяцев пока еще далек от завершения. Утверждение меджлисом нового состава кабинета министров по представлению вновь избранного президента страны Махмуда Ахмадинежада проходило негладко, и ряд министерских постов был заполнен далеко не сразу. По состоянию на конец августа 2005 г. кандидатуры на четыре министерских поста (из 21), в том числе на пост министра нефти, были меджлисом еще не утверждены¹. Особые споры вызывали предложенные кандидатуры на ключевой пост экономического блока – министра нефти. Фигура министра нефти является очень важной как для экономики страны, так и в политическом плане в силу тех возможностей, которые имеет министр под руководством президента для перераспределения доходов, получаемых страной от нефти.

Длительное отсутствие руководителя нефтегазовой отрасли сказывалось на состоянии экономики страны. В целом же экономика в течение нескольких месяцев остается практически неуправляемой из-за того, что произошла замена не только всех министров, но и заместителей министров, а также руководителей управлений и департаментов министерств и ведомств. В определенном смысле можно говорить о некой приостановке всей государственной машины, и в том числе работы всей системы исполнительной власти. Страна продолжает жить по инерции в том направлении, которое было придано ей в результате деятельности предыдущего президента и в соответствии с теми программными документами, которые были приняты ранее и являются основной директивной базой для дальнейшего развития страны.

Бесспорно, что новый президент будет исходить из своего видения целей и перспектив развития страны, а также путей и способов их реализации, но он все равно будет вынужден действовать в рамках программных документов, уже подготовленных и принятых руководством страны и определяющих основные направления развития на краткосрочную (5 лет) и долгосрочную (25 лет) перспективу.

В этой связи существенный интерес представляют два документа: «Перспективы развития ИРИ к 2025 г.»², а также «Общие направления политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического развития ИРИ»³, которые вступили в силу 21 марта 2005 г. Оба документа были утверждены духовным лидером страны аятоллой Хаменеи еще два года назад, в декабре 2003 г. В независимости от того, кто бы стал президентом Ирана, эти директивные документы являются обязательными для исполнения. Они носят общедекларативный характер, и их конкретная реализация, безусловно, будет зависеть от характера и направленности деятельности нового президента.

«Перспективы развития ИРИ к 2025 г.» ставят задачу превращения Ирана в развитую региональную державу, опирающуюся на исламские ценности, религиозное народовластие, принципы социальной справедливости, дозволенные шариатом свободы и судебную систему при соблюдении прав человека и сохранении социальной стабильности в обществе. В соответствии с документом, в Иране должно быть построено здоровое общество с развитой системой социального обеспечения, равными возможностями для всех членов общества, справедливым распределением доходов, с крепкой, материально обеспеченной семьей.

По замыслу руководства страны, Иран должен занять ведущее место в области экономики, науки и технологий в Юго-Западной Азии, включая Среднюю Азию, Ближний и Средний Восток, Кавказ и соседние страны⁴.

Документ предполагает, что при выработке конкретных показателей пятилетних планов социально-экономического развития будут приниматься в расчет такие общие экономические показатели, как уровень капиталовложений, доход на душу населения, величина ВВП, а также показатели занятости и инфляции. Предполагается уменьшить разрыв между 10% самого богатого и самого бедного населения страны. Пятилетние пла-

ны развития должны составляться с учетом постоянного роста культурного и образовательного уровня населения, а также необходимости обеспечения обороны и безопасности страны.

«Общие направления 4-го пятилетнего плана социально-экономического развития ИРИ» конкретизируют пути реализации поставленных целей в таких сферах, как культура, наука и технологии, социальное обеспечение, экономика, внешняя политика и внешнеэкономические связи. Отдельные положения «Общих направлений...» представляют интерес как сами по себе, так и в свете уже обозначившихся практических шагов новой администрации.

При оценке деятельности нового президента следует принимать во внимание, в частности, такой постулат, как «поддержание и пропаганда религиозных и политических взглядов имама Хомейни и возвеличивание его роли в качестве образца для определения политики и планирования» (раздел 2-ой «Общих направлений...»). В этой связи цитирование новым президентом Ирана высказывания покойного имама Хомейни относительно Израиля на ежегодной молодежной конференции в Тегеране по проблемам Палестины, которое вызвало широкий международный резонанс, не представляется новым и экстраординарным, а является воплощением положения процитированного выше официального документа о пропаганде наследия имама Хомейни и принятого в качестве руководства к действию два года тому назад.

В директивном документе, касающемся 4-го пятилетнего плана, также определяются основные направления внешнеполитического курса Ирана на ближайший период, который сводится к следующим основным положениям: развитие двусторонних, региональных и международных связей; продолжение курса на отказ от конфронтации в отношениях с другими странами; укрепление конструктивных отношений с дружественными государствами; использование международных связей для укрепления мощи страны; противодействие политике экспансии и агрессии в международных отношениях; усилия по демилитаризации региона и выводу из него вооруженных сил сторонних государств; борьба против однополюсного мира; поддержка мусульман, угнетенных и обездоленных народов, особенно народа Палестины; усилия по большей интеграции стран исламского мира; усилия по реформированию ООН (раздел 28 «Общих направлений...»).

К сфере внешней политики непосредственно примыкают вопросы внешнеэкономических связей ИРИ. В последние годы руководство страны настойчиво ставит задачу реализации потенциала международных связей в целях ускорения экономического развития. В 2003 г. по инициативе МИДа ИРИ было проведено расширенное совещание глав представительств ИРИ за рубежом, специально посвященное вопросам активизации их экономической работы. «Экономическая отдача» внешнеполитических связей была выдвинута в качестве основной задачи внешней политики. В настоящее время вопросам экономической работы внешнеполитических представительств Ирана руководством МИДа ИРИ уделяется первостепенное значение. Ставится задача большего привлечения внешних источников финансирования в экономику, приобретения передовых технологий, расширения рынков экспорта иранских товаров и услуг и увеличение доли Ирана в мировой торговле в целях достижения быстрого роста экономики, предусмотренного «Общими направлениями...» (раздел 29).

Иранское руководство выдвигает задачу превращения сообщества исламских и дружественных стран региона в «средоточие (полюс) экономических, научных, технологических и промышленных сил» (раздел 31).

В области экономики «Общие направления...» предусматривают создание необходимой базы для реализации конкурентоспособности иранских товаров и услуг на внутреннем и внешнем рынках, расширение ненефтяного экспорта в условиях диверсифицированной экономики при эффективном использовании всех видов энергии, капитала, рабочей силы, водных, земельных ресурсов и т.д. (разделы 35–37).

В финансово-экономической сфере предусматривается создание необходимых условий для бизнесменов и инвесторов, поддержка частного предпринимательства и частной собственности во всех ее видах, а также кооперативного сектора в качестве основных сил экономического роста при снижении государственного патронажа, но сохранении его эффективного присутствия в сферах, связанных с обеспечением национальной безопасности и территориальной целостности. Планы экономического развития должны способствовать совершенствованию рынка инвестиций, созданию эффективной банковской системы и системы страхования с соблюдением принципа прозрачности и использования новых технологий.

Участие всего населения в экономической деятельности предполагает проведение приватизации государственной собственности при соблюдении следующих принципов:

- передача предприятий госсектора в частные руки должна осуществляться в целях реализации положений «Общих направлений...», а не быть самоцелью;
- проводится в рамках Основного закона;
- не создавать угроз для национальной безопасности и подрыва основ национального суверенитета и исламских революционных ценностей;
- учитывать необходимость здорового и рационального управления (раздел 49).

Поставленные в «Общих направлениях...» задачи поддерживаются основными властными структурами Ирана. По заявлению Мохамеда Хашеми, одного из членов Ассамблеи по определению целесообразности принимаемых решений, сделанному в конце 2004 г., вновь избранный президент будет обязан работать над реализацией ранее принятых директивных документов и инициатив исполнительной власти. Можно надеяться, что предложенный предыдущим президентом Хатами законопроект «Оздоровление управления и борьба с коррупцией» будет поддержан меджлисом и приобретет силу закона. Законопроект предусматривает создание «Штаба по борьбе с коррупцией» и наделение его соответствующими полномочиями на законодательной основе.

Деятельность нынешнего парламента позволяет говорить о том, что его работа при вновь избранном президенте не претерпит каких-либо существенных изменений. 20 февраля 2004 г. в результате выборов в меджлис победили так называемые консерваторы, представленные партией «Абадгяране Иране ислами», политическая платформа которой базируется на сочетании фундаменталистского ислама и прагматизма в экономической политике. Эта партия в течение всего предшествовавшего выборам президента периода оказывала серьезное влияние на рассмотрение всех ключевых вопросов политики и экономики. Такая позиция привела к противостоянию между правительством президента Хатами и меджлисом, который настаивал на принятии ряда популистских решений в экономике.

Это нашло свое выражение в инициировании парламентом отставок ряда министров и других руководителей государ-

ственных организаций, в отклонении отдельных решений, одобренных предыдущим составом меджлиса (например, законопроект о приватизации ряда государственных банков и страховых компаний), в принятии откровенно популистских законопроектов (о замораживании в 2005/06 гг. цен на нефтепродукты, электроэнергию, газ и некоторые другие виды товаров и услуг, о снижении банковских ставок по депозитам и кредитам), а также решений, отменяющих некоторые ранее заключенные правительством соглашения во внешнеэкономической сфере, и др. В этих достаточно сложных условиях правительству президента С.М. Хатами в целом удалось обеспечить достаточно стабильное социально-экономическое развитие страны.

В области экономической политики основные усилия иранского правительства в 2000–2005 гг. концентрировались на поддержании устойчивого роста ВВП в материальном производстве, создании условий, благоприятствующих развитию рыночной экономики и повышению инвестиционной привлекательности экономики ИРИ для иностранного ссудного и предпринимательского капитала. Среди реализованных в этом плане мероприятий следует отметить активизацию биржевой торговли металлами и сельскохозяйственными товарами, увеличение бюджетных ассигнований на правительственные гарантии зарубежных инвестиций, вступление страны в Многостороннее агентство гарантирования инвестиций (MIGA) Всемирного банка, официальное принятие Ираном обязательств по ст. VIII Устава МВФ, предусматривающих свободную конвертацию иранского риала по текущим операциям и др.

В период президентства М.Хатами отмечено высокими темпами развитие промышленного производства, в частности, в нефтяной, газовой и нефтехимической отраслях, металлургии, ряде отраслей машиностроения, в электроэнергетике. Завершение строительства ряда новых промышленных предприятий позволило пополнить номенклатуру выпуска продукции изделиями с более высокой добавленной стоимостью. Активизировались работы по ускорению ввода в эксплуатацию незавершенных промышленных объектов, что способствовало определенному снижению остроты проблемы долгостроя.

Развитие сети трубопроводов и ЛЭП, обновление морского торгового флота, расширение и модернизация портового хозяйства способствовали значительному увеличению масштабов обмена электроэнергией с соседними странами, увеличе-

нию транзитных перевозок грузов, налаживанию операций СВОП с нефтью прикаспийских государств.

Благоприятные погодные условия в сочетании со значительными усилиями по мелиорации земель способствовали высокому урожаю зерновых и повышению самообеспеченности страны пшеницей, рисом и некоторыми другими видами продовольствия. Имело место снижение закупок пшеницы за рубежом в связи с повышением уровня внутреннего производства.

Наряду с постоянным вниманием к внутривнутриполитическим и экономическим проблемам иранское руководство проводило активную внешнюю политику, направленную на обеспечение безопасности страны и создание условий для экономического роста за счет обеспечения притока капиталовложений, оборудования и технологий из-за рубежа.

Удастся ли вновь избранному президенту М.Ахмадинежаду сохранить достигнутую при М.Хатами положительную динамику экономического развития страны, покажет будущее, но нет сомнений в том, что полная смена руководства почти всех министерств и ведомств и, прежде всего, министерств экономического блока негативно отразится на экономике страны в краткосрочной перспективе.

В дальнейшем продолжение курса на принятие популистских решений тандемом «президент – меджлис» может также привести к снижению темпов экономического развития и, как следствие, к ухудшению социально-экономического положения в целом. Кроме того, широкая чистка верхних эшелонов исполнительной власти ничего хорошего не сулит из-за притока значительного числа малоквалифицированных управленцев.

Отстранение от управления значительного числа представителей исполнительной власти, которые сформировали довольно прочный и достаточно коррумпированный альянс с бизнесом, вероятно, преследует, прежде всего, политические цели устранения метастазов олигархическо-клерикального капитализма, сформировавшегося в стране в последние годы. В этой связи можно говорить о попытке нового президента вернуться к исламским и революционным истокам утвердившейся в стране системы политической власти.

При существующем ныне достаточно жестком контроле за всеми сферами общественной жизни со стороны клерикальных правящих кругов и очевидной активизации наиболее консервативной части духовенства можно предположить, что новому

президенту в какой-то степени удастся реализовать «неоконсервативный» политический курс. В то же время нельзя недооценивать возможное серьезное сопротивление этой политике формирующегося альянса либерального духовенства, крупной «новой» буржуазии клерикального толка и сторонников демократических преобразований в иранском обществе.

Названный альянс может стать своеобразным катализатором усиления нестабильности в обществе, если новый президент не проведет «коррекции» своего курса под давлением обстоятельств и по указанию духовного лидера страны. А необходимость такой «коррекции» существует уже сейчас. Достаточно упомянуть о печально известном призыве вновь избранного президента ИРИ уничтожить Израиль. МИДу ИРИ пришлось довольно потрудиться, чтобы сгладить негативное впечатление, которое произвели слова президента не международного общественного мнение.

Выступление президента ИРИ на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с изложением видения Ираном перспектив развития этой международной организации также не встретило понимания представителей международного сообщества. Однако эта реакция в известной степени не лучшим образом характеризует атмосферу в самой вышеназванной организации, так как выступление президента содержало критику политики вмешательства некоторых стран под эгидой ООН во внутренние дела независимых государств и проведение ими политики двойных стандартов.

Во внутренней политике положительным моментом деятельности нынешнего президента Ахмадинежада является его настойчивое стремление вникнуть в государственные дела в интересах простого народа Ирана, особенно наиболее обездоленных его слоев. Показательно, что в ходе посещения отдельных провинций Ирана президент внимательнейшим образом изучает положение дел на местах (инспектируя даже большинство районных центров) и в рамках проведения выездных заседаний правительства готовит и принимает к исполнению правительственные постановления, направленные на реализацию положений «Общих направлений политики 4-ого пятилетнего плана социально-экономического ИРИ» в провинциях, что свидетельствует о преемственности основного курса руководства страны в области социально-экономической политики.

В заключение можно отметить, что, несмотря на некоторые неординарные высказывания и действия президента Ахмадинежада, его политика в значительной степени находится в русле генеральной линии политического руководства страны. Ожидать же смягчения линии иранского руководства в условиях практического окружения этой страны американскими военными базами и постоянной угрозы возможного вторжения США или нападения израильской авиацией на объекты атомной энергетики Ирана и усиливающейся психологической войны против ИРИ, вряд ли возможно. По иронии судьбы, мифы, создаваемые относительно военной угрозы, якобы исходящей от Ирана на фоне постоянного давления США, записавших Иран в разряд «стран изгоев», будут подталкивать руководство ИРИ к наращиванию оборонной мощи страны ввиду вполне реальной, а не мифической угрозы, исходящей от растущего присутствия вооруженных сил США в регионе.

Хотелось бы надеяться, что президент М.Ахмадинежад и руководства страны в целом найдут адекватные пути решения сложных социально-экономических проблем, стоящих перед ИРИ, с учетом ее исторического прошлого и в рамках положений ислама шиитского толка с учетом господствующих реалий современного миропорядка и военно-политической ситуации вокруг Ирана.

¹ «Джаме джам», 25.08.05 г.

² «Чешмандазе джамхурийе исламийе Иран дар офте 1404 хеджрийе шамси». Сазмане модирыйат ва барнамеризийе кешвар. Азармах 1383.

³ «Сиасатхайе колийе барнамейе чехарроме тоусеийе эгтесадӣ, эджтемайи ва фархангийе джомхурийе исламийе Иран».

⁴ «Джомхурийе ислами», 06.11.03 г.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДОКТРИНЫ ИРИ В 1979–2005 гг.**

**1. Характеристика внешнеполитической
идеологии Исламской Революции
на основе доктринальных установок Р.Хомейни**

Шиитское духовенство, пришедшее к власти после революции 1979 г., коренным образом реформировало внешнеполитический курс шахского Ирана. На формирование иранской дипломатии в первые годы исламского правления значительное влияние оказали мировоззренческие установки имама Р.Хомейни – харизматического лидера, возглавившего революционное движение. В 1979 г. Р.Хомейни пожизненно избирается Верховным Лидером (Рахбаром) ИРИ. Тогда же он становится главным идеологом внешнеполитического курса. По мнению имама Р.Хомейни, существовавшая на тот период система международных отношений являлась несправедливой, а мир разделенным на две части: «благоденствующих» (мостакберин) и «обездоленных и угнетенных» (мостазафин). К первой категории он относил западные страны во главе с США, а также СССР и страны соцлагеря, а ко второй – «страны третьего мира, угнетаемые мировым империализмом»¹. Ориентируясь на эту установку, Р.Хомейни заложил в основу внешней политики Ирана два основополагающих принципа: «экспорт исламской революции» и «Ни Запад, ни Восток – только ислам!». Оба лозунга означали, по сути, провозглашение иранским руководством наступательного, агрессивного курса антизападничества и антисоветизма. На практике они реализовывались вплоть до кончины иранского лидера в 1989 г.

Внешнеполитическая доктрина Р.Хомейни получила правовое оформление. В утвержденной на всенародном референдуме весной 1979 г. Конституции ИРИ были сразу достаточно четко закреплены принципы взаимоотношений с внешним миром, которые несли в себе известную специфику духа и идей-

ной направленности возобладавших в Иране взглядов шиитского духовенства во главе с Р.Хомейни. Конституция регламентирует принципы внешнеполитической деятельности Ирана, определяет генеральную роль Верховного Лидера в международных вопросах.

Первые десять лет существования исламского Ирана (1979–1989 гг.) отразили весь спектр поисков, тупиков и колебаний внешнеполитического курса Тегерана, формировавшегося в условиях напряженной внутренней борьбы и нестабильности, тяжелой войны с Ираком, на фоне разрыва дипломатических отношений с США и крайне неопределенных взаимоотношений с другими ведущими странами Запада. Провозглашенный стержневым внешнеполитический принцип ИРИ «Ни Восток, ни Запад» приобрел в фундаменталистской интерпретации самодовлеющий и преимущественно конфронтационный характер (принцип «негативной равноудаленности» от сверхдержав и блоков). Это подвигло Иран на глубокую международную изоляцию, как политическую, так и экономическую, последствия которой эта страна преодолевает до сих пор.

Согласно учению Р.Хомейни, на исламскую революцию возложены две великие задачи². Первая – закрепление ценностей тоухида внутри иранского общества. Вторая – ознакомление с этими ценностями всех угнетенных и обездоленных мира. При этом, очевидно, что способы и методы этого ознакомления с течением времени менялись, обретали другие формы, однако цель оставалась неизменной. Она остается такой и на сегодня, несмотря на то, что политика нынешнего иранского руководства заметно отличается от того внешнеполитического курса, который проводился Р.Хомейни и его сторонниками.

Важно отметить, что в соответствии со 2 статьей Конституции Ирана «...все мусульмане являют собой одну общину, и государство (Иран) обязано проводить свой политический курс на международной арене, который будет направлен на укрепление этой общины»³. Внешнеполитическая концепция, разработанная Р.Хомейни, включала целый набор доктринальных установок, отражающих следующие принципы исламской революции⁴:

– народный характер революции, ее непримиримость по отношению к мировому угнетению (т.е. отношения с каждой страной и правительством должны строиться на основе опоры на обездоленные и угнетенные народы этих стран);

– претворение в жизнь исламских ценностей и ознакомление с ними стран мира;

– поддержание и расширение отношений Ирана с другими странами, что является необходимым условием существования революционного исламского общества («необходимым условием для развития революции являются и ее отношения с другими угнетенными народами»⁵);

– необходимость взаимного культурного, экономического и социального влияния стран и народов друг на друга, что является неизбежным, внешняя политика Ирана должна быть направлена на реализацию этой цели;

– использование внешней политики как средства борьбы с враждебной исламской революции пропагандой, направленной на изоляцию Ирана на международной арене;

– использование внешней политики в качестве инструмента выявления дружественных и враждебных Ирану государств.

В числе важнейших практических направлений внешнеполитического курса хомейнистского периода были обозначены следующие приоритеты⁶:

– продолжение борьбы с США, в том числе идеологической (центральный лозунг – «Смерть Америке»);

– распространение идей исламской революции на другие страны;

– борьба совместно с народами мусульманских стран (Ливан, Палестина, Сирия) против правящего режима в Израиле;

– необходимость сплочения всех мусульман мира с целью борьбы со сверхдержавами (США и СССР).

Проводимый Р.Хомейни внешнеполитический курс зачастую, особенно на первых порах, подвергался изрядной критике со стороны различных политических сил ИРИ, в первую очередь левого толка. Р.Хомейни главным образом критиковали за непоследовательность в проведении региональной политики. В высказываниях оппозиции звучали соответствующие тезисы. Из-за того, что правительство не может провести четкой грани между врагами и друзьями, больше всего выигрывает американский империализм. Используя ошибки и известную запутанность внешнеполитического курса Ирана, развернутая американцами пропаганда «всеми силами старается вызвать охлаждение в отношениях между Ираном и прогрессивными странами региона»⁷.

2. Разработка и эволюция концепции «экспорта исламской революции»

Принцип «экспорта исламской революции» был выдвинут Р.Хомейни в 1979 г. Он полагал, что Иран, где был успешно свергнут прозападный шахский режим и ликвидирована зависимость от США, должен стать моделью для остального мира в его борьбе за достижение независимости от обеих сверхдержав. Более того, Иран должен оказывать активную помощь угнетенным массам других стран, прежде всего исламским, в их борьбе против внешних и внутренних угнетателей. Поэтому, по мнению Хомейни, принцип «экспорта исламской революции» и поддержки исламских и освободительных движений во всем мире должен лечь в основу внешнеполитической доктрины ИРИ.

Во внешнеполитическом ведомстве и военных структурах Ирана в начале 80-х годов преобладало мнение, что правители большинства мусульманских стран отошли от праведного исламского пути, погрязли в коррупции и ради получения материальных выгод установили тесное сотрудничество либо с Западом, либо с СССР. Поэтому «обездоленные» мусульманские народы не могут и не должны полагаться на свои правительства в борьбе против Запада, а сами должны подняться на борьбу и установить «истинно исламское правление»⁸.

Идея «экспорта исламской революции» получила свое документальное закрепление в Конституции ИРИ. Статья 11 создает условия для продолжения революции в стране и за ее пределами и пытается путем развития отношений с другими исламскими странами и народными движениями найти свой путь образования единой мировой исламской уммы (общины): «Правительство ИРИ обязано сделать так, чтобы его общая политическая линия основывалась на союзе исламских народов»⁹. Необходимость экспорта «исламской революции» отражена во многих других документах и выступлениях руководящих деятелей ИРИ, в частности, в программном документе «К вопросу об источниках внешней политики»¹⁰, в котором отмечается: «Мы должны проводить наступательную линию. Это наступление и есть экспорт революции». Необходимость экспорта «исламской революции» также отражена в Обращении Хомейни к иранским дипломатам в январе 1981 г: «Вы должны активно работать, чтобы экспортировать нашу революцию туда, где вы находитесь. Экспорт революции означает прежде всего приход к власти обездоленных и устранение антинародных правительств»¹¹.

3. Разработка и эволюция концепции «Ни Восток, ни Запад»

Концепция «Ни Восток, ни Запад» закрепились во внешнеполитической доктрине ИРИ после революции 1979 г., когда в условиях господствующего в тот период в системе международных отношений биполярного мироустройства иранское руководство провозгласило курс на отмежевание от обеих сверхдержав – западной (США) и восточной (СССР). В результате, была выбрана враждебная позиция в отношении обоих полюсов, а в качестве альтернативы предложен курс на ислам, на практике означающий стремление к сближению с мусульманскими государствами региона, прежде всего, – с наиболее лояльными к Ирану странами шиитской идеологии. Данная установка заполнила образовавшийся вакуум и органично вписалась в общую идеологическую доктрину, которая сформировалась в ИРИ после исламской революции. Более того, концепция «Ни Восток, ни Запад» (позднее она трансформировалась в концепцию «Ни Восток, ни Запад – только ислам») дополняла другую внешнеполитическую концепцию иранского руководства – установку на «экспорт исламской революции», продолжая действовать до 1991 г., т.е. вплоть до распада биполярной системы.

В ходе реализации концепции «Ни Восток, ни Запад» иранским руководством приоритет отдавался установлению контактов с «группами мусульманских братьев из Сирии и Ливии», обмену с ними мнениями по ряду вопросов, представляющих взаимный интерес¹². При этом в тезисах руководства МИД ИРИ всегда подчеркивалось, что, если будет доказано, что некое исламское правительство служит интересам любой из сверхдержав, как восточной (СССР), так и западной (США), и что оно выступает против ислама и своего народа, исламское правительство Ирана готово порвать свои политические контакты и дипломатические отношения с таким режимом.

Важно, что вышеназванная установка не была пустым звуком. В данном контексте Иран действительно разорвал свои отношения с режимом А.Садата в Египте, с правительством иорданского короля Хусейна, существенно ограничил свои контакты с руководством Саудовской Аравии.

Еще один отличительный момент эволюции вышеназванной иранской концепции заключался в кардинальном укреплении в ней, с течением времени, исламского элемента как некоего альтернативного, «третьего пути» развития. Категорически отвергая

капиталистический и социалистический пути развития, иранское государство и общество искали точки соприкосновения с «истинно исламскими государствами», причем, в первую очередь, путем установления взаимодействия с народами этих государств. Четко проводилась мысль о том, что, если антиамериканизм ряда исламских стран вызван не верой в ислам, а в основном является результатом их сильной зависимости от СССР, то Иран не будет развивать тесные отношения с такими режимами, а наоборот – будет находиться с ними в состоянии войны. По мнению иранских идеологов, ислам, как третья сила, «освобождает обездоленных от тисков всех империалистов»¹³.

4. Концептуальные основы внешнеполитической линии «раннего прагматизма» А.Хашеми-Рафсанджани

После 1989 г. началась новая фаза иранской внешнеполитической деятельности. Иранское руководство осознало бесперспективность построения своей внешней политики на основе односторонних, ориентированных на отрицание любого иного мышления, идеологических подходов.

Целый ряд радикальных внешнеполитических принципов, принятых в первые годы после революции, с избранием в 1989 г. президентом страны А.А.Хашеми-Рафсанджани потерял свою актуальность. Курс на экспорт исламской революции перешел из практической плоскости в теоретическую. После распада СССР автоматически утратил силу антагонизм в отношении государств социалистического лагеря, началось резкое потепление отношений между Москвой и Тегераном. Одновременно появился целый ряд новых установок, более прагматичных и нацеленных на конструктивное сотрудничество с международным сообществом.

Главными приоритетами внешнеполитического курса А.А.Хашеми-Рафсанджани (1989–1997 гг.) следует считать принцип последовательного отстаивания национальных интересов ИРИ в региональных и мировых делах, акцент на задачу превращения Ирана в региональную державу за счет достижения экономического, технологического и научно-технического превосходства над своими конкурентами, использование методов экономической экспансии на рынки соседних государств, прежде всего на постсоветском пространстве.

В этот период Ирану удалось в значительной степени преодолеть международную изоляцию, установить нормальные

отношения с большинством стран мира (исключение – Израиль и США), укрепить свой статус на международной арене посредством более активного участия в региональных и глобальных организациях, структурах и институтах.

5. Становление и развитие концепций «диалога цивилизаций» и «коалиции мира»

С.М.Хатами

Внешнеполитическая стратегия Ирана в период восьмилетнего правления реформаторского правительства во главе с президентом С.М.Хатами (1997–2005 гг.) основывалась на двух главных концепциях: пропагандируемом президентом Ирана **принципе «диалога цивилизаций»**, направленном на выход Ирана из международной изоляции и установление многовекторного сотрудничества в рамках многополярной системы и **концепции «коалиция во имя мира – на основе справедливости»**, возникшей как реакция на события 11 сентября 2001 г., силовые акции в Афганистане и Ираке и преследующей цель создания в рамках ООН коллективной системы противодействия современным вызовам и угрозам посредством коллективных мер, без односторонних действий какого-либо одного государства, в том числе США. Два вышеозначенных принципа образуют на теоретическом уровне общую идейную платформу, на основе которой разрабатывались конкретные направления внешней политики С.М.Хатами.

Приверженность внешнеполитического курса Ирана принципу «диалога цивилизаций» подразумевает установление в отношениях с другими странами конструктивного двустороннего диалога, «построенного на самоуважении, достоинстве, рассудке и прагматичности, с учетом национальных интересов на международной арене, а также продолжения переговоров по расширению и углублению двусторонних и многосторонних связей»¹⁴. Ведущими принципами иранской дипломатии в рамках концепции «диалога цивилизаций» следует считать курс на разрядку, укрепление доверия, диалог и превращение угроз в благоприятные возможности, а лозунг «коалиция во имя мира – на основе справедливости» должен, по мнению Тегерана, превратиться в последовательно проводимую политику против терроризма, экстремизма и насилия.

По мнению С.М.Хатами, в современном мире есть две главные опасности, серьезно угрожающие международной стабиль-

ности. Первая – терроризм, фанатизм и догматизм, прибегающие к насилию и извращающие гуманистический и свободолобивый облик ислама. Вторая – стремление к установлению однополярного мира, гегемонии, навязывание народам мира чуждых им ценностей под прикрытием демократических лозунгов¹⁵. Он считает, что серьезную угрозу миру представляет усиливающаяся тенденция игнорирования международного права, целей и принципов Устава ООН, а также попытки некоторых сил скомпрометировать ислам путем нагнетания «исламофобии».

В период президентства С.М.Хатами к числу приоритетных направлений и задач работы внешнеполитического ведомства ИРИ были отнесены следующие¹⁶:

- проведение курса ИРИ на разрядку напряженности и диалог в международных отношениях;
- проведение политики «диалога цивилизаций»;
- опора на силы и ценности своей страны.

В развернутом варианте эти задачи подразумевают улучшение отношений с другими государствами на основе взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела других государств, диалога, разрядки и укрепления доверия, взаимовыгодное использование многочисленных возможностей, нацеленных на максимальное задействование богатых потенциальных материальных и духовных возможностей, имеющихся в Иране, с целью обеспечения национальных интересов страны, продолжение работы по пропаганде и продвижению достижений и ценностей Ирана за рубежом ради дальнейшего укрепления ее международных позиций и авторитета.

Антиамериканские тезисы внешнеполитической стратегии С.М.Хатами включали в себя следующее. По мнению иранского руководства, «экспансионистская политика американской администрации с возрастающей скоростью втягивает мир в обстановку напряженности, нестабильности и военных конфликтов». Здесь считают, что проводимая США борьба с терроризмом и распространением оружия массового поражения (ОМП) является прикрытием американской стратегии по установлению мирового господства, в частности, в регионе Ближнего Востока и Персидского залива¹⁷.

По мнению Тегерана, США желают поставить на место своего бывшего противника, т.е. СССР, **«радикальный ислам»**. Поэтому именно на исламском мире сконцентрированы сегодня внешнеполитические, пропагандистские, международные, раз-

ведывательные и военные усилия правого и неконсервативного крыла нынешнего руководства США¹⁸. Стратегия США в отношении Исламской Республики Иран включает в себя психологическую и дипломатическую войну с последующей внутривнутриполитической дестабилизацией региона. Однако, июньские и июльские события 2003 г. (студенческие волнения) в Иране убедили США в том, что народ Ирана верен [исламскому] строю, и многолетние усилия США к каким-либо желаемым ими результатам не привели.

Другим важным элементом внешнеполитической стратегии президента С.М.Хатами явился ее прагматичный, ориентированный на долгосрочную перспективу, характер. Иран в условиях непростой международной и региональной обстановки показал себя как достаточно дальновидное государство, не ищущее сиюминутных выгод.

Характерным элементом внутривнутриполитической жизни ИРИ в период президентства С.М.Хатами стало усиление разногласий и межфракционного противостояния внутри правящей элиты ИРИ, фактически расколовшей ее на два лагеря – реформаторов и консерваторов. Тем не менее, эти разногласия не оказали ослабляющего воздействия на внешнюю политику государства, генеральная линия которого была сохранена. Примечательно, что именно во внешнеполитической сфере оба политических лагеря находят максимальные точки соприкосновения.

Одна из важнейших задач, которую правящее духовенство ИРИ поставило перед внешнеполитическим ведомством в указанный период – укрепление основ исламского строя, обеспечение его интересов за рубежом, защита прав соотечественников. В основе этой концептуальной мысли лежит идея, что Иран, благодаря своим принципам и ценностям, занимает исключительное и уникальное место среди исламских стран. Принципы иранского строя – это источник и гарантия национальных интересов, его национальной самобытности и целостности. Важнейшая составляющая иранского национального могущества «кроется в приверженности принципам и ценностям Ислама и Революции, поэтому следование и отстаивание принципов приведет к укреплению мощи, безопасности и национальных интересов»¹⁹.

По мнению С.М.Хатами, огромный потенциал Ирана в научной, политической, экономической, культурной и социальной областях, а также широкая поддержка исламского строя и

принципов со стороны населения являются важным фактором его международного престижа: «опираясь на эти способности и положившись на Всевышнего можно преодолеть самые различные вызовы и трудности в области внешней политики»²⁰.

Необходимо учитывать, что проводимый С.М.Хатами либеральный внешнеполитический курс, направленный на разрядку и выход из изоляции, порой наталкивался на ожесточенное сопротивление со стороны Верховного лидера ИРИ С.А.Хаменеи, поскольку входил в противоречие с основополагающими принципами хомейнистского периода. В частности, С.А.Хаменеи, не отрицая, что «взаимодействие с различными странами мира на основе исламских принципов и продолжения политики на разрядку является основополагающим внешнеполитическим курсом страны», неоднократно подчеркивал, что «международное признание – это очень хорошо, но не ценой отказа от принципов и ценностей Исламской Республики Иран, которые составляют нашу национальную и коллективную сущность»²¹.

6. Внешнеполитический курс неоконсерваторов во главе с президентом М.Ахмадинежадом

Победа представителя неоконсервативных сил – столичного мэра М.Ахмадинежада – на президентских выборах внесла некоторые коррективы во внешнеполитическую стратегию Ирана. При сохранении главных принципов иранской внешней политики стратегия неоконсерваторов делает главный акцент на принцип «справедливости» в международных отношениях, подразумевающий установление и поддержание справедливых, равных отношений с другими странами (в первую очередь, имеются в виду США), невзирая на их политический вес и влияние в мире.

Также прогнозируется определенная корректировка курса на наиболее чувствительных треках иранской дипломатии, в первую очередь по ядерному досье, правам человека и региональной политике ИРИ. С приходом к власти М.Ахмадинежада главная внешнеполитическая установка прежних лет – линия на развитие «диалога цивилизаций и культур» – ослабевает, уступив место декларируемому новым президентом принципу «справедливости».

Несмотря на некую демагогичность этого принципа, он имеет под собой вполне прагматичную основу: строить отношения с другими странами на равной основе, исходя из прио-

ритетности собственных национальных интересов. В этом контексте М.Ахмадинежад – за налаживание отношений со всеми государствами, которые «не проповедуют агрессию и силовые методы» в мировой политике.

Но, во внешнеполитическом курсе М.Ахмадинежада будут расставлены новые акценты, а наиболее приоритетным вектором станет налаживание взаимодействия с региональными государствами, в первую очередь представителями исламского сообщества, причем в плане консолидации борьбы против США и Израиля. В этом контексте следует ожидать активизации политики ИРИ на Ближнем и Среднем Востоке, в Персидском заливе. Она будет направлена на укрепление региональных позиций ИРИ при безусловном приоритете принципа «отстаивания национальных интересов» во внешнеполитическом курсе. Возможна и частичная реанимация некоторых внешнеполитических догматических установок хомейнистского периода. Речь, в частности, может идти об обновленной идее «экспорта исламской революции», которая, по недавним заявлениям М.Ахмадинежада, одержав победу в Иране в 1979 г., «скоро прокатится по всему миру», оттеснив авторитарные и диктаторские режимы.

Первые практические шаги нового президента (визит в ИРИ премьер-министра Ирака И.Джафари, президента Сирии Б.Асада, лидера ливанской Хизбаллы Х.Насруллы) подтверждают вышеуказанную тенденцию. Иранская дипломатия также будет проявлять повышенную активность в контактах с КНР, Индией и Россией (Тегеран выступает за создание многополярного мира, поддерживает идею создания оси Москва-Дели-Пекин), расширять связи со странами-членами Движения неприсоединения, особенно с представителями Африканского континента и Юго-Восточной Азии.

При этом, однако, новый президент и его команда не собираются отказываться от принявшего необратимый характер процесса последовательной интеграции ИРИ в мировую экономическую и политическую систему, намерены продолжать политику диалога и не видят необходимости возврата к политике изоляционизма, характерной для первых послереволюционных лет.

Появление молодых неоконсерваторов-прагматиков на иранской политической арене не стало случайностью. Феномен М.Ахмадинежада лишний раз подтверждает гибкость исламской политической системы, сложившейся в Иране после 1979 г.,

ее способность адаптации к новым международным и региональным реалиям. Очевидно, что за 26 лет существования исламского режима внешнеполитическая доктрина ИРИ динамично трансформировалась в сторону большей открытости и предсказуемости, чутко реагируя на изменения курса ИРИ на международной арене.

Можно с уверенностью сказать, что победа неоконсерваторов укрепила основы исламской государственности в Иране, подтвердила стабильность иранской политической системы, повысила имидж страны на международной арене. Ясно, что новый Иран будет твердо отстаивать свои национальные интересы, напористо решать стратегические задачи, допуская в некоторых случаях и обострение в отношениях с Западом, но без перегибов, не доводя дело до открытых конфликтов, особенно вооруженных. При этом Тегеран будет готов проявлять себя как конструктивный переговорщик, но лишь при условии равноправного диалога с партнерами. Иранское руководство намерено и дальше декларировать идею «диалога между цивилизациями», ставшую при С.М.Хатами краеугольным камнем внешнеполитической доктрины государства. В этом контексте курс на многополярность и разрядку в международных отношениях, коллективные усилия по противодействию глобальным вызовам современности сохранит свою приоритетность.

¹ Х.Ансари. Имам Хомейни. Москва 1999 г., с. 257.

² Газета «Омнат» от 24.08.1981 г., статья «Особенности внешней политики и обязанности руководства МИД ИРИ».

³ Конституция ИРИ, статья 2, сборник «Весна свободы», Москва 1997 г.

⁴ Газета «Омнат» от 24.08.1981 г., статья «Особенности внешней политики и обязанности руководства МИД ИРИ».

⁵ Выступление министра иностранных дел Ирана М.Х.Мусави от 17.07.1981 г.

⁶ Выступление министра иностранных дел ИРИ М.Х.Мусави на митинге по случаю Дня Иерусалима от 01.08.1981 г.

⁷ Газета «Кар» от 29.07.1981 г., статья «Прогрессивная внешняя политика укрепляет Исламскую Республику Иран и ослабляет американский империализм».

⁸ Х.Ансари. Имам Хомейни. Москва 1999 г., с. 263.

⁹ Конституция ИРИ, статья 11, сборник «Весна свободы», Москва 1997 г.

¹⁰ ИТАР-ТАСС, Компас, 14 сентября 1998 г, корр. К.Казеев. (документ опубликован правящей Партией исламской республики в 1981 г).

¹¹ ИТАР-ТАСС, Компас, 14 сентября 1998 г, корр. К.Казеев.

¹² Газета «Техран Таймс» от 19.10.1981 г., статья «Взгляд на внешнюю политику Исламской Республики Иран».

¹³ Газета «Техран Таймс» от 19.10.1981 г., статья «Взгляд на внешнюю политику Исламской Республики Иран».

¹⁴ Выступление С.М.Хатами на совещании послов и глав зарубежных дипломатических представительств ИРИ, Тегеран, 17.08.2003 г.

¹⁵ Выступление С.М.Хатами на совещании мининдел ОИК, Тегеран, 28–30.05.2003 г.

¹⁶ Годовой отчет главы внешнеполитического ведомства ИРИ К.Харрази о работе МИД и посольств ИРИ за 2003 г.

¹⁷ Выступление секретаря Высшего Совета национальной безопасности ИРИ Х.Роухани от 19.11.2003 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Заявление С.М.Хатами, газета «Иран» от 05.03.2004 г.

²⁰ Там же.

²¹ Заявление С.А.Хаменеи, газета «Джомхури-е ислами» от 05.03.2004 г.

**ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА
И «КУРДСКАЯ» ПОЛИТИКА НОВОГО КАБИНЕТА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ИРИ**

Выборы нового президента страны, состоявшиеся 24 июня 2005 г., по существу, были проигнорированы суннитским населением Исламской Республики Иран, в том числе и курдами. Согласно конституции, суннит не может стать президентом страны. Выражая свой протест против дискриминации суннитского населения, в некоторых курдских городах явка избирателей составила менее 20%. Многие курды говорили, что опасаются за свое будущее, если новый президент будет выдвигенцем консервативной партии.

Иранские курды негативно восприняли известие об избрании М.Ахмадинежада президентом страны, поскольку он, якобы, участвовал в переговорном процессе в Вене с курдскими автономистами в 1989 г., когда был убит лидер Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) А.Касемлу, авторитет которого до сих пор достаточно высок не только в Иранском Курдистане, но и всем курдском сообществе.

Между тем, фундаменталисты приложили большие усилия для проведения своего кандидата на пост руководителя страны. Им оказался майор Махмуд Ахмадинежад, сын кузнеца, ультраконсерватор и ярый противник каких-либо реформ, навязанных контактами с Западом. «Духовенство было на его стороне и агитировало за него как за истинного мусульманина из низших слоев», – сказал Мохаммед Хосейн Панахи, социолог из тегеранского университета А.Табатабаи¹.

Результат, с которым М.Ахмадинежад победил на выборах, был не из лучших и, по мнению некоторых политиков, был сфабрикован, поскольку сторонники реформаторов голосовали за Рафсанджани, который, по данным некоторых иранских СМИ, набрал 21% голосов. Кроме того, исламское руководство заявило, что в целом явка избирателей составила 63%, что

указывает на поддержку населением страны существующей в стране власти. Хотя М.Ахмадинежад был малоизвестен большинству иранцев, ему оказал доверие и поддержку духовный лидер Ирана аятолла Али Саид Хаменеи, поскольку он является убежденным последователем политической линии, намеченной имамом Хомейни. М.Ахмадинежад доказал свою преданность исламскому руководству, поскольку он находился в числе студентов, последователей Хомейни, участвовавших в нападении и разгроме американского посольства в Тегеране во время иранской революции 1978–1979 гг. Когда его спросили после выборов, сохранятся ли в обществе существующие свободы, Ахмадинежад был уклонив, заметив, что «свобода является духом исламской революции. И в нашей религиозной демократии она значительно сильнее, чем можно представить»².

На самом деле, избрание президента от консервативной партии стало последним штрихом в укреплении власти сторонников жесткого курса.

Исламское руководство приступило к вытеснению реформаторов с руководящих постов во властных структурах и укреплению своего влияния в обществе сразу же после введения коалиционных сил в Ирак, когда англо-американская армия дислоцировалась вблизи границ Ирана. Этому способствовали и заявления главы Белого дома и его ближайших советников о том, что ИРИ станет следующим этапом в проведении США политики Большого Ближнего Востока. Иран был включен в «ось зла». Поэтому не случайно консерваторы заняли главенство в городском совете Тегерана и меджлисе (парламенте). Все это свидетельствовало о том, что перед лицом потенциальной военной угрозы консерваторы намерены усилить процесс национального единства на основе шиизма, что несовместимо с национальными запросами неперсидских этносов. Игнорирование политической роли последних проявилось, в частности, в том, что в меджлисе сократилась численность курдской фракции с 30 до 10 человек. В провинциях губернаторские кресла стали занимать преимущественно лица, преданные кумской идейно-политической школе и политической линии, намеченной имамом Хомейни. Важную идейно-политическую роль исполняли в регионах и главные имамы пятничных мечетей, верные духовному лидеру аятолле Хаменеи.

Особое внимание фундаменталисты уделяли северо-западным провинциям Ирана (Западный Азербайджан и Курдистан)

с преимущественным курдским населением, поскольку эти районы находятся под идейно-политическим влиянием Курдского автономного района Ирака, где курды пользуются демократическими свободами. Важную роль при этом играют курдские телевизионные каналы (5 спутниковых каналов) и радиовещание. Так, Рож-ТВ, учрежденное в 1995 г. турецкими курдами, ведет передачи как на Курдистан, так и на европейскую диаспору. Оно имеет новостные передачи, а также формализуется в выражении курдской идентичности и языке на глобальном уровне. Для Иранского Курдистана оно имеет мобилизующее значение: призывает курдов на протестные акции, информирует о работе курдских политических партий. Из Сулеймание на территорию иранских курдов вещают два канала: Конгра-Гель, выступающий с резкой критикой иранского правительства, и ТВ Курдистана, основанное в 1998 г. Демократической партией Курдистана (ДПК) Ирака. Через год было организовано вещание телеканала Курд-сат Патриотическим Союзом Курдистана (ПСК).

Эти каналы, обличая антикурдские позиции исламского руководства с территории Ирака, ничем не рискуют, но выполняют важную пропагандистскую работу. Однако они являются выразителями идеологии и политики той или иной политической партии. В связи с этим некоторые курдские общественно-политические деятели придерживаются мнения о необходимости создания курдского независимого телевизионного канала специально для Иранского Курдистана, свободного от идейно-политического влияния какого-либо правительства, политической партии или группировки, передачи которого способствовали бы укоренению демократических принципов, уважению национальных меньшинств и культурной идентичности. Предлагалось начать с передач о курдском сообществе и Курдистане, международной и региональной политике и т.п.

Очевидно, что происходящие в соседнем Ираке политические процессы способствуют поддержанию устойчивого негативного настроения иранских курдов против исламского руководства, не желающего решать проблемы курдов. Реформаторский кабинет обещал рассмотреть требования курдов, но смена кабинетов отодвинула этот вопрос на задний план. Централизация экономики, ограниченные инвестиции в их сельскохозяйственное производство, размещение иранской армии вдоль ирано-турецкой и ирано-иракской границы, где традиционно

проживает курдское население, превращает эту территорию в милитаризованную зону.

При этом как бы сбываются «пророчества» претендента на президентский пост от реформаторов Мустафы Моина, который говорил, что в случае победы консерваторов страна столкнется с «религиозным тоталитаризмом», а меджлис предоставит 350 млн. долл., вырученных от продажи нефти, милиции Басидж. «Мы должны отдавать себе отчет в том, что эти усилия в конце концов приведут к милитаризации режима, и политическим и социальным репрессиям»³.

Сохраняющаяся нестабильность северо-западных провинций страны оставляет их в числе тех, в которых может сложиться ситуация, позволяющая американским войскам вторгнуться на иранскую территорию. Поэтому исламское руководство ведет борьбу не только с курдской политической оппозицией в Иранском Курдистане, но и с США, иранской оппозицией, базирующейся на иракской территории, и курдскими автономистами Ирака.

Хотя запрещенные еще в 1980 г. имамом Хомейни курдские политические организации размещаются в Ираке, они осуществляют в Иранском Курдистане политику, направленную на ослабление исламского режима ИРИ. При этом ДПИК стала солидаризироваться с курдским движением иракских курдов, отбросила свои антиимпериалистические лозунги и пришла к выводу, что ДПИК должна возглавить борьбу иранских курдов с целью свержения исламского режима ИРИ с помощью США и создать Курдскую республику в федеративном Иране. Она использует общий с иракскими курдами флаг, гимн и подчеркивает то, что является частью общего национально-демократического движения курдов Ирака и Ирана. Она базируется на иракской территории, подконтрольной ПСК, и пользуется поддержкой Соединенных Штатов. Ее функционеры совершают в Иранском Курдистане акции, направленные на подрыв режима шиитского духовенства. В связи с этим ее члены подвергаются репрессиям и казням со стороны иранских сил безопасности. Вместе с тем, ДПИК получает поддержку курдской диаспоры.

Функционеры другой организации, Комала, так же, как и ДПИК, принадлежащей к числу старейших, считают, что изменение ситуации в Иране к лучшему можно ожидать года через 2–3, если иранский народ сам начнет преобразования. Ввиду своей марксистской направленности, она не пользуется под-

держкой американской администрации. Функционеры сомневаются в том, что США продолжают свою политику, аналогичную иракской, в Иране. Более того, ее члены полагают, что Соединенные Штаты не окажут помощи иранскому народу, поскольку стремятся реализовать в регионе свои собственные интересы. Они пытаются сотрудничать с социальными организациями и СМИ в Иране⁴.

Вместе с тем, они выступают против открытой вооруженной конфронтации с режимом ИРИ, предпочитая политические формы взаимодействия, которые, однако, весьма затруднены из-за бескомпромиссной линии консерваторов. Это противостояние стимулирует возникновение в Иранском Курдистане радикально-националистических группировок. Одной из них является, например, Пейджак, Партия Свободной жизни Иранского Курдистана, которая насчитывает около 500 человек и состоит из иранских, турецких и иракских курдов. Она базируется в горах на ирано-турецкой границе и призывает к возобновлению вооруженной борьбы с иранским режимом. Некоторые считают, что эта группировка имеет тесные контакты в РПК. Ее члены, так же, как и большинство иранских курдов, имеют сильные антиамериканские настроения, которые используются радикально-исламскими группировками. Из их числа они набирают себе новых рекрутов и используют их как для борьбы с коалиционными силами в Ираке, так и с сотрудничавшими с ними курдами⁵.

В результате, с 20 марта 2005 года организациями ДПИК, Комала, Пейджак и другими в провинции Западный Азербайджан были убиты 120 иранских полицейских и 64 ранены. Поэтому иранские власти жестоко расправляются с инакомыслящими. Так, в тюрьме города Урмийе в северо-западном Иране был повешен курдский оппозиционер. А Исмаил Мохаммади, 38-летний функционер партии Комала, арестованный в 2002 г. в Бокане, подвергался в тюрьме пыткам. Подобные методы расправы с курдскими оппозиционерами направлены на то, чтобы запугать курдскую молодежь, охваченную автономистскими идеями⁶.

Преследование курдов по политическим мотивам заставляет их мигрировать за пределы страны. Многие курдские беженцы размещены в специальных лагерях в Ираке и Иордании. Им оказывают покровительство Соединенные Штаты в соответствии с международным законодательством. Часть из них принадлежит также к организации Моджахедин-е Халк. 4 тыс. мод-

жахедов содержатся в лагере Ашраф на севере Багдада. Иран требует их выдачи или выдворения из Ирака. Этот вопрос поднимался, в частности, высокопоставленными иранскими дипломатами на встрече с президентом Ирака Дж.Талабани. «Закон прозрачен на этот счет, – сказал Хенселин, профессор международного гуманитарного права Женевского университета, – эти люди должны быть защищены от насилия, похищения и насильственного изгнания, включая возвращение в Иран, где это будет иметь серьезные последствия»⁷.

В качестве инструмента своей политики против курдов Ирака Иран использует некоторые радикально-исламские группировки. Так, например, в июле 2005 г. в Северном Ираке, ранее спокойном регионе, прогремели взрывы. В связи с этим некоторые зарубежные аналитики заметили, что представители иранского режима, очевидно, намерены дестабилизировать ситуацию в Курдской автономии Ирака. Ответственность за них взял на себя некий Молла Аббас, заявивший об усилении подобных акций. По некоторым данным, он находился в числе командиров Ансар-аль-ислам и руководил курдской группировкой, связанной с «Аль-Каидой». Она контролировала горную местность вокруг Халабджи до марта 2003 г., когда была разбита в результате совместной операции американских военных с курдами Ирака. Считается, что боевики Ансар-аль-ислам базируются в Иране, а атаки в Иракском Курдистане «не могли произойти без поддержки Ирана»⁸.

Известно, что около иранского города Маривана находятся два лагеря, в котором содержатся бывшие функционеры Ансар-аль-ислам. И их численность постоянно увеличивается благодаря прозелитизму в Мехабде и Саккызе.

Новый поворот в использовании Ираном Ансар-аль-ислам наметился после формирования нового парламента. Если ранее Тегеран зорко следил за сотрудничеством курдов с шиитскими организациями Ирака, то теперь, когда консерваторам удалось закрепить свои политические позиции, ИРИ старается сделать все возможное, чтобы через шиитов ослабить курдское крыло в иракском парламенте. Это рассматривается как бы возмездием курдам за их сотрудничество с американцами, которые используют в своих интересах совпадение интересов с курдами в части борьбы с исламским руководством ИРИ.

Вскоре после избрания в Иране М.Ахмадинежада президентом страны стала усиливаться напряженность в северо-

западных провинциях страны. Он ответил отказом на требование курдской фракции иранского парламента назначать курдов на государственные посты в новом кабинете министров. Стало очевидным, что такая позиция развяжет руки иранским силам безопасности в их действиях против курдских оппозиционеров. И действительно, стычка между группой курдской молодежи с силами безопасности на площади Независимости в Мехабаде, в результате которой был тяжело ранен 25-летний курд Шиван Сайед Кадыри и несколько его друзей, привела к далеко идущим последствиям.

Раненого Кадыри бросили в джип и стали возить по городу в качестве устрашения жителей, выражающих недовольство правящим режимом. Однако это действие вызвало обратную реакцию, поскольку на близлежащих улицах стали собираться люди и выкрикивать антиправительственные лозунги.

В полицейском участке тяжело раненого Кадыри пытали, лили кислоту на спину, тело его было изуродовано. В результате истязаний он скончался. Его тело было помещено в гроб и выдано его родителям под подписку, что им запрещено открывать его. Но друзья Шивана все-таки открыли его и сделали фотографии, которые затем поместили в Интернет. Было очевидно, что Кадыри был замучен. Однако губернатор Мехабада Маруф Самади отрицал факт истязаний Кадыри.

Мятеж охватил Мехабад, где происходили постоянные стычки между протестующими и полицией. Фактически иранскими силами безопасности в городе был установлен военный режим, но они не могли справиться с мятежниками. Мехабадский стадион, местное радио и телестудия превратились во временную базу сил безопасности и армии. Вооруженные полицейские кордоны были установлены на всех площадях, перекрестках и шоссе в самом городе и вокруг него. Многие мятежники были арестованы, их отправляли в соседний город Урмийе, где также возникли протестные акции. 64 мятежника были задержаны, но вскоре их освободили, кроме 11. Согласно сообщениям главы местной полиции Хосейна Абди, были ранены также 60 полицейских, а 1 убит⁹.

Ш.Кадыри являлся членом Революционного союза Курдистана и был известен как активный противник нынешнего режима; он участвовал в оппозиционных демонстрациях, всегда находясь впереди. Он являлся ключевой фигурой в организации мероприятий по празднованию избрания Джаляля Талаба-

ни президентом Ирака и Масуда Барзани президентом Курдской автономии в Иракском Курдистане. Во время этого праздника происходи стычки с полицией в ряде городов северо-западного Ирана.

Один из курдских политических активистов Джалял Гавами, редактор газеты «Пейяме Мардом», говорил, что Кадыри являлся организатором всех антиправительственных мероприятий в Мехабаде. По его словам, многие курдские организации, в том числе ДПИК и Пейджак, призывали население к актам гражданского неповиновения. Они потребовали наказать тех, кто причастен к смерти Кадыри.

Однако, по заявлениям официальных лиц, Кадыри, якобы, был общественным деятелем и политическим активистом, и его обвинили в «моральных и финансовых махинациях». Официальные лица, преданные исламскому руководству, заявляли, что это прибывшие из Турции «контрреволюционеры и иностранные миссионеры... атакывали наши силы безопасности и революционных гвардейцев». Так, в частности, заявлял ходжа-оль-ислам Голямреза Хассани, главный духовный лидер города Урмийе и личный представитель духовного лидера Ирана Али Хаменеи в провинции Западный Азербайджан. «Если власти не в состоянии справиться с мятежниками, я сам возьму оружие и возглавлю добровольцев на борьбу с этими мятежниками и контрреволюционерами.»¹⁰

Вскоре протесты охватили многие города северо-западного Ирана: Бокан, Сенендедж, Негаде, Миандоаб и Пيرانшехр. В последнем демонстрации проходили в «поддержку сопротивления народа Мехабада». Люди скандировали лозунги против иранского режима. Протесты продолжались несколько часов, по крайней мере 10 человек были арестованы.

В Саккызе спецподразделения открыли беспорядочную стрельбу для разгона демонстрантов. На низкой высоте для тех же целей летали вертолеты. Многие города северо-западного Ирана были окружены войсками и подразделениями КСИР.

В Курдистане были закрыты двуязычная (на персидском и курдском языке) газета «Ашти» и еженедельник «Асу». В своем доме в Сенендедже была задержана правозащитница Р.Толуйи по обвинению в организации «беспорядков и действиях против национальных сил безопасности». В тот же день были задержаны в своих домах известный правозащитник и журналист Азад Замани, член Ассоциации в защиту прав де-

тей; Мохаммад Саджек Кабудванд, журналист и один из основателей Организации по правам человека в Курдистане; Махмуд Салехи, представитель организационного комитета по созданию профессиональных союзов.

Протестные акции тотчас же были организованы курдской диаспорой в Европе против нарушения прав человека, участники требовали освобождения правозащитников и активистов, усиления внимания правительства к проблемам курдского народа Ирана.

Международная организации Human Rights Watch тотчас же потребовала от иранского правительства выпустить невиновных журналистов, правозащитников и общественных деятелей. Она также обнародовала список убитых во время стычек в Мехабаде и других городах Ирана, тем самым подчеркивая нарушение Ираном соответствующих документов ООН. Она потребовала направления в ИРИ европейской комиссии для расследования событий.

30 июля Соединенные Штаты придали гласности доклад М.Котари об ущемлении этнических и религиозных прав в Иране. В нем внимание было обращено и на то, что население западных районов страны подвергается дискриминации, курды испытывают недостаток воды, электричества, неудовлетворительно ведутся восстановительные работы. В пользу государства у курдов конфисковываются земли, а в результате такой политики возникают диспропорции в землевладении и благосостоянии религиозных и этнических меньшинств.

Иранские власти старались всячески замолчать то, что происходило в Иранском Курдистане, и тем более отрицали наличие каких-либо столкновений на религиозной и этнической почве.

Протестные акции были поддержаны курдской диаспорой в Канаде, куда из Швеции прибыли курдские активисты. С разрешения канадских властей возле иранского посольства в Оттаве прошел митинг, на котором выступали курды и канадские правозащитники.

Однако уже в начале августа волнения в Иранском Курдистане возобновились, в результате их были арестованы 145 человек и двое убиты. Но Тегеран снова подчеркнул, что они не имели этнорелигиозной мотивации. Курды требовали усиления внимания правительства к проблемам развития Иранского Курдистана, расширения курдского представительства в

высших органах власти и удовлетворения культурных потребностей курдского населения.

В середине августа в Лондоне состоялся пикет возле иранского посольства с лозунгами о нарушении прав человека в Иране. Активисты говорили, что чрезмерное внимание мировой общественности к ядерной программе Ирана оставляет в тени такие важные вопросы, как нарушение прав человека в ИРИ, особенно курдов. Другое мероприятие состоялось на Даунинг стрит против нарушения прав человека в Иране. Протестовавшие призывали Великобританию и США положить конец насилию, совершаемому ИРИ против своего же народа. Они потребовали направить в Курдистан делегацию ООН для изучения ситуации; освободить политических заключенных; виновных предать суду без применения к ним насилия или пыток; произвести независимое расследование происшедших в Иранском Курдистане событий. На митинге выступили Х.Черитон из партии Зеленых и С.Паркер из Курдского комитета солидарности.

Вслед за этими событиями произошли инциденты с иранскими курдами в лагере для беженцев на западе иракской столицы. Трое из них были убиты, и это породило измышления о том, что новое консервативное правительство ИРИ стремится к ликвидации своих оппонентов, которым предоставляют убежище соседние страны. В лагере Ал-Таш были убиты несколько иранских курдов, а также члены организации Моджахеддин-е-Халк. В связи с этим Ахмед Шейхли, политолог из Багдадского университета, высказал мнение о том, что со времени вступления коалиционных сил в Ираке не было нападений на иранских беженцев. Теперь же они подвергаются нападениям и убийствам. Некоторые аналитики полагают, что новая волна насилия на иранских диссидентов в нестабильном Ираке «отражает новую оценку консервативными лидерами Тегерана ситуации в соседнем государстве». Они опасаются повторения американцами в Иране иракского сценария, поэтому через лояльных себе лиц стараются повлиять на назначение угодных Тегерану министров в правительстве Ирака и руководителей некоторых организаций.

Поскольку иранцы отдали предпочтение консервативному политическому лидеру на президентских выборах, то Вашингтон будет всеми средствами настаивать на установлении в Иране свободы и демократии. Поэтому Тегеран предпочитает

сотрудничать с Турцией в деле борьбы с курдскими организациями РПК и Пейджак в зоне ирано-турецкой границы. Так, совместно иранские и турецкие силы осуществляли обстрел пограничных деревень. В результате бомбардировки деревни Бишон, примыкающей к району Бейран в северном Ираке, возник сильный пожар в соседнем лесу. А в результате бомбардировки района Незадага, близ Хвакоркских гор, были убиты несколько мирных жителей, а также расстрелян скот, который пасся на горных отрогах¹¹.

В Иране продолжается «охота» на журналистов, особенно тех, которые посещают Иракский Курдистан или участвовали в той или иной степени в волнениях минувшего лета. Так, например, Гавами, работавший в еженедельнике «Пейяме мардоме Курдистан» был осужден судом Сенендеджа за то, что он, якобы, «подстрекал народ к восстанию». А независимый журналист Амади был арестован в Сарвабаде после его поездки в курдские районы соседнего Ирака.

К осени 2005 г. напряженность в северо-западных районах Ирана продолжала сохраняться.

Таким образом, консервативное политическое крыло ИРИ вступило на путь бескомпромиссной борьбы с курдской оппозицией, что способствует дестабилизации обстановки не только в Иранском Курдистане, но и в граничащих с ним курдских районах Ирака и Турции. Исламское руководство категорически отказывается идти на какие-либо компромиссы с курдской оппозицией, пытающейся вести политическую борьбу за национальные права курдского населения страны. Между тем, конструктивное решение курдской проблемы в Иранском Курдистане не позволит американцам создать повод для вторжения на иранскую территорию якобы ради установления демократии и защиты прав человека. А пока семь курдских организаций подписали договор о сотрудничестве. Они формируют Революционный союз Курдистана. Их политическая деятельность сопровождается вооруженными акциями. Эту политику поддерживают Соединенные Штаты, контролирующие их действия, поощряющие деятельность тренировочных лагерей иранских курдов на территории Ирака.

Если часть иранских курдов кооперируется с иракскими курдами и пользуется благосклонностью США, вынашивая планы переустройства Иранского Курдистана по примеру курдов Ирака, то американцы используют негативный настрой в

отношении исламского правления для реализации прежде всего своих региональных интересов. Их привлекает светский характер курдского сообщества в мусульманском окружении, с одной стороны, а с другой, – географическое и стратегическое положение Иранского Курдистана, его близость к Кавказско-Каспийскому региону, наличие на его территории богатых природных ресурсов, воды, удобной инфраструктуры и пр.

Однако далеко не все иранские курды позитивно оценивают роль Соединенных Штатов в Западной Азии и их намерение подвергнуть демократизации иранское общество. Антиамериканизм этой части иранских курдов способствует вовлечению их в террористические группировки, а также стимулирует возникновение радикально-националистических группировок, пытающихся с оружием в руках отстаивать интересы курдов.

Важным является недопущение сращивания курдского национального движения с деятельностью радикальных группировок. В противном случае, настойчивая борьба иранских курдов за национальные права будет обречена на провал. Те же из курдских политических течений, которые наполняют свою деятельность национально-демократическим содержанием, заслуживают, на наш взгляд, поощрительного отношения. Они проявляют определенный интерес к методам и формам решения внутривнутриполитических вопросов в новой демократической России, поскольку курды полагают неприемлемыми для себя мусульманские уравнилельные позиции.

Кроме того, спокойствие в Иране и регионе в целом во многом зависит от того, сможет ли исламское руководство ИРИ совместно с курдами найти приемлемые для обеих сторон пути решения курдского вопроса в Иране, от чего, отчасти, зависит и ситуация в регионе в целом.

¹ Iran votes hard-liner into runoff –
<http://www.puk.org/web/htm/news/nws/news050625.html>

² Unrest in Iran's Kurdish Region Has Left 17 Dead; Hundreds Have Been Wounded. –
<http://www.puk.org/web/htm/news/nws/news050814.html>

³ Iran votes...

⁴ Freedom Fighters in Eastern Kurdistan Hope for Their Moment –
<http://www.cogeco.ca/-kurdistan6/16-3-05-kurds-t-kurdistan-wait-for-their-moment/html>

⁵ Around Kurds Fomenting Unrest In Iran Pose Security Threat To Tehran. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/29-8-05-pejak-fight-irn.html>

⁶ Clashes with Kurds Kill 1120 Iranian Police In Five Months. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep/4-9-05-clashes-against-irn-in-six-months.html>

⁷ Murder, kidnapping of Kurdish Iranian Refugees in Iraq Raise Alarm. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/26-8-05-kidnapping%20murder-kurds-e-irq.htm>

⁸ Iran suspected of backing new suicide attacks. –

<http://www.puk.org/web/htm/news/nws/news050713.html>

⁹ Peace Restored In Restive Kurdish City in Iran after killing of young activist says. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/25-7-05-mahabad-resored-peace-after-killing.htm>

¹⁰ Senior Iran Cleric Tells Government To Stamp Out Kurdish Unrest. –
<http://kurdistanobserver.servehttp.com/12-8-05-cleric-tell-irn-stamp-out-kurds-unrest.htm>

¹¹ Turkish-Iranian Bombarding Of Villages In The Kurdistan-Iraq. –
<http://kurdistanobserver.servehttp.com/sep/6-9-05-tky-irn-bomb-villages-s-kurdistan.htm>

ПОЛИТИКА ИРАНА В АФГАНИСТАНЕ

Еще за два года до падения режима талибов Иран заметно усилил свою вовлеченность в афганские дела в политико-дипломатической, торговой и военной сферах. По-прежнему признавая на официальном уровне правительство президента Исламского Государства Афганистан (ИГА) Бурхануддина Раббани, Тегеран в то же время пошел на неофициальное сближение с Исламским Эмиратом Афганистан¹ (ИЭА)².

Начало диалогу между ИРИ и ИЭА было положено еще в феврале 1999 г. по инициативе МИД ИЭА, который решил нормализовать отношения с Тегераном, серьезно подорванные в августе 1998 г., когда талибы убили в Мазари-Шарифе иранских дипломатов и корреспондента агентства ИРНА. Со своей стороны, МИД ИРИ согласился на эту встречу при том условии, что руководство талибов наконец-то накажет тех, кто убил иранских граждан³. Это требование Иран предъявил талибам еще в августе 1998 г., однако Кабул, хотя и обещал наказать виновных, так и не сделал этого. На этот раз талибы заверили Тегеран, что выполнят свое требование в самое ближайшее время. И тогда иранцы согласились на переговоры, которые состоялись в эмирате Дубай⁴.

В марте 1999 г. Тегеран учредил свои консульства, или, точнее говоря, консульские представительства в Кандагаре и Герате. При этом в Тегеране открылось неофициальное представительство ИЭА.

Контакты и переговоры между Ираном и ДТ были продолжены и в последующие годы. Как правило, они шли попеременно то в Тегеране, то в Кабуле или в Кандагаре, но иногда и в третьих странах, например, в Персидском заливе. Факт налажившихся связей между двумя странами подтвердил в феврале 2000 г. министр иностранных дел ИЭА Вакиль Ахмад Мутавакиль, который заявил, что с Ираном после недолгого периода охлаждения отношений вновь возобновляется переговорный процесс⁵.

Однако, чтобы не раздражать своих союзников из антиталибского лагеря (таджики и хазарейцы), Исламская Республика Иран официально заявила, что открытие иранских консульств в Афганистане вовсе не означает дипломатического признания Исламского Эмирата Афганистан и движения «Талибан»⁶. Поэтому в Тегеране Афганистан был по-прежнему представлен послом ИГА, назначенным еще президентом Б.Раббани, а ИРИ продолжала оказывать помощь Северному альянсу во главе с генералом Ахмад-Шах Масудом. В отличие от талибов, выступавших за создание унитарного государства, Иран поддерживал идею создания федеративного Афганистана с представительным коалиционным правительством⁷.

Конфликт в Афганистане постоянно находился в центре внимания иранского руководства, в том числе духовного лидера ИРИ аятоллы С.А. Хаменеи и президента М.Хатами. Оба не раз выступали с заявлениями по поводу событий в соседней стране, нередко высказывая мнение о том, как можно решить афганскую проблему. В ноябре 1999 г. иранский президент в беседе с советником ООН по Афганистану Ф.Вандереллом заявил, что решить ее можно лишь мирным путем⁸.

Афганскую политику Ирана оценили даже в США. Так, государственный секретарь США Мадлен Олбрайт в марте 2000 г. заявила, что у Ирана и США есть «общие интересы» по ряду проблем, в том числе и по Афганистану⁹. Она отметила, что «Иран дорого платит за продолжающийся в этой стране конфликт. Он уже давно дает убежище 2 млн. афганцев, которые бежали от гражданской войны. Кроме того, тысячи иранцев были убиты в столкновениях с торговцами наркотиков. Сейчас Иран занимает одно из ведущих мест в мире по суммарному количеству изъятых за год наркотиков. Борьба с наркобизнесом – это одна тех из областей, где расширение американо-иранского взаимодействия явно оправдано, по мнению обеих сторон. Прозвучало даже, что в сотрудничестве с Ираном США смогли бы установить мир в Афганистане, тем более, что Тегеран с давних пор выступает за политическое урегулирование данного конфликта и должен знать пути его возможного решения»¹⁰. За это, в частности, выступал, бывший советник по национальной безопасности в администрации президента Дж.Картера и один из самых влиятельных людей в американской внешней политике Збигнев Бжезинский, который до настоящего времени выступает против проведения каких-либо силовых акций против Ирана¹¹.

Позиции Ирана по афганскому урегулированию во многом совпадают с российскими. По мнению российского исследователя А.Миграняна, «Иран для России является стратегическим союзником в двух взрывоопасных и наиболее уязвимых для России зонах... Речь идет о Средней Азии, где Россия успешно сотрудничает с Ираном по предотвращению расширения конфликтов в Афганистане и Таджикистане, переносе этих конфликтов на территорию Узбекистана и Киргизии, и на Кавказе, где иранский фактор является очень важным для достижения стабильности в регионе»¹².

Убийство лидера Северного альянса Ахмад – Шаха Масуда 9 сентября 2001 г., за которым стоял Усама бен Ладен, вызвало негативную реакцию в Тегеране. Президент М.Хатами направил Б.Раббани телеграмму соболезнования, в которой осудил это убийство и выразил президенту Б.Раббани чувство глубокого горя и сожаления в связи с этой утратой¹³.

12 сентября 2001 г. представители Ирана, России, Индии, Таджикистана и Узбекистана собрались в Душанбе, дабы оценить сложившуюся ситуацию, принять ряд неотложных мер и договориться о предоставлении в срочном порядке экономической и военной помощи Объединенному Фронту. Цель встречи, одним из инициаторов которой был и Иран, состояла в том, чтобы не дать распасться Северному альянсу, который состоял из представителей различных национальностей, религиозных групп (шииты и сунниты), которые были едины лишь в своем противостоянии движению Талибан.

Официальная реакция Ирана на теракты 11 сентября в США была выражена президентом Хатами, который немедленно осудил действия террористов против мирных граждан и выразил сочувствие и соболезнование семьям погибших и всему американскому народу. Более сдержанно реагировал духовный лидер ИРИ аятолла С.А.Хаменеи, который к тому же высказал опасения, что ответные удары со стороны США могут вызвать «гуманитарную катастрофу» и создать для Америки «множество проблем»¹⁴. Рупор правых радикалов – газета «Джумхурие эслами», интерпретируя позицию Хаменеи, заявляла, что не стоит ждать согласия Ирана войти в какую-либо коалицию, направленную против движения Талибан или надеяться на признание Усамы бен Ладена в качестве террориста и преступника, которого разыскивают США и Интерпол¹⁵.

В то же время Иран начал сворачивать свои связи с талибами и расширять помощь Северному альянсу. Не в пример прошлому, Тегеран стал делать это открыто, а где-то даже пропагандируя свое сотрудничество с Альянсом и законно признанным президентом Афганистана Б.Раббани и генералом М.Фахимом, назначенным командующим армией северян после гибели Масуда¹⁶.

14 сентября 2001 г. в Душанбе снова собрались представители Ирана, России, Афганистана, Индии, Узбекистана и Таджикистана. На этой встрече генерал Фахим изложил положение, складывающееся в Афганистане, а также попросил увеличить военную и экономическую помощь, в том числе со стороны Запада¹⁷. Генерал также высказал пожелание, чтобы США ускорили принятие решения о начале ударов возмездия по войскам талибов.

7 октября 2001 г. авиация США начала наносить удары по крупным городам и базам талибов в этой стране, а 8 октября президент ИРИ решительно сменил тон и на этот раз фактически осудил американские бомбардировки, заявив, что «никто не должен под предлогом борьбы с терроризмом заставлять страдать тысячи невинных и незащищенных людей». Хатами призвал «немедленно прекратить» военные удары по Афганистану, поскольку они ведут к «человеческой катастрофе». Несколько дней ранее иранский президент высказал предупреждение, что «силовая акция США в Афганистане может спровоцировать столкновение между Западом и исламским миром»¹⁸.

Примерно в том же духе высказался и министр иностранных дел Ирана К.Харрази, который к тому же добавил, что такие действия должны предварительно согласовываться с Советом Безопасности ООН и исламскими странами. На состоявшейся 10 октября 2001 г. в Дохе чрезвычайной сессии ОИК, посвященной военным действиям США в Афганистане, один из советников аятоллы Хаменеи заявил, что Иран готов войти в антитеррористическую коалицию под руководством США только при условии, если она будет создана под эгидой ООН¹⁹.

После начала американских бомбардировок в Афганистане Тегеран заявил об отказе предоставить свое воздушное пространство для военной авиации США. Однако в середине октября дипломаты двух стран провели секретные переговоры при посредничестве Швейцарии, которая после разрыва в ап-

реле 1980 г. дипломатических отношений между Ираном и США является для них посредником. Стороны договорились о том, что «Иран окажет помощь американским военнослужащим в случае, если какой-нибудь самолет, выполняя боевое задание в небе над Афганистаном, получит повреждение и совершит вынужденную посадку на территории Ирана»²⁰.

Сотрудники неофициальных иранских консульств в Кабуле и Кандагаре свернули свою деятельность и выехали на родину. Что касается талибов, то они предпочли остаться в Тегеране²¹.

Если оценивать афганскую политику Тегерана с позиции стороннего наблюдателя, она может показаться весьма непоследовательной. Действительно, любому сопредельному государству во второй половине 90-х годов было довольно проблематично придерживаться одного и того же курса внешней политики в отношении Афганистана, учитывая, что положение там все время изменялось. Вышесказанное в наибольшей степени применимо Ирану, для которого Афганистан многие годы был одной из главных внешнеполитических проблем.

С одной стороны, Тегеран пытался сохранить умеренные отношения с титульной нацией Афганистана – пуштунами, олицетворением которых фактически являлись талибы. С другой стороны, резкие антишиитские выпады талибов – они называли шиитов «еретиками»²² – заставляли Иран оказывать помощь Северному Альянсу. Он оказывал поддержку не только афганским шиитам, но и всем ираноязычным этническим группам, сопротивляющимся пуштунскому господству. С шиитами-хазарейцами иранцев сближала общность религии, с таджиками – общее прошлое – они происходили от одного древнего этноса, а со всеми национальными меньшинствами Афганистана то, что они говорили практически на одном и том же языке – фарси, афганский диалект которого называется дари.

В то же время, как считает пакистанский историк Ахмад Рашид, Иран страдал от того, что «военные, разведка, стражи исламской революции, шиитское духовенство...пытались протолкнуть свои собственные взгляды на политику в Афганистане»²³. То есть страна действовала непоследовательно. Одно время Иран угрожал талибам, как, например, 14 августа 1998 г., когда президент ИРИ Камаль Харрази заявил: «Талибы – пуштуны, и они не вправе устранять все остальные этнические группы с политической арены, не вызывая вспышки сопротивления. В таких условиях мир в стране невозможен. Я предосте-

регаю талибов и тех, кто их поддерживает, что мы не потерпим нестабильности и заговоров у наших границ»²⁴. Затем, в марте 1999 г. Иран открыл консульские представительства в Кандагаре и Герате и установил с ними неофициальные отношения.

Целями Тегерана в отношении Афганистана после 11 сентября 2001 г. были, в частности, сохранение влияния ислама, особенно шиитов, противодействие приходу во власть бывшего короля Захир Шаха, а также продвижение в органы новой власти своих «протеже» – шиитов-хазарейцев, а также таджиков²⁵.

После ввода коалиционных войск в Афганистан весной 2001 г. основными направлениями действий Ирана в этой стране стали противодействие резко возросшему американскому влиянию и одновременное укрепление связей с афганским правительством. Не забыл и о традиционном поддержании отношений с хазарейцами – шиитами и таджиками.

Сразу после ввода американских войск в Афганистан осенью 2001 г. между Вашингтоном и Тегераном началась «война слов»²⁶. Американцы опасались, что повторится сценарий двадцатилетней давности, когда клерикальное правительство Ирана оказывало помощь афганским моджахедам. Согласно сообщениям ВВС, в январе 2002 г. специальный представитель США по Афганистану неоднократно выражал свою озабоченность и настоятельно предостерегал Тегеран от посылки боевиков в соседнюю страну²⁷. А президент Джордж Буш настоятельно рекомендовал не предоставлять убежища членам «Аль-Каиды» и не вмешиваться в афганские дела, чем провоцировал жесткую реакцию со стороны Ирана.

Также на страницах газеты «New-York Times» неназванные американские официальные лица заявляли о том, что иранские агенты проникают в район Герата на западе Афганистана, угрожают одним местным племенным лидерам и подкупают других с целью сорвать американские планы. Афганистан стал еще одним полем противоборства двух стран; на его территории они обе преследовали свои сугубо национальные интересы, от чего предостерегал германский министр иностранных дел Йошка Фишер²⁸.

Очевидно, что американцы не располагали какими-либо существенными доказательствами военной помощи Тегерана афганским полевым командирам. Скорее, они желали упредить возможное нежелательное развитие обстановки и подать недвусмысленные знаки ИРИ²⁹, чтобы она не оказывала никакой

помощи талибам. В Вашингтоне явно опасались повторить советские ошибки и ввязаться в длительный и кровопролитный конфликт с различными военно-полевыми группировками, в то время как соседние страны будут этим группировкам оказывать помощь и размещать на своей территории лагеря для подготовки боевиков³⁰. Пакистан являлся давним американским союзником в регионе, и его можно было уговорить не оказывать содействия «братьям по вере». Китай также не пожелал бы ставить под угрозу быстро развивающиеся двусторонние торговые отношения. Иран же, наоборот, по мысли американских стратегов, наверняка попытается всячески навредить их начинаниям и выгнать «большого сатану» так же, как это было с «малым». Именно поэтому была развернута эта кампания политического давления, хотя, скорее всего, она была лишена смысла.

Хотя Иран испытывал определенные опасения по поводу растущего влияния Вашингтона и того, что его войска на длительное время останутся на афганской земле, он предпочел не портить еще более и без того непростые двусторонние отношения. Вместо дальнейшей «войны слов» ИРИ предпочла тактику малых дел: исламская республика настойчиво и последовательно улучшала двусторонние афгано-иранские отношения и старалась на деле доказать свою приверженность добрососедским отношениям. По-видимому, посредством выстраивания хороших двусторонних отношений эта страна попыталась привязать к себе Афганистан и тем самым ослабить американское влияние. Хотя, разумеется, целью добрососедских отношений с новой афганской администрацией было не столько подорвать влияние США, сколько сами добрососедские отношения.

Иран долгое время поддерживал Северный альянс, который вел борьбу с движением Талибан, поэтому у ИРИ и без давления со стороны США не было причин оказывать талибам помощь.

Несколько позднее, к весне 2002 г., когда американская армейская разведка так и не обнаружила караванов оружия, двигавшихся со стороны иранской границы в Афганистан, у некоторых американских и британских аналитиков появились соображения такого рода, что некоторые радикальные неподконтрольные центральному правительству в Тегеране группы могли укрывать беглых талибов и оказывать им другую помощь³¹. В доказательство они приводили тот факт, что, хотя министерство иностранных дел этой исламской республики утверждало,

что граница заперта и надежно контролируется, за последние годы десятки тысяч афганских беженцев незаконно пересекли ирано-афганскую границу в обоих направлениях³². Также, как утверждалось, шеф службы безопасности Усамы бен Ладена Саиф аль-Адель, считающийся некоторыми специалистами номером три на иерархической лестнице афганских террористов и который принимал участие в подготовке нападения 11 сентября, также находится в ИРИ.

Иранское правительство, в свою очередь, не переставало делать заявления по поводу ареста того или иного активиста «Аль-Каиды». Согласно сообщению министра иностранных дел Ирана Камала Харрази, в январе 2002 г. службы безопасности его страны арестовали 12 человек, подозреваемых в связях с бен Ладеном, которым предстоял суд. 28 марта 2002 г. глава разведки Ирана Али Юнеси заявил, что его ведомство окончательно пресекло деятельность «Аль-Каиды» в стране и ликвидировала все ее ячейки³³. По некоторым сведениям, в числе задержанных были ее бывший пресс-секретарь Сулейман Абу Гейт и сын бен Ладена Саад.

Многие западные дипломаты признавали, что министерство иностранных дел Ирана, которое находилось под контролем умеренного президента Мохаммада Хатами, сыграло значительную роль в нормализации положения в Афганистане после 11 сентября. Оно резко осудило терроризм и активно поддерживало усилия западных дипломатов по формированию нового афганского правительства. И это несмотря на то, что некоторые радикально настроенные группы внутри страны были не согласны с таким курсом и обвиняли новую кабульскую администрацию в том, что она слишком потворствует американцам³⁴.

Несмотря на то, что острота американо-иранского дипломатического противоборства по поводу Афганистана к середине 2002 г. несколько поутихла, Вашингтон не оставлял усилий по ослаблению позиций своего конкурента.

У Ирана – традиционно тесные культурные и экономические связи с провинцией Герат. Хотя большая часть ее населения сунниты, а не шииты, как в ИРИ, их язык и традиции имеют гораздо больше общего с персидской культурой, чем с собственно афганской³⁵. Во время гражданской войны в Афганистане в 90-е годы Иран поддерживал губернатора Герата Исмаил Хана, который после его разгрома талибами нашел в этой стране политическое убежище³⁶.

После ввода американских войск осенью 2001 г. Исмаил Хан стал кем-то вроде самопровозглашенного эмира западного Афганистана и превратился в одного из самых влиятельных людей страны. В годы его правления Герат был зажиточным, тихим и спокойным городом, по афганским меркам. Его личная гвардия патрулировала городские улицы, а авторитет, заработанный еще во время его борьбы с советскими войсками, служил защитой от посягательств других полевых командиров. Провинция была оплотом иранского влияния в Афганистане. Так продолжалось до осени 2004 г., когда президент Карзай обвинил его в невыплате налогов в государственную казну и заменил на другого губернатора. Самому Исмаил Хану предложили один из самых бесперспективных постов в правительстве – министра энергетики.

Когда это известие дошло до жителей Герата, в городе начались массовые беспорядки, в результате которых погибли несколько человек³⁷. Само обвинение Карзая в невыплате налогов выглядело смехотворно: в условиях полного развала органов государственной власти в стране практически никто из губернаторов не перечислял в Кабул значительные суммы налогов, а центральное правительство жило и живет до сих пор за счет иностранной помощи. По всей видимости, действительной причиной замены стала попытка уменьшить влияние Тегерана, пусть даже ценой благосостояния провинции и спокойствия ее жителей.

«Гератскую операцию» следует признать несомненным успехом американских советников Карзая. Без применения силы и громких заявлений Кабул смог укрепить свой влияние на северо-западе страны, а Вашингтон лишил Иран одного из его самых влиятельных сторонников в стране.

Исламская Республика Иран, принимавшая участие в восстановлении Афганистана с 2002 г., не занимала центрального места в сообщениях об Афганистане и не была в числе государств-председателей на Боннской и Токийской конференциях³⁸. Только изредка случались упоминания о том, что в восстановительных проектах принимает участие еще и Иран. Однако ретроспективный анализ и заявления иранских представителей показывают, что Иран с самого начала восстановления Афганистана де-факто занял центральное место в этом процессе. Иранское правительство выделило на восстановление Афганистана 500 млн. долл. безвозмездной помощи, что

составляет 46,1% всех средств, выделенных в 2002–2004 гг. на восстановление афганской экономики³⁹.

Более всего интересно распределение иранских средств. Если остальные доноры – США, Евросоюз, Япония и другие страны участвовали, в основном, в гуманитарной помощи, восстановлении дорог, телекоммуникаций и связи, то Иран направил средства в важнейшие для Афганистана области – сельское хозяйство и энергетику. В 2002 году министерство сельского хозяйства Ирана заключило соглашение с министерством сельского хозяйства Афганистана, по которому Иран должен был провести работы по восстановлению ирригации и водопроводов в ряде провинций Афганистана, поставить семенной фонд и удобрения, подготовить специалистов⁴⁰.

Иными словами, после 2001 г. в отношениях двух стран имело место поступательное развитие. Если упомянуть прочие двусторонние проекты, то к ним можно отнести решение о помощи в телефонизации Афганистана, восстановление уличной сети Герата, строительство между странами железной дороги, ведение 22 различных проектов в сельском хозяйстве, строительство автострადы из иранского приграничного города Догарун в Герат и множество других. После Пакистана Иран стал вторым внешнеторговым партнером Афганистана. Нельзя не отметить, однако, что это сотрудничество было, скорее, следствием географической и культурной близости двух стран, то есть естественным. В то же время, властные органы как Ирана, так и Афганистана проявляли осторожность в форсировании сотрудничества. ИРИ считала Кабул марионеткой американцев, не способной к принятию самостоятельных внешнеполитических решений. Наоборот, Тегеран подозревали во вмешательстве во внутренние дела, поддержки одних этнических и религиозных групп в ущерб другим⁴¹, попытке подчинить отдельные регионы страны своим интересам и отколоть их от центральной власти.

Экономическое сотрудничество развивалось неспешно, еще более неопределенно обстояли дела с политическим взаимодействием. Однако в определенный момент, примерно в начале 2005 г., в настроении элит двух стран произошел коренной сдвиг. Благожелательность заменила настороженность. Все перечисленные выше факторы остались. Иран, однако, осознал, что, несмотря ни на что, Карзай является неплохим политиком и дипломатом. Он, как видно на примере Исмаил Хана, не воевал

с неугодными полевыми командирами, а переманивал их к себе или просто давал взятки. Такой подход не был характерен для афганской истории. Не забывая делать реверансы в сторону своих покровителей – Соединенных Штатов, он улучшал обстановку в Афганистане, насколько это было возможно. После более, чем 20 лет непрерывных войн в Афганистане наступил относительный мир. И хотя казна государства пополнялась почти целиком за счет стран-доноров, Карзай не был пешкой этих стран. Он с нарочитой благодарностью принимал советы американцев, например их посла Ахмада Халилзада, однако страной руководил именно он, а не американцы.

В общем, в глазах иранцев он оказался не так уж плох. Самым важным доказательством независимости Карзая была его готовность развивать отношения со своим западным соседом, в это никак не перекликалось с внешнеполитической линией США.

Иран также с течением времени вел себя более взвешенно и все чаще договаривался не с местными близкими по идеологии «царьками», а с центральной властью. Этого не могли не оценить в Кабуле.

Новое понимание двусторонних отношений совпало с приходом к власти в Иране в июне 2005 г. нового президента Махмуда Ахмадинежада. Начался новый качественный этап сотрудничества. В политическом плане Афганистан и Иран сделали едва ли не больше за несколько месяцев 2005 г., чем за три предыдущих года.

Уже 28 июля 2005 г. две страны решили подписать соглашение о долгосрочном развитии сотрудничества. Ранее такие соглашения Афганистан, по сообщению IRNA, подписал с Соединенными Штатами и Великобританией. Отношение двух последних стран к ИРИ известно, поэтому факт сближения Афганистана с США и Великобританией, с одной стороны, и с Ираном, – с другой, говорит о независимости внешнеполитического курса Карзая. Еще ранее, к неудовольствию Запада, официальный Кабул поздравил Ахмадинежада с победой на выборах⁴².

Во вторник 12 октября 2005 г. в Кабуле Президент Афганистана Хамид Карзай встретился с заместителем министра иностранных дел ИРИ по Азиатско-тихоокеанскому региону Мехди Сафари. «Прогресс и развитие Исламской Республики Иран – гордость для народа и правительства Афганистана», – заявил Карзай. «Высокий уровень отношений с Тегераном был важной

частью и предметом гордости нашей политики в последние три с половиной года», – заявил он⁴³. Президент Афганистана отметил давние связи двух стран и конструктивную роль Исламской Республики Иран в укреплении стабильности, безопасности в Афганистане и восстановлении этой страны.

Если в первые годы после ввода американских войск в страну Иран сохранял настороженность и недоверие к своему восточному соседу и отношения развивались в силу давно сложившихся исторических связей, то с течением времени элита этой страны пришла к выводу о необходимости более тесной интеграции. С приходом к власти Ахмадинежада эти сдвиги во внешнеполитической ориентации были оформлены окончательно. В настоящее время стратегическая цель Тегерана в отношении Афганистана – долгосрочное и всестороннее развитие отношений, еще большее сближение и сотрудничество в той мере, в которой это возможно при нахождении в стране американских войск.

Производство наркотиков – еще одна важная проблема, стоящая на повестке дня двух государств. После начала контртеррористической операции в Афганистане эта страна вышла на первое место по производству наркотиков опийной группы, в первую очередь, героина. В 2001 г. выпуск составил 185 т, а в 2002 г. уже 1,9–2,7 тыс. т, в 2003 г. – более 7 тыс. т (87% мирового потребления и почти 100% потребления в Европе), в 2004 г. – 12 тыс. т, планируемый объем в этом году – более 15 тыс. т (данные United Nations Drug Control Programme и the U.S. Drug Enforcement Administration).

По словам представителя Управления ООН по борьбе с наркотиками и организованной преступностью Бернарда Фрейхи, Иран находится на переднем фронте борьбы с наркотиками. За 26 лет потери иранской полиции в борьбе с незаконным оборотом наркотиков составили 3,6 тыс. чел. убитыми и 11 тыс. ранеными⁴⁴. Такие большие потери связаны с тем, что Иран, фактически является транзитной территорией для экспорта героина, произведенного в Афганистане. Эти наркотики контрабандным путем попадают в Иран, арабские страны Аравийского полуострова и на Балканы, а затем транзитными маршрутами доставляются в Европу и другие страны мира.

По некоторым данным, даже брат афганского президента Абдул Каюм Карзай имеет отношение к контрабанде наркотиков. В условиях ограниченных возможностей центральной вла-

сти на большей части территории Афганистана, а также в связи с тем, что около полутора миллионов афганцев так или иначе связаны с производством наркотиков, ИРИ приходится надеяться на собственные силы. Сотрудничество с Кабулом в этом вопросе не приносит Тегерану пользы.

¹ Такое название стране дали афганские талибы. – прим. авт.

² Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин-т Востоковедения РАН. Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока.; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М., 2002. – С. 162.

³ Peter Marsden. War and Religion in Afghanistan / Peter Marsden. – London – New York: Zed Books Ltd, 2001.–176 с.–С. 155–160.

⁴ См.: Развитие ирано-афганских связей // Кейхан. – 1999. – 2 декабря.

⁵ Афганистан на переходном этапе... С. 162–170.

⁶ Развитие ирано-афганских связей // Кейхан. – 1999. – 2 декабря.

⁷ Афганистан на переходном этапе... С. 162–166.

⁸ Афганистан на переходном этапе... С. 160–170.

⁹ Цит. по: The Washington Post. – 2000. – 18 марта.

¹⁰ Цит. по: The Washington Post. – 2000. – 18 марта.

¹¹ См.: Политов Ю. «Если бы я был россиянином, я спросил бы тебя, почему мои соседи боятся меня». / Политов Ю.// Известия. – 2005. – 21 марта.

¹² Независимая газета. – 2001. – 16 марта.

¹³ Афганистан на переходном этапе... С. 160–170.

¹⁴ Там же, с. 160–170.

¹⁵ Известия. – 2001. – 15 сентября.

¹⁶ Афганистан и сопредельные страны: Сборник научных статей / Российская академия естественных наук. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.; Отв. ред. Арунова М.Р. – М., 2003. – С. 11.

¹⁷ Афганистан на переходном этапе... С. 160–170.

¹⁸ Кейхан. – 2001. – 8 октября.

¹⁹ Кейхан. – 2001. – 8 октября.

²⁰ Известия. – 2001. – 19 октября.

²¹ Афганистан на переходном этапе... С. 160–170.

²² Сикоев Р.Р. Талибы. Религиозно-политический портрет / Р.Р. Сикоев. – М.: Крафт+, 2004. – 256 с. – С. 65–70.

²³ Rashid Ahmed. Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia / Ahmed Rashid. – London.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2000, 2003. – 368 с. – С. 281.

²⁴ Agence France Presse (AFP)/ Iran says Taliban threat to the region – 1998. – 14 августа.

²⁵ Rashid Ahmed. Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia / Ahmed Rashid. – London.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2000, 2003. – 368 с. – С. 270–280.

²⁶ См.: www.bbc.co.uk

²⁷ Там же.

²⁸ Speech by Joschka Fischer, Minister for Foreign Affairs of the Federal Republic of Germany, Opening the UN-Talks on Afghanistan at Bonn (Petersberg). 27 ноября 2001 г.

²⁹ Исламская Республика Иран. – Прим. авт.

³⁰ Подробнее о помощи сопредельных государств афганским моджахедам во времена присутствия Ограниченного контингента советских войск в Афганистане см. гл. 1.2. – Прим. авт.

³¹ www.ap.org

³² www.reuters.com

³³ www.cnn.com

³⁴ В это связи нелишне будет напомнить, что охрана нового афганского президента Хамида Карзая состояла из сотрудников американских секретных служб. – Прим. авт.

³⁵ В данном случае под термином «афганский» подразумевается «пуштунский», как это было до середины XX века. – Прим. авт.

³⁶ Это произошло в сентябре 1995 г. – Прим. авт.

³⁷ www.bbc.co.uk/pashto/index.shtml. (На языке пушту). 21 сентября 2004 г.

³⁸ Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-Establishment of Permanent Government Institutions, Bonn, 27 ноября – 5 декабря 2001, The International Conference on Reconstruction Assistance to Afghanistan (Outline and Evaluation), Tokyo, 21–22 января 2002.

³⁹ См.: www.afghanistan.ru

⁴⁰ См.: там же.

⁴¹ Т.е. поддержка таджиков и шиитов – хазарейцев в ущерб пуштунам. – Прим. авт.

⁴² См.: www.iran.ru

⁴³ Цит. по: www.irna.ir

⁴⁴ См.: www.irna.ir

О ВЛИЯНИИ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ
НА БУДУЩЕЕ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

24 ноября в Вене состоялось повторное заседание Совета Управляющих МАГАТЭ по «иранскому ядерному досье». В противовес решению сентябрьской сессии МАГАТЭ, Агентство рекомендовало пока воздержаться от передачи вопроса о дальнейшей судьбе иранской ядерной программы в СБ ООН. Более того, исходя из отчета генерального директора М.Барадеи о нынешнем состоянии прозрачности ядерной программы ИРИ, Совет управляющих поддержал решение Тегерана о возобновлении конверсии урана на предприятии UCF в Натанзе. Напомним, что именно возобновление эксплуатации данного завода в августе 2005 г. стало формальным поводом для разрыва ирано-европейских переговоров по ядерной проблематике.

Теперь для Ирана установлена новая красная линия – запрет на обогащение урана на иранской территории, однако власти исламской республики пока не готовы удовлетворить эти требования, поскольку они противоречат основной цели, провозглашенной Тегераном, – созданию полного ядерного топливного цикла (ЯТЦ) на территории страны. Многие западные аналитики полагают, что новой целью иранской дипломатии станет превращение процедуры обогащения урана в *fait accompli*, точно так же, как это было сделано в случае с конверсией урана.

Если же такая стратегия увенчается успехом, создание полного ЯТЦ в Иране обретет реальные формы. Соответственно, символом ближайшего десятилетия на Ближнем Востоке станет так называемое квазираспространение, то есть создание ядерной инфраструктуры на территории государства без обладания им ядерным оружием. Впрочем, как показывает исторический опыт, нередко мирная ядерная инфраструктура

становится основой для разработки военного ядерного потенциала. Достаточно успешными примерами такой модели стали Индия и Пакистан, которые в течение всего периода развития собственных военных ядерных программ заявляли о сугубо мирном характере своих ядерных энергетик. Причем стоит отметить, что иранское квазираспространение даже без создания собственного ядерного оружия способно спровоцировать целый ряд последствий, роковых для режима ядерного нераспространения как такового. Прежде всего, это цепная реакция в государствах региона.

В принципе, сейчас на Ближнем Востоке существует лишь одно ядерное государство. Это Израиль. По оценкам специалистов, Тель-Авив владеет 172–200 ядерными боеголовками, кроме того, имеет в распоряжении развитые ракетные и авиационные средства доставки. Его структура базируется на классической триаде, причем морская компонента представлена тремя подводными лодками с крылатыми ракетами. В стране также действует эффективная система ПРО, разработанная самостоятельно. Имеются все основания утверждать, что Израиль представляет собой государство с такими вооруженными силами, которые в условиях острого кризиса способны осуществлять не только многоуровневое сдерживание, но и оборону. Впрочем, основой политики Израиля является «ядерная неопределенность», главный девиз которой: «Израиль никогда не принесет первым ядерное оружие на Ближний Восток»¹.

Сущность этой политики в том, что Израиль никогда не заявлял о наличии ядерного оружия, в то же время никогда не опровергал этот факт. Сегодня же развитие ядерной программы Ирана в качестве нового элемента безопасности в регионе, может повлиять на ядерную доктрину Израиля, приведя ее в соответствие с подобными доктринами официальных ядерных государств с тем лишь отличием, что израильская доктрина, учитывая специфику государства, будет основана на тактике упреждающего ядерного удара. А это, как можно предположить, вполне способно спровоцировать со стороны арабских стран принятие соответствующих симметричных мер. Следствием станет, как отмечалось, некая цепная реакция, которая в будущем генерирует появление новых ядерных государств. Сейчас наибольшую озабоченность в этом смысле вызывают Саудовская Аравия и Египет.

Согласно информации, предоставленной в 1994 г. перебежчиком из Саудовской Аравии, в 1994 г. в стране с помощью КНР и Ирака осуществлялась секретная программа создания ядерного оружия. Если принять во внимание тот факт, что Саудовскую Аравию считают одним из главных источников финансирования военной ядерной программы Пакистана, а «отец» пакистанской ядерной бомбы Абдул Кадыр Хан неоднократно встречался с саудовскими представителями, вполне можно допустить, что заявление перебежчика имело смысл. В принципе, сегодня Эр-Рияд не имеет достаточного опыта и технологий для создания собственного ядерного оружия. Однако стоит отметить, что саудовские специалисты принимали участие во многих экспериментах с ураном в рамках соответствующих международных проектов с Пакистаном, Европой и Африкой. Кроме того, Саудовская Аравия в своих недрах имеет определенный запас урановой руды, а также обладает некоторыми производственными средствами для осуществления работ с разнообразными видами изотопов. Если прибавить к этому два научно-исследовательских центра атомной энергии, где заняты высококвалифицированные специалисты, а также развитую химическую промышленность, то перспективы ядерного будущего для Саудовской Аравии представляются не столь уж и фантастическими. Что же касается конкретных фактов, которые могли бы подтвердить стремление Эр-Рияда к укреплению своей обороноспособности путем реализации программы ОМП, то единственным подтвержденным случаем заграничной помощи стало приобретение в 1988 г. у Китая баллистических ракет средней дальности CSS-2/Дунфан 3, которые чаще всего используются как носители для ядерных боеголовок. Дальность этих ракет дает возможность поражать такие цели, как, например, Тель-Авив или Нью-Дели. Эр-Риядом, однако, утверждалось, что эти ракеты никогда не будут использованы для ядерных ударов, впрочем решение о приобретении ракет, которые обладают общими характеристиками, значительно превышающими характеристики обычных вооружений, вызывало определенные подозрения по поводу ядерных намерений королевства.

Следующая информация относительно возможных ядерных амбиций Саудовской Аравии появилась уже в новом тысячелетии. По неподтвержденной информации журнала «Defence and Foreign Affairs», которую решительно опровергли саудов-

ские высокопоставленные лица, во время государственного визита в Пакистан осенью 2003 г. руководство государства заключило с этой страной секретное соглашение – «нефть в обмен на оружие», условием которой является снабжение Эр-Рияда новым поколением CSS-2, оснащенных ядерными боеголовками с радиусом действия 4000–5000 км.

Кроме того, в сентябре 2003 г. газета «Guardian» опубликовала статью, утверждающую, что некоторое время тому назад Саудовская Аравия начала пересмотр своей оборонной стратегии в связи с намерениями укрепить национальную безопасность путем ядерного оружия. Статья приводит три возможных сценария действий, которые могла бы реализовать Саудовская Аравия:

- получить средства ядерного сдерживания;
- войти в альянс с одним из нынешних ядерных государств, которое бы могло гарантировать государству защиту под «ядерным зонтиком»;
- создать на Ближнем Востоке зону, свободную от ядерного оружия.

Считается, что новые поиски укрепления безопасности были вызваны последствиями терактов 11 сентября и, как следствие, заметным ухудшением американо-саудовских отношений. Вместе с тем, можно ожидать, что региональные вызовы безопасности, а именно: появление ядерного оружия у Ирана и отказ Израиля от политики «ядерной неопределенности» может перевести оборонную доктрину Саудовской Аравии из плоскости политических сплетен и размышлений в сферу практической реальности².

В отличие от Саудовской Аравии, Египет обладает значительно большей материально-технической базой для создания ядерного оружия, однако его нынешней инфраструктуры недостаточно для создания собственного ЯТЦ. В частности, на территории страны функционируют два ядерных реактора – один, легководный, построенный еще СССР в 1961 г., другой – исследовательский, поставленный Аргентиной в 1998 г., а также исследовательская лаборатория, созданная канадскими специалистами³. Все объекты Египта находятся под гарантиями МАГАТЭ. Однако оценка возможностей и намерений страны в связи с новыми региональными вызовами безопасности создает определенную обеспокоенность.

Прежде всего, можно отметить, что отношения АРЕ с ИРИ и особенно с Израилем являются достаточно напряженными, и получение полного ЯТЦ Ираном, даже без обладания ядерным оружием, способно оказать влияние на египетский безъядерный выбор. Относительно Израиля существует еще большая вероятность того, что изменение в политике «ядерной неопределенности» в сторону демонстрации ее военных возможностей выступит катализатором новых решений для Египта. Так, известно, что в 1995 г. на конференции ДНЯО Каир призывал к отказу от поддержки бессрочного продления Договора в случае, если к нему не присоединится Израиль. В целом, Египет является лидером инициативы относительно создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке, впрочем, если в регионе появятся два ядерных государства, эти планы будут окончательно разрушены, что может спровоцировать Египет к новым поискам укрепления собственной безопасности. В октябре 1998 г. президент Египта Х.Мубарак отмечал: «Если наступит время, когда нам понадобится ядерное оружие, мы без колебаний примем такое решение...»⁴

Сейчас Египет обладает химическим и биологическим оружием, невзирая на существование международных режимов, которые запрещают такое оружие. Относительно потенциальных ядерных возможностей государства не следует забывать, что в свое время А.К.Хан предлагал Каиру сотрудничество по снабжению ядерными технологиями и сырьем (со слов Хана, Каир тогда не проявил заинтересованности, впрочем свидетельством являются лишь слова самого Хана)⁵. Кроме того, известно, что в случае насущной потребности, которая возникает в условиях наличия соответствующего противника, государство со средним научно-техническим потенциалом способно создать собственное ядерное оружие, примером чему стал Пакистан.

Еще одним последствием развития ядерной программы Ирана, уже скорее не регионального, а глобального характера, могут стать изменения в военной политике США. Речь идет о повышении убедительности американского ядерного сдерживания в регионе, что может быть достигнуто за счет введения военными в эксплуатацию ядерного оружия низкой мощности, так называемых мини-нюкс. Сравнительно низкая мощность этого оружия (относительно стандартного ядерного оружия) соответственно увеличит возможность его применения, таким

образом вынудив ближневосточных лидеров внимательнее относиться к своим действиям в регионе, особенно это касается процессов распространения. Такой позиции придерживаются несколько довольно влиятельных американских политологов (К.Пейн, Дж.Заборски). Обратной стороной медали может стать общее понижение порога применения ядерного оружия, что в перспективе чревато катастрофическими последствиями для глобальной международной безопасности.

Впрочем, существует и иной, более оптимистичный сценарий развития событий в регионе. В случае, если Иран удастся удержать от его ядерных амбиций или же страна разработает собственный ЯТЦ, договорившись с международным сообществом о гарантиях соблюдения мирного выбора (это касается, в первую очередь, Израиля), все еще существует вариант создания в регионе безъядерной зоны. Сегодня все страны поддерживают эту идею, хотя арабские государства и Израиль расходятся в своих взглядах по поводу условий ее создания. Последний считает, что такая зона может быть сформирована только после урегулирования всех вопросов безопасности каждого из стран-участников, что включает подписание Израилем мирных договоров со всеми арабскими странами, а также общего Договора о ненападении и контроле вооружений. Арабы согласны пойти на компромисс только после официального отказа Израиля от его ядерного оружия и окончательного ближневосточного урегулирования. Эта ситуация сохраняется и по сегодняшний день, хотя в регионе и функционирует специальная группа по контролю за вооружением и региональной безопасности.

Таким образом, анализируя возможные последствия развития ядерной программы Ирана даже в том виде, на котором настаивает иранское руководство (создание полного ЯТЦ без ядерного оружия) следует отметить, что сейчас наихудший сценарий, а именно тотальное распространение ядерного оружия, представляется наиболее достоверным, причем именно сегодня регион переживает период, способный стать решающим для его будущего. И здесь стоит подчеркнуть, что судьба избранного пути будет зависеть как от грамотного решения по «иранскому ядерному досье» международным сообществом, так и от собственной позиции ближневосточных акторов, особенно арабских стран, которые сейчас демонстрируют пассивность в решении этой проблемы. Кроме того, возможность перехода к созданию безъядерной зоны может реализоваться

лишь при условии установления позитивной динамики в урегулировании арабо-израильского конфликта и перехода к взаимному диалогу.

¹ Сиринсионе Д., Уолфстол Д., Раджкумар М. Израиль // Ядерное распространение. – 2003. – № 47.

² Макафей Ч., Фельдман Я. Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? // Ядерный контроль. – 2004. – № 4, т. 10. – С. 43–58.

³ Тимербаев Р. Ближний Восток и атомная проблема // Ядерный контроль. – 2003. – № 3, Т. 9. – С. 15–45.

⁴ McInnis K. Extended Deterrence: The US Credibility Gap in the Middle East// Washington Quarterly. – 2005. – № 3, Vol. 28. – P. 169–187.

⁵ Albright D., Hinderstein C. Unraveling the A.Q. Khan and Future Proliferation networks // Washington Quarterly. – 2005. – № 2, Vol. 28. – P. 111–129.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.М.Вартанян

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ИРАНА В 1950–2005 гг.

Начавшееся после второй мировой войны поступательное социально-экономическое развитие Ирана привело к образованию на Ближнем и Среднем Востоке достаточно сильного и продвинутого государства с высокотехнологичным индустриально-промышленным сектором, развитым АПК и неплохими показателями в социальной сфере. Целью данной работы является анализ динамики этого развития в период с 1950 по 2005 гг. и прогнозирование перспектив реализации зафиксированных в принятой на саммите ООН в 2000 г. Декларации тысячелетия т.н. Целей развития тысячелетия (ЦРТ).

Одним из основных показателей социально-экономического прогресса Ирана в указанный период стал рост ВВП на душу населения: в 1960 г. он составлял 900 млн. долл., в 1980 г. – 1,37 млрд., в 2000 г. – 1,58 млрд. Средний прирост ВВП на душу населения в период с 1965 по 2000 гг. составил 4,4%. В настоящее время иранская экономика продолжает расти еще более высокими темпами: прирост ВВП в 2003–2005 гг. составлял в среднем ежегодно 6,7–7% в год, прогноз на 2006 г. – 7,4%. Пропорционально росту ВВП происходило и динамичное увеличение численности населения страны. Если в 1950 г. оно составляло около 17 млн. чел., то в 1975 г. – более 33 млн. В период с 1975 по 2003 г. население Ирана выросло ровно в двое и достигло 66 млн. чел. Позитивная динамика активного прироста иранского населения, когда рождаемость значительно превышает смертность, продолжится и в последующие годы (прогноз на 2006 г. – около 70 млн. чел.). Характерной особенностью данного показателя для Ирана является возрастной состав: более 70% населения представляет молодежь в возрасте до 30 лет. Это означает, что доля экономически активного населения ИРИ является одной из самых высоких в регионе, что создает благоприятные предпосылки для дальнейшего экономического развития.

Важным индикатором успешного социально-экономического развития Ирана является последовательный рост продолжительности жизни, как среди мужчин, так и среди женщин. Если в период 1950–1955 гг. этот показатель составлял в среднем 45 лет у представителей обоих полов, то в 2000–2005 гг. продолжительность жизни в Иране достигла 69 лет у мужчин и 72 лет у женщин, что является в целом хорошим показателем для Азиатского континента.

Следует отметить, что за последние 60 лет происходило качественное улучшение других социальных индикаторов. Уровень детской смертности сократился более чем в два раза: в 1950 г. он составлял 48 случаев на 1000 чел., в 1975 г. – 42 случая, а в 2000 г. – 22. Улучшились показатели смертности при родах: этот индекс сократился с 48 случаев на 1 тыс. новорожденных в 1955 г. до 22 случаев в 2000 г. Уровень грамотности в Иране за последние 40 лет вырос значительно: в период с 1960 по 2000 гг. среди мужского населения этот показатель вырос с 23% до 82%, а среди женского еще более существенно – с 8% до 69%.

В то же время индекс потребительских цен в стране вырос в период 1950–2004 гг. более чем в 400 раз: с 0,42 до 274,46.

Тем не менее, анализ основных макроэкономических показателей и индексов социального развития Исламской Республики Иран за последние 50 лет демонстрирует в целом достаточно оптимистическую картину в контексте реализации Ираном ЦРТ.

Согласно проведенным в ООН подсчетам, Иран входит в число 20 лидеров Азиатского континента по степени прогресса, достигнутого на пути реализации ЦРТ (за основу исследования было взято 48 индикаторов, рассчитываемых по 13-бальной шкале для каждой из стран). Согласно статистике, наибольших успехов Иран добился в реализации отдельных положений двух целей тысячелетия: 1. достижение всеобщего начального образования (индикатор № 8 – уровень грамотности среди населения в возрасте от 15 до 24 лет – 13 баллов); 2. содействие гендерному равенству и укрепление прав женщин (индикатор № 10 – пропорциональный уровень грамотности мужчин и женщин в возрасте от 15 до 24 лет – 13 баллов). Кроме того, довольно высоко были оценены усилия Ирана в реализации отдельных пунктов двух других важнейших задач Декларации тысячелетия: содействие экологической устойчивости (индика-

тор № 28-2 – ликвидация вредных газов, воздействующих на озоновый слой – 12 баллов), развитие глобального партнерства во имя развития (задача – создание условий при сотрудничестве с частным сектором для получения выгод от новых технологий, особенно ИКТ; индикатор № 47 – количество пользователей мобильными и стационарными телефонами на 100 человек – 12 баллов).

Наряду с этим, неплохие результаты (10–11 баллов) Иран имеет по ряду других показателей ЦРТ. В их числе – укрепление экологической стабильности, использование энергии пропорционально ВВП на душу населения, обслуживание внешнего долга и его доля в экспорте товаров и услуг.

Наиболее низкие показатели Иран демонстрирует в социальной сфере, особенно в таких областях, как уровень доходов на душу населения, разрыв в уровне доходов между различными группами населения, процентный показатель населения, находящегося за чертой бедности, а также по ряду медицинских показателей (квалифицированный медперсонал, распространение ВИЧ-инфекции, профилактические меры), в том числе в достижении одной из задач ЦРТ – избавлении к 2015 г. от малярии и других глобальных инфекционных заболеваний. Следует отметить, что по вышеперечисленным позициям Иран стоит в числе аутсайдеров и навряд ли может рассчитывать на скорое достижение поставленных задач.

ПАКИСТАН

В.Я.Белокреницкий

ПАКИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА

Политический режим в Пакистане принадлежит к числу военно-бюрократических и авторитарно-демократических. Первая характеристика относится к носителям власти, армии, т.е. генералитету, и высшей гражданской бюрократии. Вторая – к способам и формам ее осуществления. Авторитарность правления заключена в главенствующей роли президента, которым после государственного переворота 1999 г., на протяжении уже шести лет, является начальник штаба армии, обладатель высшей военной власти генерал Первез Мушарраф. Демократизм состоит в относительно либеральных порядках, установленных для общества. А именно: свободе прессы и других средств массовой информации, включая Интернет, почти полной независимости судебной системы, (почти, потому что имели место случаи политических приговоров, и один из лидеров оппозиции режиму, Джавед Хашми, осужден судом на 23 года тюрьмы за клевету на армию)¹, наконец, в проведении всеобщих выборов в парламент и наличии независимо действующей, в соответствии с конституцией 1973 г., законодательной и исполнительной власти.

Режим отличается значительная степень преемственности. По сути, все правящие в Пакистане политические режимы характеризовались этим «брендом»: смесью авторитаризма и демократии, сочетанием верховной власти высшей военной и гражданской бюрократии с усеченным конституционным либерализмом. После гибели в 1988 г. Зия уль-Хака, военного правителя, насаждавшего диктаторским путем исламские порядки, в стране в течение 11 лет господствовала по форме или номинально демократическая система правления; армию и бюрократию во многом заменили политики. Однако попытка премьер-министра Наваза Шарифа полностью вытеснить армию на обочину политической жизни спровоцировала переворот.

Нужно подчеркнуть, что попытка была предпринята в неблагоприятный момент. Период господства номинальной и дефектной демократии был одним из самых тяжелых в истории Пакистана. Выпущенные Зия уль-Хаком на свободу джинны межрелигиозной и межсектантской розни стали вершить свое разрушительное дело именно в 90-е годы, особенно в 1992, 1995 и 1998 гг. В течение всего послезияульхаковского периода, несмотря на либеральную экономическую политику, а частично и из-за нее, точнее вследствие отягощенности этой политики грузом бюрократизма, разгулом коррупции и произвола, экономическое развитие страны замедлилось (экономика к тому же страдала от воздействия жестокой засухи). Пакистан оказался на последнем по темпам роста месте среди государств Южной Азии. Экономический спад, непоследовательность во внутренней и внешней политики были причинами общественного кризиса, которыми сумели эффективно воспользоваться военные, вновь пришедшие к власти под лозунгом наведения порядка и спасения отечества.

В течение первых двух лет они в основном наводили порядок. С 2002 г. наметился экономический подъем, который привел к росту ВВП в 2004 г. на 6, а в 2005 г. на 8%.

Поддержав США в войне против талибов в 2001 г., Пакистан вернулся на привычное место «самого союзного из союзных» для Вашингтона государств. После отпущения грехов и прощения долгов США пообещали Исламабаду военно-экономическую помощь в размере свыше 3 млрд. долл. на 5 лет, начиная с 2005 г. Поощряя Пакистан за участие в борьбе с международным терроризмом, США проводят совместные с ним акции по поимке лидеров и функционеров «Аль-Каиды».

Внешняя поддержка и улучшение экономического климата позволили военным пойти на меры по демократизации и одновременной легализации режима - в октябре 2002 г. проведены выборы в парламент, в начале 2004 г. федеральное и провинциальные собрания согласились одобрить результаты проведенного в апреле 2002 г. референдума, в соответствии с которым генерал Мушарраф в течение 5 лет остается на посту президента. Впоследствии он отказался от обещания снять с себя военный мундир и сохранил высший военный пост.

Сегодня режим кажется прочным как никогда. Правящими кругами планируется переизбрание Мушаррафа президентом на новый пятилетний срок весной 2007 г. Оно будет осуществ-

лено в соответствии с конституцией голосами нынешних парламентариев, федеральных и провинциальных. В том же году осенью должны состояться новые выборы. Видимо, в зависимости от того, какими окажутся их результаты, будет решаться вопрос о сохранении или не сохранении Мушаррафом высшей военной должности. Таким образом, все расписано на ближайшие 2–7 лет.

Тем не менее, у правящего режима есть внутренние слабости, он может столкнуться с рядом серьезных проблем и вызовов, и перспективы его туманны.

К слабостям режима надо отнести такие факторы, как

а) обострение межпровинциальных, межрегиональных противоречий, рост национально-сепаратистских настроений;

б) сохранение и усиление антисистемной исламистской оппозиции;

в) рост отчуждения от власти интеллигенции и либеральных общественно-политических кругов.

Наиболее подробно хотелось бы остановиться на первом факторе, потому что он связан с главным вызовом, который возникает перед Пакистаном, перед его экономикой, которая остается аграрной в своей основе. Вызов этот состоит в истощении источников воды для орошения.

Пакистан располагает самым крупным в мире сплошным ареалом орошаемого земледелия; к поливному относится более 80 % земледелия страны. Количество поливной воды в расчете на душу населения сократилось с 5 тыс. куб м. в 1947 г. до 1,2 тыс. в 2005 г. и рискует опуститься ниже критического порога в тыс. куб. в 2007 г. Нужно при этом иметь в виду, что население за период самостоятельного существования страны выросло более чем в четыре раза, с 36 до 152 млн. чел. Основной водный источник, помимо подземных резервуаров, которые также истощаются в результате их интенсивного использования, это вода р. Инд и двух из пяти его восточных притоков, самых западных, рек Джелама и Чинаба. Как Инд, так и обе эти реки протекают через спорную территорию Кашмира.

Региональный аспект этой проблемы заключается в том, что, если Индия построит несколько плотин на р. Чинаб в своем штате Джамму и Кашмир, то Пакистан лишится необходимого ему объема воды. Внутренний аспект состоит в том, что сокращение воды ощутит, прежде всего, провинция Синд, расположенная в нижнем течении Инда, так как крупнейшая и в по-

литическом плане доминирующая провинция Панджаб снабжается водой из Инда и Джелама. Синд и сегодня считает себя обделенным, его самые южные районы подвержены затоплению морской водой, в устье Инда происходит заиливание, а вверх по течению засоление и заболачивание. Для сельского Синда это вопрос выживания. Не случайно, именно там и в соседнем Белуджистане наиболее распространено глухое недовольство образованного класса и ожесточение масс.

Ситуация в Белуджистане, самой обширной (40% национальной площади) и самой мало и редко населенной провинции (8 млн. чел., 5% жителей) остается крайне острой. Волнения охватили район расселения белуджских племен, прежде всего бугти и марри. В 2005 г. в провинции произошло около 500 диверсионно-террористических актов (взрывов бомб и ракет). В декабре 2005 г. обстреляли ракетами кортеж посетившего провинцию президента Мушаррафа².

Можно утверждать, что в перспективе стране угрожает раскол на север и юг, точнее северо-восток и юго-запад (на Синд, южный Панджаб и Белуджистан к западу от 70 градуса с.д. и на северный Панджаб и СЗПП; возможен и другой вариант, при котором СЗПП также переходит в оппозицию северо-центральному Панджабу). С социально-экологической точки зрения, это будет раскол между ареалом городской и достаточно развитой земледельческой культуры, с одной стороны, и зоной малопродуктивного хиреющего земледелия с элементами полукочевового скотоводства, с другой. Чтобы избежать социально-экологической катастрофы и национального раскола, необходимо не допустить нехватку воды для полива. Такую задачу можно было бы решить путем увеличения забора воды из Чинаба. Но в его стоке заинтересована и Индия, где из-за дефицита воды в последнее время обострились отношения между штатами Панджаб и Хариана (в Индии, кстати, также близки к критическим показатели объемов поливной воды на душу населения). Спор из-за воды способен усложнить урегулирование Кашмирской проблемы. А решить его можно, очевидно, лишь путем согласованных действий как Индии и Пакистана, так и мирового сообщества.

Следует напомнить, что в 1960 г. удалось заключить при посредстве МБРР (Всемирного банка) Договор о развитии бассейна Инда. Договор стал редким примером успешного взаимодействия в региональном и глобальном масштабе. Именно он и

позволил Пакистану развиваться с опорой на поливное земледелие. Ныне этот договор под угрозой, ибо воды не хватает на обе страны, население которых выросло с 1960 г. в 3–3,5 раза. Индия планирует построить две плотины (в том числе крупный гидроэнергетический комплекс Баглихар) на Чинабе в штате Джамму и Кашмир. Пакистан вступил с ней в переговоры и обращается в международные юридические органы с просьбой не допустить строительства.

Другой путь, который имеется у Пакистана, – это сооружение мощной плотины Калабагх в среднем течении Инда. Против ее сооружения возражает Синд, лидеры которого опасаются, что плотина, оросив поля в Панджабе, ничего не оставит Синду. Сомнения вызывает этот проект и в СЗПП, но все понимают, что откладывать решение вопроса до бесконечности нельзя, а он стоит в повестке дня с 80-х годов. Помимо задачи увеличения объемов воды для целей ирригации, преследуются, вероятно, и частные цели. Утверждается, что планируемое одновременно с Калабагхом сооружение отводных каналов в двуречье Инда и Джелама позволит оросить большие площади земли, уже якобы распределенные и по льготной цене раскупленные представителями военной и бюрократической верхушки, в том числе и генералом-президентом³. Как бы то ни было, но в конце 2005 г. Мушарраф проявил заметную активность в продвижении плана строительства Калабага. Он попытался получить согласие на него вдуших политических сил и политиков провинциального уровня. Хотя им развернута кампания широких консультаций, оппозиция Калабагу сохранилась, охватывая, прежде всего, политические круги, представляющие сельский Синд.

Переходя ко второму фактору слабости режима, надо подчеркнуть, что исламистская оппозиция состоит, с одной стороны, из легально действующих и участвующих в парламентской борьбе политических сил, а с другой, из подпольно функционирующих радикальных, экстремистских групп. При этом личная и групповая взаимосвязь двух этих пластов, которые можно назвать системной и антисистемной оппозицией режиму, хотя и не обязательно тесна, но в большинстве случаев прослеживается. Она коренится в общих представлениях о роли религии и религиозной идеологии, в общих учителях и духовных наставниках, в общих идеалах и ожиданиях. Качественным различием является вопрос об актуальности того или иного

способа достижения целей установления подлинного исламского правления, т.е. акценте на мирный, парламентский путь у одних, и практике активных революционных действий у других.

После внушительной победы одержанной «легальными исламистами» на парламентских выборах 2002 г. военным властям пришлось пойти на предоставление им возможности сформировать правительство в одной из четырех провинций – Северо-Западной пограничной и на участие в работе правительства Белуджистана, где они составляют коалицию с правящей пропрезидентской Пакистанской Мусульманской лигой им. Каид-и-Азама ПМЛ(К) Деятельность кабинета министров СЗПП, состоящего из представителей блока «Муттахида маджлис-е амаль» (ММА, Объединенный фронт действий) – пример самого длительного в истории страны пребывания у власти в одной из провинций кабинета, состоящего из членов партии, не являющейся правящей на федеральном уровне. Возглавляющий его главный министр А.Дуррани следует достаточно прагматичной и умеренной политической линии. Принятые им меры по исламизации имели в основном косметический характер, что, вкупе с акцентом на развитие и поощрение малого бизнеса, объясняет его популярность. Кабинет Дуррани сумел избежать конфликта с центральным правительством и военным руководством. Результаты деятельности правительства исламистов могут рассматриваться и как пример удачной кооптации легальных, умеренных исламистов в русло политики «просвещенной умеренности», провозглашенной президентом Мушаррафом, и как показатель силы исламистов, которые удержались у власти и смогли, вероятно, создать условия для укрепления как своих позиций, так и, прямо или косвенно, позиций радикальных групп и кругов.

Следует добавить, что влияние исламистов на северо-западе страны распространяется главным образом на районы, населенные пуштунами, и они (эти районы) образуют сплошной пояс вдоль границ с Афганистаном, с теми его территориями, где проживают родственные или идентичные племенные сообщества.

Успехи исламистов на парламентском поприще не ограничиваются провинциальным уровнем. С весны 2004 г. лидером оппозиции в нижней палате Национального собрания является генеральный секретарь ММА Фазлур Рахман. Согласно процедуре работы собрания это назначение сделал спикер, между тем как

наиболее крупную силу оппозиции составляют не они, а объединенные светские партии – Альянс за реставрацию демократии.

Двойственность положения, которое занимают при нынешнем политическом режиме исламисты, позволяет как им, так и властям сотрудничать в одних вопросах и жестко критиковать друг друга, выступая с разных позиций, по другим. Укрепление легального исламизма может иметь, в принципе, два последствия – позитивное, если пребывание их у власти приведет к росту умеренности и просвещенности в их кругах и в их действиях, и негативное, если оно будет способствовать усилению влияния радикалов, экстремистов и диверсантов-террористов. Именно в последнем случае особенно возрастет слабость режима, и присущая ему симбиозность не спасет от появления мощной и разношерстной оппозиции, способной дестабилизировать систему власти и ситуацию в стране⁴.

Третий из отмеченных выше факторов – растущее отчуждение интеллигенции и либеральных общественных кругов – конкретизировать достаточно сложно. Однако это отчуждение традиционно для пакистанской действительности. Такое положение вполне сложилось еще в 60-х годах при либеральном военном правителе М.Айюб Хане. Считается, что с тех пор Пакистаном управляет некая и невидимая, но сплоченная и связанная общим стилем поведения элита, которую чаще всего в литературе называют «истеблишмент»⁵. Состоит она из военных и гражданских бюрократов как действующих, так и отставников, по происхождению своему в основном крупных землевладельцев или (реже) торговцев и промышленников. Членам истеблишмента присущи умеренность в проявлении религиозных чувств, прагматизм и взвешенность во взглядах на политические проблемы. Такой консервативно-либеральный коктейль включает порядка 0,5–1 тыс. чел. В него могут входить люди, формально далекие от власти, а иногда не входят те, кто ею в полной мере облечен (даже премьер-министры). Большую роль при определении того, кто входит, а кто не входит в правящий политический класс, играет фактор происхождения не только социального, о чем уже говорилось, но и регионального. Так, в нынешнем истеблишменте традиционно мало представителей сельского Синда и Белуджистана, меньше, чем на первых этапах существования страны мухаджиров, урдуязычных переселенцев из Индии и их потомков (типа Мушаррафа), но много панджабцев и панджабизированных пуштунов.

За узким кругом правящих верхов остается широкий слой образованных и достаточно обеспеченных людей. Часть из них обладает немалыми средствами, которые они могут использовать в политических и(или) просветительских, пропагандистских целях. Именно этот слой составляет основную базу рекрутирования для оппозиционных партий и сил, причем как светских, неисламских, так и происламских. Нельзя забывать и о таком факторе, как наличие оппозиционных сил в диаспоре, среди выходцев из Пакистана, проживающих за рубежом⁶.

Отторгнутые от власти силы поддерживают недовольство широких кругов средне- и малообеспеченной интеллигенции (учителей, врачей), лиц свободных профессий, рабочих, профсоюзных деятелей и т.д. И опять же, неассоциированные, теневые группы интересов носят обычно характер не социальный, а региональный, этнонациональный. Под такими лозунгами, которые делят общество по вертикали (языку, земле, крови), видимо, легче объединиться.

Заканчивая, кратко о возможных трансформациях политической системы в обозримой и достаточно близкой перспективе 2–7 лет.

Вариантов немного. Первый. Возврат к открытой военной диктатуре, при этом прозападного, либерального или псевдолиберального толка. С Мушаррафом во главе или без него. Президент - не харизматический лидер, скорее лишь Уполномоченный правящего политического класса. Он заменяем, и в случае его убийства, а покушения в конце 2003 г. были весьма серьезны, найдется другой генерал с похожими взглядами, который будет проводить сходную политику.

Вариант 2. Превращение Пакистана в государство исламистского типа во главе, особенно на первых порах, с генералом-исламистом; такие также есть или найдутся. Вариант возможен при синхронном ухудшении внутренней, региональной и глобальной ситуации. Будучи следствием, такая трансформация режима станет и причиной усиления напряженности внутри страны, роста сепаратистских движений, разброда и шатания в верхах и низах. Не исключен вооруженный конфликт с Индией как локальный, так и более широкий с применением современного, в том числе ракетно-ядерного, оружия.

Вариант 3. Превращение в либеральную демократию сегодняшнего индийского или турецкого образца. Наиболее вероятен после дискредитации одного из двух или обоих вари-

антов выхода из кризиса. Если внутреннего кризиса удастся избежать, то, в принципе, нельзя исключить эволюционный переход к демократии через оставление Мушаррафом после 2007 г. поста начальника штаба армии, проведения достаточно честных выборов и качественного улучшения функционирования всей системы конституционного либерализма, пусть и с сохранением некоторых родимых пятен или неизгладимой специфики восточного типа. Такой вариант в любой из отмеченных временных последовательностей возможен в случае широкого сотрудничества с Индией, решения с ней спорных вопросов, в том числе кашмирского. При том условии, конечно, что и Индия будет развиваться экономически успешно, в ней самой не победят авторитарные, лево- и праворадикальные настроения, и она сможет в какой-то мере повести за собой государства региона, а главное, не будет ставить палки в колеса тем внешним силам и институтам мирового сообщества (правительственным и неправительственным организациям), которые захотят сыграть конструктивную роль в деле развития этих стран.

¹ Дело Джаведа Хашми рассматривалось в апреле 2004 г., и окончательного решения по нему еще нет. В сентябре 2004 г. специальный суд по делам отчетности (сам этот институт есть сохранение элементов чрезвычайности в судебной системе) приговорил бывшего спикера Национального собрания Ю.Р.Гилани к 15 годам строгого заключения за злоупотребления властью. В то же время летом того года под залог был выпущен на свободу осужденный за коррупцию в 1999 г. муж бывшего премьер-министра Беназир Бхутто Асиф Али Зардари. Впоследствии он уехал за границу.

² В провинции Белуджистан с 2003 г. идет подлинная партизанская война. На подавление сопротивления племен бугти и марри брошены десятки тысяч военнослужащих. Весной 2004 и 2005 гг. в племенном агентстве Кохлу (страна марри) и в районе Дера Бугти (столице страны бугти) имели место боевые столкновения, жертвами которых стали сотни боевиков и джаванов (солдат), а также мирные жители. См. напр: Heavy casaulties in Dera Bugti fighting// <http://www.jang.com.pk/thenews/mar2005-daily/18-03-2005/main.main1.htm>; Operation launched in Kohlu Agency//<http://www.nation.com.pk/daily/dec-2005/18/index5/php>; S.Shahid, A.Kazi. Part of Sibi-Harnai track blown up: Nationalists to observe 'black day' today//<http://www.dawn.com/2005/text/top2/htm>

³ Strategic Foresight Group. The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Mumbai, 2005, с. 58.

⁴ Некоторые аналитики полагают, что Пакистан уже дошел до состояния, которое можно характеризовать как кризисное, однако они, как представляется, торопят события. См., напр: S.S.Shahzad amd M.Anwar. Pakistan approaches boiling point/Online Asia Times Apr.2. 2005//http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/GD02Df03/htm

⁵ S.P.Cohen. The Idea of Pakistan. Lahore, 2005, с. 166–174.

⁶ Для политической обстановки в Пакистане весьма характерно то, что наиболее крупные и влиятельные оппозиционеры скрываются за границей, либо высланы туда. За пределами страны в течение всего времени пребывания П.Мушаррафа у власти находятся бывшие премьеры и лидеры представленных в парламенте ведущих оппозиционных партий Б.Бхутто и Н.Шариф, а также харизматический лидер мухаджиров А.Хуссейн.

В.Н.Москаленко, П.В.Топычканов

**ВЫБОРЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПАКИСТАНЕ В 2005 г.:
ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ**

В первом обращении к гражданам Пакистана после прихода к власти в октябре 1999 г. генерал Первез Мушарраф представил программу национального строительства. Шестым пунктом программы была «передача власти на низовой уровень»¹, что естественно для программы, являющейся классическим примером модернистской модели строительства нации. В этой модели самоуправление рассматривается как единственный способ получения социально-политических ресурсов для общественного развития в условиях распада традиционных отношений и формирования нации². Глава исполнительной власти Пакистана раскрыл содержание шестого пункта программы на пресс-конференции 23 марта 2000 г. Руководство страны планировало создать трехуровневую систему органов местного самоуправления (МСУ) к 14 августа 2001 г. взамен муниципальной администрации, созданной Указом о МСУ 1979 г. (Local Government Ordinance, УМСУ 1979). Новую систему планировалось теснее связать с провинциальным правительством с сохранением ее финансовой независимости. Связь органов МСУ с центральными властями должна была осуществляться через правительство провинций³.

Пакистан делится на административные единицы четырех уровней: союз, или юнион – группа деревень или городских районов; тахсил – группа союзов (уезд); дистрикт – группа тахсил (округ); провинция. Органы МСУ соответствуют этим уровням, за исключением провинции, во главе которой стоит избранное всем населением законодательное собрание. Кроме того, в каждом провинциальном правительстве созданы исполнительные органы – советы по МСУ, которые занимаются местным самоуправлением в рамках провинции.

Указ о МСУ (Local Government Ordinance, УМСУ 2001), введенный в действие провинциальными законодательными собраниями в 2001 г., стал правовой основой для создания органов МСУ. С учетом поправок к указу, принятых в 2001 г., система МСУ выглядит следующим образом. Органом нижнего уровня является Совет юниона (союза) – СЮ, – состоящий из тринадцати членов, избираемых путем прямых выборов (в первой редакции указа СЮ состоял из 21 чел.). Места в СЮ разделены на четыре категории:

1. шесть мест закреплены за депутатами, избираемыми по общим спискам⁴, в том числе два – за женщинами;

2. четыре места закреплены за представителями сельского и рабочего населения, в том числе два – за женщинами;

3. одно место зарезервировано за представителем религиозных меньшинств⁵;

4. два места занимают назим (глава СЮ, или мэр) и его заместитель, наиб (вице-мэр), кандидатуры которых выставляются на выборах вместе.

Органом МСУ второго уровня является Совет тахсила (СТ), состоящий из наибов и избранных членами СЮ представителей жителей данной территории в следующей пропорции: женщины – 33% мест в СТ; крестьян и рабочих – 5%; представителей меньшинств – 5%. На верхнем уровне системы находится Совет дистрикта (СД), состоящий из назимов и граждан, избранных членами СЮ в таких же пропорциях, как и в СТ⁶.

Финансовая независимость системы МСУ обеспечена за счет сбора местных налогов, оговоренных в УМСУ 2001. Органы МСУ имеют право взимать штрафы с нарушителей законов, для чего назим дистрикта назначает чиновника на должность инспектора. Собранные органами МСУ средства частично расходуются на местные программы, частично переводятся в вышестоящие органы МСУ.

В отношениях системы МСУ с бюрократией оговорены сферы их деятельности. При этом строго соблюдается принцип подчинения этих органов провинциальному правительству. Основываясь на решении правительств дистрикта или провинции, главный министр провинции может потребовать от органов МСУ отчета. Если чиновники дистрикта считают, что решение назима носит личностный характер и противоречит закону, они могут направить письмо в Провинциальный совет по МСУ (Provincial Local Government Council, ПСМСУ). Деятельность органов МСУ

может быть приостановлена решением председателя провинциального правительства на срок до 90 дней, в течение которого ПСМСУ проводит расследование. Следствие может быть также начато, если председатель правительства провинции полагает, что местные органы ведут антиконституционную деятельность, ущемляют права народа, не подчиняются его решениям. Если ПСМСУ не подтвердит мнение чиновников дистрикта или главного министра провинции, органы МСУ снова приступают к работе. В противном случае, глава правительства отменяет решения назима и/или прекращает деятельность органов МСУ.

Выборы в органы МСУ проходят через четыре года, что совпадает со сроками деятельности высших органов власти – провинциальных законодательных собраний, парламента и главы государства (в сравнении с первой редакцией указа срок работы органов МСУ сокращен на один год). За шесть дней до выборов органы МСУ прекращают свою деятельность. Для выборов в СЮ 2005 г. страна была разделена на две примерно равные части по причинам технического обслуживания и обеспечения безопасности. В одной части выборы прошли 18 августа, в другой – 25 августа. На следующем этапе сформированная членами СЮ коллегия выборщиков избирала членов советов тахсиллов и дистриктов, в том числе назимов и наибов этих органов. Органы МСУ должны существенно обновлять свой состав через каждые два срока работы. Первые выборы в новые органы МСУ прошли в декабре 2000 – июле 2001 гг. На них возраст избирателей был снижен с 21 до 18 лет. Тем не менее, продолжала действовать введенная Зия уль-Хаком в 1979 г. куриальная система выборов, при которой отсутствует голосование по общим для всех конфессиональных групп спискам. В августе 2002 г. П.Мушарраф отменил куриальную систему, и во время выборов в органы МСУ 2005 г. пакистанцы голосовали по общим спискам.

Подготовка ко вторым выборам в органы МСУ началась с августа 2004 г., когда Избирательная комиссия Пакистана (Election Commission of Pakistan, ИКП) начала регистрацию избирателей. Были зарегистрированы 63,68 млн. чел. Решение о беспартийной основе выборов было принято центральным правительством 27 декабря 2004 г. На этом совещании было решено сократить численность СЮ с 21 до 13 человек⁷.

Решение руководства страны о беспартийной основе выборов вызвало критику со стороны оппозиции. Это решение, по

мнению президента Объединенного совета действия (Muttahhida Majlis-e-Amal, MMA) и главы Исламского общества (Jamaat-i-Islami, ДИ) Кази Хусейна Ахмеда, направлено на то, чтобы дезинтегрировать нацию и продлить срок правления П.Мушараффа⁸. Опасения лидера MMA имеют под собой основу, на что указывает, например, доктор М.Васим из Университета Каид-и азама в Исламабаде, считающий, что программа «локализации политики» на беспартийной основе ограничивает горизонтальные связи политических партий, тем самым укрепляя позиции в Пакистане единственной организованной силы (государства) в неорганизованном обществе⁹.

В условиях беспартийных выборов партии вели активную агитацию, хотя кандидатам запрещалось прямо или косвенно использовать на выборах политическую программу, флаги, символы, финансовую или материальную помощь партийных организаций и т.д. Наблюдатели из международных комиссий (от Британского Содружества и Европейского Союза) отметили многочисленные случаи использования во время выборов партийных флагов, транспарантов, цветовой партийной атрибутики¹⁰. Кроме того, партии создали группы из кандидатов, являющихся их сторонниками. Каждая группа имела собственное название, являющееся определенным символом, по которому избиратель определял принадлежность кандидата к той или иной партии. Например, в группу «Просвещенные умеренные» (Roshan Khyal) вошли сторонники Пакистанской мусульманской лиги (Каид-и-Азам) [ПМЛ(КА)]¹¹. Основные группы даны в приведенной ниже таблице.

**Названия групп кандидатов
на выборах в органы МСУ 2005 г.**

Название	Перевод	Партия, которую поддерживает группа
Awam Dost	Друг народа	Пакистанская народная партия (ПНП)
Awami Ittehad	Народный союз	Пакистанская мусульманская лига (Каид-и-Азам)
Roshan Khyal	Просвещенный умеренный	
Islam Dost	Друг Ислама	Джамаат-уль-Улама-е-Ислам (ДУИ)

Название	Перевод	Партия, которую поддерживает группа
Khidmat	Служение	Джамаат-и-Ислами
Khidmatgar	Слуга	Народная национальная партия (ННП)
Haq Parast	Правдивый	Муттахида Маджлис-е-Амаль
Watan Dost	Друг Родины	Мусульманская лига Наваза Шарифа МЛ(Н)

Для поддержания правопорядка во время выборов власти привлекли 40 тыс. военнослужащих и 40 тыс. полицейских. Основываясь на разведывательных данных о возможных террористических актах во время выборов в органы МСУ, власти Пакистана решили передать силовым ведомствам полный административный контроль на время выборов¹².

Основные требования оппозиции к правительству Пакистана были озвучены на Общепартийной конференции (11 августа 2005 г., Исламабад), в которой приняли участие 33 организации: АВД, спонсировавшее конференцию, ММА, партии-члены Движения угнетенных наций Пакистана, Пакистанское движение за справедливость (Pakistan Tehreek-e-Insaf, ПТИ) и др., а также представители Комиссии по правам человека и адвокатских ассоциаций. Участники конференции составили совместную декларацию, которая была опубликована на пресс-конференции председателя АВД Махдума Амина Фахима, председателя МЛ(Н) Раджи Зафарула Хака и президента ММА Кази Хусейна Ахмеда. Декларация о свободных, честных и открытых выборах содержит следующие требования: председатель ИКП, имеющий четко оговоренные полномочия, должен назначаться в результате консенсуса; судьи высших судебных органов должны принести клятву на конституции 1973 г. об исполнении своих обязанностей согласно основному закону, а не прихоти отдельного человека; должны быть собраны дела о нажимах, осуществлявших незаконные финансовые операции, виновные должны быть арестованы и принуждены к выплате украденных сумм; должно быть продолжено составление списков таких назимов и передача их в полицейские, административные, образовательные и анти-коррупционные органы; лица, занесенные в указанные списки после публикации списков кандидатов, должны быть объявлены нарушителями кодекса по-

ведения; выборы, объявленные успешными из-за отсутствия соперника на избирательном участке, должны быть признаны недействительными, поскольку ряд кандидатов вынужден снять свои кандидатуры из-за давления со стороны полиции. В декларации отмечалось, что П.Мушарраф, Шаукат Азиз, председатели правительств Пенджаба и Синда, федеральные и провинциальные министры открыто поддерживают своих кандидатов¹³. Оппозиция в период подготовки к выборам указывала и на другие нарушения, связанные с подделкой списков избирателей, препятствиями, чинимыми оппозиционным кандидатам со стороны полиции и т.п.¹⁴ Власти Пакистана проигнорировали требования и замечания оппозиции.

18 и 25 августа прошли выборы в органы МСУ. Распределение кандидатов и мест в СЮ по провинциям и времени выборов представлено в приведенной ниже таблице.

**Распределение мест в СЮ и кандидатов
по этапам выборов и провинциям¹⁵**

Провинция	Количество дистриктов	Количество СЮ	Количество мест в СЮ	Количество кандидатов
Выборы 18 августа 2005 г.				
Пенджаб	17	1654	21502	65943
Синд	11	589	7657	20823
СЗПП	12	556	7228	20034
Белуджистан	14	275	3575	7354
Выборы 25 августа 2005 г.				
Пенджаб	18	1810	23530	78392
Синд	12	521	6773	22553
СЗПП	12	431	5603	16507
Белуджистан	14	292	3796	10688
Всего	110	6128	79664	242294

По официальным данным, в голосовании 18 августа приняли участие 44–45% общего количества голосовавших избирателей, в голосовании 25 августа – 48,75%¹⁶. Наблюдалась незначительная разница в активности избирателей разных провинций¹⁷. Более высокая активность избирателей, включая женщин, зафиксирована в Пенджабе, ниже она была – в СЗПП¹⁸ (по данным Индо-азиатской службы новостей, примерно такая же активность избирателей наблюдалась в Белуджи-

стане¹⁹). Традиционные группы в СЗПП пытались отстранить женщин от участия в выборах²⁰. По словам старейшины из дистрикта Мианвали Амануллы Хана, местные лидеры поклялись не допустить женщин на выборы. На двух женских избирательных участках (СЮ № 33, Паи Кхел, дистрикт Мианвали) ни одна из 2580 зарегистрированных избирательниц не воспользовалась своим правом²¹. Тем не менее, выборы в органы МСУ 2005 г. стали беспрецедентными в истории Пакистана по числу как баллотировавшихся женщин (56,75 тыс. чел., 23,42%), так и зарегистрированных избирательниц (29,31 млн. чел., 46,18%)²². Аналитики объясняют это лучшей осведомленностью женщин о своих политических правах, возросшим желанием участвовать в общественно-политическом развитии страны и улучшении своего положения²³. По мнению премьер-министра Шауката Азиза, высокая явка избирателей, в том числе и женщин, является признаком укоренения системы органов МСУ²⁴.

Противостояние между партиями сопровождалось беспорядками с применением огнестрельного оружия. Силловые ведомства усилили меры безопасности, провели аресты зачинщиков беспорядков и конфисковали большое количество оружия, однако к концу августа погибли более сорока человек²⁵. Столкновения происходили не только между сторонниками разных партий, но и внутри одного политического лагеря. Например, на избирательном участке СЮ № 3, Лудхае Ке (дистрикт Шейхупура провинции Пенджаб), острая борьба развернулась между представителями ПМЛ(КА) М.Ашрафом и К.Али²⁶, которые являются членами разных кланов (бирадари). Этот пример демонстрирует, что на локальном уровне зачастую ключевую роль играет не политическая, а традиционная идентификация кандидатов. В выборах в органы МСУ заметное участие приняли кланы Кхичи, Сеидов, Гуджаров, Арайнов, Джатов, Кхаквани, Лангриалов и Патанов²⁷.

Поскольку выборы проводились на беспартийной основе, данные о распределении мест в органах МСУ между политическими партиями являются неофициальными и относительными. По итогам голосования 18 августа, ПМЛ(КА) получила 33,2% мест в СЮ Пенджаба, ПНП – 8,7%, ПМЛ(Н) – 4,8%, столько же мест получили независимые кандидаты. Сторонники ММА получили всего 0,6% мест. Остальные места получили региональные группы. Группа Легхари – старшего сына экс-

президента Ф.Легхари, являющаяся одной из наиболее влиятельных в провинции, получила 1,4% мест, одержав полную победу в дистрикте Джампур. В целом, ПМЛ(КА) заняла лидирующее положение почти во всех 17 дистриктах Пенджаба.

Политические итоги выборов отражены также в составе назимов и наибов, избранных в СЮ. Из 1164 мест назимов и наибов в Синде 15,9% получила группа «Друзей нищих» (Fakir Dost), которую возглавил пир Пагара из ПМЛ(П), связанной с правящей партией. 9,6% мест получили группы ОНД, 3,1% – ПНП. Последняя, считавшая провинцию своим оплотом, потерпела поражение. ПМЛ(КА) одержала абсолютную победу в трех из 11 дистриктов (Тхатта, Наушехрофероз, Тхарпаркар), заняв прочные позиции в двух других дистриктах (Мирпуркхас, Умеркот). ОНД получило большинство мест в дистрикте Тандо Аллахияр и Карачи, ПМЛ(П) – в дистрикте Сангхар.

В СЗПП из 7228 мест в СЮ 20,6% мест получила ННП. На втором месте оказалась правящая партия, представители которой заняли 17,9% мест. Остальные места распределили между собой ДУИ (16,7%), МЛ(Н) (13,8%), две независимые друг от друга фракции ПНП (13,1% и 11,3%)²⁸.

В Белуджистане ПМЛ(КА) получила 46,9% мест назимов и наибов. Остальные места распределили между собой блок националистических партий (Демократическая национальная партия (Jamhoori Watan Party, ДНП), Белуджистанская национальная партия (Baluch National Party)), Пакистанская национальная партия (Pakistan National Party)) (19,4%), независимые кандидаты (15,4%), ММА (7,3%), ПНП (3,3%) и Пуштунская национальная партия (Pashtun Khawah Milli Party) (1,3%). В этой провинции ПМЛ(КА) одержала победу в восьми из 14 дистриктов (Насирабад, Джаффарабад, Болан, Наушки, Аваран, Гвадар, Кхаран, Сиби, Баркхан), фундаменталисты – в трех (Килла Саифулла, Зиарат, Пишин), националисты – в двух (Мастунг, Кхуздар)²⁹.

Во время голосования 25 августа в органы МСУ подтвердилась отмеченная выше расстановка сил в провинциях. Отметим коротко, что ПМЛ(КА) получила большинство мест во всех 18 дистриктах Пенджаба. Оппозиция смогла закрепиться в городской части дистриктов Фейсалабад, Равалпинди, Касур и Шейхпур, тогда как сельская часть осталась за кандидатами от правящей партии. ПМЛ(КА) одержала победу и в Синде, где всегда была сильна ПНП. Следующими за ПМЛ(КА) по количеству

мест в этой провинции следуют ПНП и МЛ (Н). ММА, планировавший «отыгаться» во втором туре выборов в «своих» провинциях СЗПП и Белуджистане, потерпел полное поражение не только от ПМЛ(КА), но и таких партий, как ННП и ПНП. В СЗПП ПМЛ(КА) взяла под контроль 141 из 430 СЮ. В Белуджистане ПМЛ(КА) и ее союзники заняли лидирующее место в шести из 12 дистриктов (Ласбела, Калат, Чагхи, Лоралаи, Макран, Турбат)³⁰ (подробные результаты второго тура см. в приложении).

Таким образом, на основе неофициальных данных можно говорить об успехе правящей партии. Одной из причин этого стала ее политика формирования альянсов с локальными группами. Например, правящая партия нанесла тяжелый удар ПНП, переманив в свой лагерь группу Парача, которая имеет большое влияние в пенджабском дистрикте Саргодха. Результатом этой тенденции, по мнению аналитиков, может быть либо скорый распад существующих ныне непрочных альянсов³¹, либо создание крупной политической силы в Пакистане с разветвленными вертикальными и горизонтальными связями, у которой не будет серьезных конкурентов на всеобщих выборах 2007 г.³²

Имеющиеся данные позволяют увидеть, что ПМЛ(КА) во время выборов в СЮ заключила больше всего союзов (18), большая часть из которых приходится на Пенджаб (16). Основными союзниками правящей партии стали региональные группы (15 союзов). По одному альянсу ПМЛ(КА) заключила с МЛ(Н) в Пенджабе, с ПНП в Синде и с ДИ в СЗПП. Второе место по количеству союзов занимает ДИ, которая заключила всего восемь союзов в СЗПП: два союза с ПНП, по одному с ПТИ, с Народной националистической партии (Awami National Party, ННП), с региональной группой, с независимыми кандидатами, с МЛ(Н), с ПМЛ(КА). Таким образом, можно сказать, что ДИ выбирает союзников среди оппозиции. По шесть союзов заключили ПНП (два в Пенджабе, три в СЗПП, один в Синде) и МЛ(Н) (по три в Синде и СЗПП). Между собой эти партии заключили только один союз. Для ПНП более предпочтительными оказались союзы с региональными группами (2 союза) и ДИ (2 союза). Один союз она заключила с ННП. МЛ(Н) также отдавала предпочтение региональным группам (2 союза). Остальные союзы лига заключила с совершенно разными партиями: по одному с ПМЛ(КА), с ННП, с ДИ. Высокую активность в СЗПП проявила ННП, создавшая три союза: по одному с ПНП, с МЛ(Н) и с ДИ. На основании этих данных можно утверждать,

что на низовом уровне политическая идеология не является самым важным фактором при заключении союзов. Вероятно, большее значение имеют клановые связи, личные контакты и другие неполитические факторы.

Испытанием политики ПМЛ(КА) стал этап выборов в органы МСУ, который прошел 6 октября 2005 г. На данном этапе члены СЮ, включая 24 тыс. женщины, отдали свои голоса за назимов дистриктов, тахсиллов и городов и членов советов тахсиллов и дистриктов. На 35 мест назимов дистриктов в Пенджабе претендовали 134 кандидата, на 22 места в Синде – 87 кандидатов, на 24 места в СЗПП – 93 кандидата, на 27 мест в Белуджистане – 112 кандидатов (всего на 108 мест подали заявки 426 кандидатов)³³. К сожалению, авторы не располагают данными о количестве рядовых членов в советах второго и третьего уровней.

Естественно, как и на предыдущих этапах, политические партии вели активную агитацию за своих представителей. Большое внимание уделили выборам парламентарии. Так, обе палаты пакистанского парламента прервали работу на время проведения последнего этапа в связи с заинтересованностью депутатов в выборах в местные органы самоуправления³⁴. Несмотря на соответствующий запрет, министры, партийная принадлежность которых, естественно, хорошо известна, объявляли о намеченных крупных хозяйственных проектах, имеющих большое значение для тех или иных территориальных единиц.

В отличие от выборов в августе, октябрьские выборы прошли мирно. В Пенджабе ПМЛ(КА) получила 80% всех мест. Члены ПМЛ(КА) стали назимами крупнейших городов провинции (Лахор, Гуджравала, Мултан) и таких дистриктов, как Сиалкот, Бахавалпур, Гуджрат, Шейхпура и др. Кандидаты от оппозиции смогли победить в дистриктах Сахивал, Касур и городе Фейсалабад благодаря тому, что все оппозиционные партии выступили в этой провинции единым фронтом³⁵. Правящая партия получила большинство мест и в Синде, но потерпела поражение в крупнейшем синдском городе Карачи. Из 18 мест назимов городских районов она получила только одно. Назимами всего Карачи и 14 его районов стали представители ОНД. Три места главы городского района в Карачи получили сторонники ПНП. Из 24 мест назимов дистриктов в СЗПП ПМЛ(КА) выиграла девять: Шангла, Абботтабад, Мансехра, Кохат, Лакки

Марват, Танк, Суаби, Суат, Д.И.Хан. В последнем дистрикте кандидату от правящей партии уступил брат лидера ДУИ(Ф) Маулана Обайдур Рахман³⁶.

Результаты выборов в органы МСУ получили разную оценку со стороны оппозиционных и правящей партии, руководства страны. Например, по мнению Лиаката Балуча из ММА, результаты выборов «были организованы, спланированы и сфабрикованы», что доказывает невозможность свободных и честных выборов при П.Мушаррафе³⁷. После окончания выборов оппозиция обратилась к президенту и премьер-министру страны с требованием создать независимую Избирательную комиссию и честно провести новые выборы назимов и набивов дистриктов и городов³⁸.

Требование оппозиции не было выполнено, поскольку руководство страны не видело оснований для пересмотра итогов голосования. Причинами успеха правящей партии, по мнению лидеров страны и ПМЛ(КА), была не манипуляция результатами голосования, а политика «просвещенной умеренности», проводимая П.Мушаррафом, и изменения в сознании пакистанских избирателей, которые, как считает генеральный секретарь ПМЛ(КА) Мушахид Хусейн Саид, больше не верят ограниченным лозунгам фундаменталистов³⁹. Выборы в органы МСУ показали широкую поддержку умеренных мусульманских сил правительству, при котором страна достигла больших успехов в экономической, социальной и политической сферах⁴⁰. Судя по итогам голосования, Пакистан становится центром умеренного ислама. Поражение мусульманских фундаменталистов косвенным образом подтверждается и самими фундаменталистами. Так, лидер ММА К.Х.Ахмед заявил 29 августа, что ММА будет бойкотировать любые выборы во время нахождения у власти П.Мушаррафа⁴¹.

По мнению наблюдателей, выборы в органы МСУ подтвердили существование тенденции, согласно которой пакистанцы хотят видеть у власти представителей твердого большинства, поскольку только в этом случае могут быть созданы стабильные условия для решения таких важных вопросов, как провинциальная автономия, строительство крупных гидроэнергетических сооружений, территориальные споры с Индией и т.д.⁴² Учитывая эту тенденцию, можно предположить, что, если ПМЛ(КА) удастся сохранить и укрепить локальные и региональные союзы, с одной стороны, и обеспе-

чить стабильное общественно-экономическое развитие Пакистана в течение ближайших двух лет, с другой, оппозиционным партиям будет сложно соперничать с правящей партией на всеобщих выборах 2007 г.

Результаты выборов в органы МСУ могут изменить ход политического развития Пакистана. Многие аналитики считали, что П.Мушарраф отбывает на посту президента свой последний срок. Среди его наиболее вероятных преемников рассматривался премьер-министр Ш.Азиз. Однако широкая поддержка властей вновь избранными органами МСУ, которые при отсутствии партийных связей на низовом уровне имеют огромную мобилизационную силу, создает условия для победы главы Пакистана на следующих президентских выборах. Свидетельством подготовки к этим выборам является заявление Мушахида Хусейна Саида о том, что до выборов 2007 г. будут проведены выборы внутри ПМЛ(КА), лидером которой и может стать П.Мушарраф⁴³.

Приложение

Результаты выборов в СЮ (Пенджаб)⁴⁴

Дистрикт	Партийная и клановая принадлежность назимов и набов
Бахавалнагар	ПМЛ(КА) (26), ПНП (4), группа Хаджи Тахир – ПНП (2), группа Лалика – ПМЛ(КА) (2), группа Венс – ПМЛ(КА) (2), группа Шах – ПМЛ(КА) (2), группа Суфий Башир – ПМЛ(КА) (2), группа Чаудри Абдул Гхафур Аршад (2), нет данных о политической принадлежности (н.д., 8).
Бахавалпур	Группа Садик Дост (10), группа Бахавалпур Иттехад (10), группа Оваиси (2), н.д. (4).
Кханивал	ПМЛ(КА) (20), ПМЛ(КА) – МЛ(Н) (2), группа Вахла (2), н.д.(2).
Саргодха	ПМЛ(КА) (10), ПНП (8), группа Парача (4), ММА (2), н.д. (4).
Дистрикт	Партийная и клановая принадлежность назимов и набов
Сахивал	ПМЛ(КА) (14), Патриоты – ПМЛ(КА) (2), группа Лодхи (2), ММА (2), группа Лангриал (2).

Гуджранвала	Группа Авам Дост (2), н.д. (24).
г. Гуджранвала	Группа Авам Дост (2), н.д. (2).
Мултан	Группа Кхушхал Пакистан (6).
Сиалкот	Группа Наим Джавед (6), группа Акхтар Ризви (8), группа Наваз (4), группа Авам Дост (4), группа Амир (4), группа Кхушхал Пакистан (4), н.д. (32).
Вехари	Группа Мумтаз Кхичи (8), группа Миан Сакиб Кхуршид – ПМЛ(КА) (4), группа Мехмуд Кхичи (2), группа Патан (2), группа Патан – ПНП (2), группы Акбар Бхатти и Кхалид Чухан (2), группа Бхабха (2), н.д. (8).
Д.Г.Кхан	Группа Кхоса – МЛ(Н) (8), МЛ(Н) (6), группа Кхоса (4), ПНП (2), группа Легхари (2), группа Максуд Кхан Легхари (2), н.д. (4).
Лодхран	Группа Сахид Канджу – ПМЛ(КА) (16), группа Акхтар Канджу – ПМЛ(КА) (4), группа Авам Дост (4).
Музаффаргарх	Группа Шахид Джамил Куреши – ПМЛ(КА) (12), группа Куреши – ПНП (8), группа Куреши – ПМЛ(КА) (6), группа Лангриал – ПМЛ(КА) (2), группа Кхар – ПМЛ(КА) (2), группа Макхдун Абдулла Банджари – ПМЛ(КА) (2), группа Бакхти (2), группа Навабзада (2), н.д. (8).
Пакпатан	Группа Гандж Шакар – МЛ(Н) (10), ММА (2), группа Авам Кхидмат – ПНП (8), группа Рана Захид (10), группа Рана Захид – МЛ(Н) (4), группа Амджад Джойа (8), группа Амджад Джойа – ПМЛ(КА) (2), группа Фарукх (2), группа Фарукх – ПМЛ(КА) (2), н.д. (24).
Кхушаб	Группа Аван (6), группа Таванна (6), н.д. (2).
Баркхан	Н.д. (2)
Рахим Яр Кхан	Группа Макхдум (10), группа Авам Дост (8), н.д. (8).
Мианвали	Н.д. (4)

Результаты выборов в СЮ (Синд)⁴⁵

Дистрикт	Партийная и клановая принадлежность назимов и набов
Кхаирпур	Н.д. (10)

Сангхар	Группа Факир Дост (10), группа Джам (4).
Карачи	Группа Хак Параст (34), группа Авам Дост (6), группа Кхушхал Пакистан (2), группа Кхидмат (6), н.д. (190)
Мирпуркхас	Группа Факир Дост (6), группа Кхушхал Пакистан (2), н.д. (2)
Тхатта	Группа Ширази (50), группа Авам Дост (2), н.д. (10)
Омар Кот	Группа Кхушхал Пакистан (2).
Тандо Аллахиар	Группа Азад Магси Иттехад (6), группа Хак Параст (2), группа Авам Дост (2), н.д. (18)
Тхарпаркер	Группа Авам Дост (2), группа Кхушхал Пакистан (2), н.д. (2)
Ношери Фероз	Группа Кхушхал Пакистан (32), группа Лакхьяри (10), Группа Факир Дост (2), группа Авам Дост (2), н.д. (4)
Кашмор	Группа Мазари (22), группа Авам Дост (8), группа Авами Иттехад (2), группа Хак Параст (2), н.д. (4)
Джакобабад	Группа Кхушхал Пакистан (10), группа Авам Дост (10), группы Авам Дост – Шахид Дост (2), группа Хафиз Шейх (2).

Результаты выборов в СЮ (СЗПП)⁴⁶

Дистрикт	Партийная и клановая принадлежность назимов и набов
Банну	Н.д. (4)
Суаби	Группа Ватан Дост (6), группа Муттахида (4), н.д. (6)
Д.И.Кхан	Н.д. (4)
Мансехра	Н.д. (2)
Ноушера	Н.д. (22)
Мардан	Группа Ватан Дост (6), н.д. (40)
Танк	Группа Муттахида (4), группа Кхунди (2), н.д. (10)
Бонер	Группа Кхидмат (16), группа Ватан Дост (4), группа Авам Дост (2), н.д. (16)
Харипур	Группа Джахазон Вала (8), группа Ватан Наваз (6), группа Омар Аюб (6), группа Сабир Шах (2), н.д. (4)
Дистрикт	Партийная и клановая принадлежность назимов и набов
Пешавар	Группа Кхидмат (18), группа Авам Дост (8), □ группа Ватан Дост (2), группа Кхидмат – Авам

	Дост (2), группа Азад – Кхидмат (2), н.д. (10)
Чарсадда	Группа Таракки Пасанд (2), н.д. (2)
Кохат	Группа Муттахида (4), н.д. (8)

Результаты выборов в СЮ (Белуджистан)⁴⁷

Дистрикт	Партийная и клановая принадлежность назимов и набов
Баркахан	Группа Сардар Кхатран (8), группа Мирбаз (2), группа Пхелиат (ННП, 4), группа Сардар Кхиран (ПМЛ(КА), 2), н.д. (4)
Джафарабад	Группа Джамали (ПМЛ(КА), 10), ПМЛ(КА) (2), н.д. (4)
Кхаран	Группа Фатах (8), группа Наушервани (4).
Сибби	Группа Домки (14), объединение Сардар (ПМЛ(КА), 2), группа Муттахида Махаз (4), н.д. (4).
Гвадар	Демократическая группа (Пакистанская национальная партия, 4), н.д. (2)
Кила Саифулла	Группа Ансар-ул-Малик (ДУИ, 2), н.д. (2)
Наушаки	Группа Муттахида Ватан Дост (8), группа Авами Иттехад (4), н.д. (4)
Мастунг	Национальная группа (6), НПП (2), н.д. (2)
Пешин	Группа Ансар-ул-Ислам (ММА, 4), группа Ватан Дост (2) н.д. (4)
Болан	Группа Джило (ПМЛ(КА), 2), объединение Сардар (6), н.д. (4)
Аваран	Группа Авам Дош (БНП, 6).
Кхуздар	Национальная группа (6), Белуджистан (ННП, 2), БНП (4).
Зиварат	Н.д. (6)
Зхоб	Н.д. (2)
Насирабад	Авам Дост (8), Гхариб Авам Дост (2), группа Сардар Фатех Али Умрани (ПМЛ(КА), 2), н.д. (6)

¹ Friedrich Naumann Stiftung: Local Bodies elections 2005: an exercise in politics or confusion? //

http://www.fnst.org/webcom/show_article.php/_c-998/_nr-53/_p-1/i.html

² Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В.Смирнова, Ю.М.Филиппова, Э.С.Загашвили, И.Окуневой. М., 2004. С. 52–54.

³ *Ziauddin M.* District governments by August next year // Dawn. Karachi, 24.03.2000.

⁴ Естественно, что в такой стране, как Пакистан, по общему списку в подавляющем большинстве проходят мусульмане-мужчины, поэтому в интересах справедливости специально резервируются места за женщинами и представителями религиозных меньшинств и социально незащищенных слоев.

⁵ Включение меньшинств в местные органы не было новацией. В местных органах системы административных округов места для меньшинств резервировались на всех уровнях: от советов дистриктов до городских комитетов (*Naqvi F.H.* People's rights or victim's rights: reexamining the conceptualization of indigenous rights in International Law // *Indiana Law Journal*. Bloomington, 1996. Vol. 71. N 3. P. 695). Обеспечение представительства меньшинств соответствовало общей политике Пакистана в их отношении, которую первым артикулировал М.А.Джинна: «Меры безопасности должны быть предусмотрены для меньшинств, поскольку они – меньшинства. Я всегда верил и думаю, я имею право верить, что ни одно государство, не обеспечивающее чувство безопасности и доверия у меньшинств, никогда не будет иметь успеха. Ни одно государство не будет иметь успеха, если его политика по отношению к меньшинствам несправедлива, нечестна и тиранична» (*Speeches and writings of Mr. Jinnah* // *Collected and ed. by Jamil-ud-Din Ahmad*. 6th ed. Lahore. S.a. V. I. P. 265).

⁶ Pakistan Local Bodies Elections, 18 and 25 August 2005: Report of the Commonwealth Expert Team London, 2005. P. 5–6 (http://www.thecommonwealth.org/shared_asp_files/uploadedfiles/DC01549D-657A-4CFE-BD39-1AA7B7D44B64_PAKISTANCETREPORTFINALPRINTNIGVERSION.pdf).

⁷ *Hussain A.* LB polls to be held in Capital, says Sherpao // Daily Mail. Islamabad, 04.01.2005.

⁸ Jamaat-e-Islami Pakistan: Qazi for direct election of Nazims in LB polls. Oct. 7, 2005 // <http://www.jamaat.org/news/2005/oct/07/1001.html>

⁹ *Waseem M.* Pakistan: Beyond Elections // *South Asian Journal*, Lahore. N 5 July-Sept. 2004.

¹⁰ Pakistan Local Bodies Elections, 18 and 25 August 2005: Report of the Commonwealth Expert Team London, 2005. P. 9.

¹¹ Friedrich Naumann Stiftung: Local Bodies elections 2005: an exercise in politics or confusion? // http://www.fnst.org/webcom/show_article.php/_c-998/_nr-53/_p-1/i.html

¹² Pakistani Army likely to take Complete Administrative Control during Local Government Polls // Daily Times. Islamabad, 08.08.2005.

¹³ Yasin A. APC demands fair LB polls // Jang, Islamabad. 12.08.2005.

¹⁴ PPP opposes private guards for polls // Dawn. Karachi, 30.07.2005.

¹⁵ Hanns Seidel Stiftung. Institut für Internationale Begegnung und Zusammenarbeit: Rieck A. Projectland: Pakistan; Monatsbericht: August 2005 // <http://www.hss.de/downloads/PakistanAugust2005.pdf>

¹⁶ EC unveils LG polls' 2nd Phase results // Daily Mail. Islamabad, 28.08.2005.

¹⁷ Local Government Elections 2005: Total voters // <http://www.ecp.gov.pk/content/lgstats2005.html>;
Hanns Seidel Stiftung. Institut für Internationale Begegnung und Zusammenarbeit: Rieck A. Projectland: Pakistan; Monatsbericht: August 2005 // <http://www.hss.de/downloads/PakistanAugust2005.pdf>

¹⁸ Служащая источником таблица «Провинции относительно участия избирателей: Выборы в местные органы 2005 г.» не включает данные из участков, где кандидаты не имел соперника. Основу таблицы составили неофициальные данные чиновников, контролирующих проведение выборов (Province wise turnout: Local Government Election 2005 // <http://www.ecp.gov.pk/content/lgturnout2005.html>)

¹⁹ Indo Asian News Service: Pakistan's ruling coalition ahead in local bodies polls. Aug. 20, 2005 // <http://www.in.news.yahoo.com/050820/43/5zsbq.html>

²⁰ Low turnout, thin women attendance in NWFP // Dawn. Karachi, 26.08.2005.

²¹ Niazi Z. Women not allowed to cast their votes in Pai Khel // The News. Islamabad, 25.08.2005.

²² Local Government Elections 2005: Total voters // <http://www.ecp.gov.pk/content/lgstats2005.html>

²³ Biggest women participation in LB polls // Dawn. Karachi, 30.07.2005.

²⁴ PM rules out early general elections // Daily Mail. Islamabad, 28.08.2005.

²⁵ Pakistan poll violence tolls 16 // Deccan Herald, Bangalore, 19.08.2005; Violence mars 2nd round of LB polls // Dawn. Karachi, 26.08.2005; Varma K.J.M. 20 killed, 100 injured in Pak local body poll violence // Outlook. New Delhi, 25.08.2005.

²⁶ Biradarism, groupings to play major role in Sheikhpura // The News. Islamabad, 25.08.2005.

²⁷ *Baig G.* Big names desperate // Dawn. Karachi, 12.08.2005; Contest of clans // Weekly Independent. Lahore, 18–24.08.2005.

²⁸ Victory for all, defeat for none? // Jang. Islamabad. 24.08.2005.

²⁹ Group positions of all four provinces in LG polls 2005 // Jang. Islamabad. 29.08.2005; *Aslam N.* PML leading in LB Polls of Punjab, Sindh, Balochistan // Pakistan Times. Islamabad, 20.08.2005.

³⁰ PML, allies take lead: MMA loses ground; Sindh setback for PPP in second round of local polls // Dawn. Karachi, 27.08.2005; Violence mars 2nd round of LB polls: Death toll put at between 19 and 29; Large-scale rigging alleged // Dawn. Karachi, 26.08.2005.

³¹ BBC: Victory claimed in Pakistan polls. Aug. 28, 2005 // http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4191216.stm

³² Associated Content: Pakistan Heading Towards General Elections // http://www.associatedcontent.com/content.cfm?content_type=article&content_type_id=10866

³³ *Butt T.* Final phase of LB elections today // The News. Islamabad, 06.10.2005.

³⁴ Islamic Republic News Agency: All set for 3rd phase of Pak local bodies' polls on Thursday. Oct. 4, 2005 // <http://www.irna.ir/en/news/view/line-20/0510044731125922.htm>.

³⁵ PML dominates final phase of local council elections in Punjab // Daily Times. Islamabad, 07.10.2005.

³⁶ PML and allies sweep third phase of polls // Daily Times. Islamabad, 07.10.2005.

³⁷ BBC: Victory claimed in Pakistan polls. Aug. 28, 2005 // http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4191216.stm

³⁸ Opposition calls for independent EC // Jang. Islamabad, 08.10.2005.

³⁹ Associated Content: Pakistan Heading Towards General Elections // http://www.associatedcontent.com/content.cfm?content_type=article&content_type_id=10866

⁴⁰ См.: *Москаленко В.Н.* Пакистан после отмены военного правления // Ближний Восток и современность. Вып. 26. М., 2005. С. 42–46.

⁴¹ MMA will boycott any election // Dawn. Karachi, 30.08.2005.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ Local Bodies Polls 2005 Results: Punjab // Jang. Islamabad (http://www.jang.com.pk/important_events/localbodies-polls2005/news/results_punjab.htm).

⁴⁵ Local Bodies Polls 2005 Results: Sindh // Jang. Islamabad
(http://www.jang.com.pk/important_events/localbodies-polls2005/news/results_sindh.htm).

⁴⁶ Local Bodies Polls 2005 Results: NWFP // Jang. Islamabad
(http://www.jang.com.pk/important_events/localbodies-polls2005/news/results_nwfp.htm).

⁴⁷ Local Bodies Polls 2005 Results: Balochistan // Jang. Islamabad
(http://www.jang.com.pk/important_events/localbodies-polls2005/news/results_bln.htm).

И.В.Жмуйда

**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В ПАКИСТАНЕ
В 90-е ГОДЫ
И ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЕЗА МУШАРРАФА**

Вплоть до конца 80-х годов Пакистан имел среди развивающихся стран достаточно высокие темпы роста – более 5% в год, а уровень бедности понизился с 40% до 18%. Однако данные таблицы № 1, подсчитанные пакистанским экономистом Ишратом Хусейном за 1947–2004 гг., показывают, что страна достигла определенных экономических успехов, но значительно отставала в социальном развитии. Такие показатели, как доход на душу населения, уровень потребления, развитие сельского хозяйства и промышленного производства, были достаточно впечатляющими вплоть до 90-х годов, когда страна стала сползать по таким показателям, как рост национального дохода, экспорт, налоговые поступления, расходы на развитие и рост внешнего и внутреннего долга. В значительной степени это объяснялось основными структурными и институциональными проблемами, неквалифицированным управлением и частой сменой политических режимов. Последние не хотели, а то и боялись, брать на себя рискованные и непопулярные экономические решения.

Таблица 1

Долгосрочные структурные изменения и рост

		1947	1970	2004
Население	млн. чел.	33	60	151
Доход	ВВП, млрд. рупий (в текущих ценах)	58	151	5458
	ВВП, млрд. долларов	3/8	10.8	90.5
	Доход на душу населения,	85	170	640

	долл.			
	Доход на душу населения, текущие цены	405	809	37495
		1947	1970	2004
Сельское хозяйство	Индекс производства	100	219	591
	Индекс производства волокна	100	172	866
	Водные ресурсы (МАФ)	55	76	97
	Производство пшеницы, млн. т	3.3	7.3	20
	Производство риса, млн. т	0.7	2.4	5
	Производство хлопка, млн. кип	1.1	3.0	10
	Удобрения, на 1 га посевной площади	0	23	212
Промышленность	Индекс обрабатывающей промышленности	100	2346	17047
	Производство стали (тыс. т)	0	0	2203
	Производство цемента (тыс. т)	292	2656	12957
	Производство химической промышленности (тыс. т)	0	130	758
	Производство сахара (тыс. т)	10	610	4021
	Производство текстильной промышленности (тыс. кв. м)	29581	60544	657887
Инфраструктура	Производство электроэнергии на душу населения	1000	1950	9924

	ния (индекс)			
	Электроэнергия на душу населения (кВт-ч)	6	63	520
	Протяженность дорог (км)	50367	72153	255856
	Площадь орошаемая каналами (млн. га)	7.9		22.0
Потребление	Природный газ, млрд. куб. м	0	2.9	26.1
	Автотранспорт на 1000 чел.	1	3	33
		1947	1970	2004
Потребление	Телефонная связь на 1000 чел.	0.4	2.5	33.4
	ТВ на 1000 чел.	0	1.5	26.3
Социальные индикаторы	Primary Enrolment Rate	5	22	84
	Количество населения на 1 врача	23897	4231	1397
	Количество населения на 1 медсестру	369318	13141	3261
	Уровень грамотности	11	20	54
	Смертность	N.A.	117	80
	Рождаемость	N.A.	6.3	4.0
	Население, обеспеченное чистой питьевой водой	N.A.	25	90

Короткое существование режимов в 2–3 года было недостаточным для проведения серьезной политики. Особенно ухудшилась обстановка после событий мая 1998 г., когда Пакистан впервые опробовал ядерную бомбу. Это испытание привело к его мировой изоляции и падению доверия в мире.

К концу 90-х годов страна оказалась в критическом состоянии, вызванном стагнацией в экономике, особенно касающемся его внешнего сектора. Значительно сократились переводы зарубежных пакистанцев, экспорт показывал отрицательные результаты, отложены были программы МБРР и МВФ. Все это ставило страну на грань дефолта в отношении выплат внешних долгов. Уровень бедности вновь поднялся, достигнув 32%¹.

Первыми шагами пришедшего к власти в октябре 1999 г. генерала Мушаррафа были ликвидация кризиса и уход от дефолта. Новое правительство разработало промышленную политику и наметило ряд реформ, зачастую весьма непопулярных в обществе. Были введены общий (генеральный) налог на продажи, подняты цены на нефтепродукты, предметы быта и отменены субсидии, отрицательно отражавшиеся на финансовой дисциплине и сокращении внешнего долга. МБРР и МВФ после этого возобновили различные программы. И все-таки основное внимание было сосредоточено на достижении макроэкономической стабильности, проведении ключевых структурных реформ и улучшении управления экономикой. Основными составляющими структурных реформ являются приватизация, реструктуризация финансового сектора, либерализация торговли, ускорение дерегулирования экономики и использование рыночных рычагов.

МВФ предложил Программу по ликвидации бедности в ноябре 2000 г. сроком на три года, которая достаточно успешно завершилась в декабре 2004 г. Пакистанское руководство решило не затягивать с выплатой двух траншей внешнего долга, хотя такая возможность была. МВФ также одобрил экономические реформы в стране.

Последние пять лет с момента прихода к власти П.Мушаррафа экономическая ситуация значительно улучшилась, ибо к моменту его прихода к власти состояние экономики, как отмечалось, было по существу критическим, как в региональном, так и во внутреннем плане, испытывавшем постоянную угрозу безопасности в связи с терроризмом, долговременной засухой, напряженными отношениями с Индией и высокими ценами на нефть.

В январе 2005 г. была обсуждена и одобрена промышленная стратегия, которая должна способствовать росту промышленного производства. Сердцевиной этой политики были объявлены понижение стоимости ведения бизнеса, рост инвестиций, увеличение экспорта с более высокой добавленной стои-

мостью, стимулирование мелкого и среднего бизнеса. Группа экспертов, занимавшихся разработкой стратегии, предложила пересмотреть законы, регулирующие промышленный сектор, чтобы поднять его долю в общей структуре ВВП, которая ныне достигает всего 19%². Достичь роста промышленного производства возможно, считают они, если оно будет отвечать нынешним мировым потребностям, будет конкурентоспособным. Достичь этого можно, если сокращать налоги, затраты на инфраструктуру и энергоносители, использовать современные технологии и повысить квалификацию рабочего персонала. Основным стимулом роста промышленного производства являются ассигнования на инфраструктуру, которые должны увеличиваться ежегодно.

Группа экспертов считает, что определенные успехи в промышленном секторе уже налицо: развиваются такие важные отрасли, как автомобильная и электроника, ранее закрытые или недостаточно использованные мощности возвращаются к жизни, растет доверие инвесторов как местных, так и зарубежных, приводящее к росту инвестиций.

Вместе с тем, промышленное развитие встречает ряд трудностей, которые преодолеваются с трудом. Это контроль над инфляцией, развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест и сокращение уровня бедности. Для сокращения инфляционного давления правительство решило импортировать наиболее необходимые продукты питания для наполнения рынка, сдерживать финансовую политику Центрального банка в отношении уровня инфляции. Несомненно, что на промышленную политику влияет рост мировых цен на энергоносители. И все-таки упор в реформах правительства должен делаться на инфраструктурное развитие в ежегодных программах развития, что неизбежно приведет к новым инвестициям в различных сферах экономики и росту занятости³.

В июне 2005 г. был опубликован ежегодный Обзор экономики Пакистана за 2004–2005 гг. В нем оцениваются все положительные и отрицательные показатели экономического развития за год. Среди достижений указываются, во-первых, темпы роста ВВП, достигшие 8,4% – это впервые за последние два десятилетия; во-вторых, по этому показателю Пакистан занял 2-е место в Азии после Китая (9,5%), обогнав Индию (6,9%), и достигнув уровня Сингапура. Также впервые был собран небывалый урожай хлопка (21,1 млн. т); частному сектору предо-

ставлен самый крупный кредит за все годы, МВФ начал осуществлять свои программы. Пакистан занял 4-е место после Малайзии, Катара и Бахрейна по выпуску исламских бондов (Сукук). Крупным достижением прошедшего года явилось сокращение до самого низкого уровня государственного и внешнего долга за последние 10 лет. Успехом прошедшего года был также рост дохода на душу населения на 12%, который достиг 736 долл. Однако при невыполнении показателей по сокращению бедности, этот рост говорит о дальнейшем обогащении ограниченного слоя населения за счет обнищания большинства⁴.

Наиболее тревожным показателем явился рост инфляции до 9,3%, что было самым высоким за последние 8 лет. Власти обещают уже в 2005–06 гг. значительно сократить ее за счет сдерживания бюджетного дефицита.

К отрицательным показателям за 2004–05 гг. можно отнести рост цен на нефть, в результате чего счета за ее использование достигли 50 млрд. рупий и должны возрасти еще на 700–800 млн. долл. Это крайне обременительно для пакистанской экономики.

Наряду с отрицательными показателями прошлого года к определенным достижениям можно отнести рост промышленного производства как в целом, так и в крупной промышленности в частности. Как уже указывалось, промышленный сектор составляет 18,3% ВВП, а в 2004–05 гг. темпы ее роста составили 12,5% против плана в 10,2%, хотя оказались ниже темпов предыдущего года (14,1%). В структуре промышленности крупная составляет 69,5%, но всего 12,7% ВВП, показав рост в 2004–05 гг. на 15,4% против плана в 12,2%. Высокие показатели роста крупной промышленности – это еще одно достижение прошлого финансового года. Этот рост обеспечили такие отрасли, как автомобильная – 30,1%, продукция механо-оборочных – 11,3% и неметаллургических отраслей – 15,1%, химических – 14,4%, нефтепродуктов – 14,8%, электротоваров – 54,9% (это наивысший показатель). По-прежнему высокими темпами развивались текстильные и связанные с ней отрасли – 24,5%⁵.

Пакистанские экономисты отмечают, что совершенно забыт сектор мелкого и среднего бизнеса, данные о нем не подсчитываются. Приводимые темпы роста в 6,2% повторяются все последние годы и не отражают реальное положение.

Какие же факторы повлияли на успехи крупной промышленности в 2004–05 гг.? Одним из основных явилась согласо-

ванная денежная политика, а также финансовая дисциплина, продолжение прежней промышленной политики, рост внутреннего спроса, улучшение макроэкономических показателей, твердый обменный курс, рост мирового рынка нефтепродуктов и сохранение общей положительной обстановки в стране.

Среди указанных факторов отмечается стабильная промышленная политика. Какова же ее суть в период правления П.Мушаррафа, которая позволила добиться успехов, с одной стороны, и каковы особенности структуры промышленности, с другой? Слабость пакистанской промышленности определяется недостаточной диверсификацией ее, огромной зависимостью от хлопка и текстильной промышленности. В значительной степени такая зависимость возникает из-за бесспорного давления крупных производителей хлопка и промышленных магнатов на политику и выработку решений. Текстильная промышленность получает значительную часть кредитов: в 2004 г. – 39% всех кредитных потоков в стране и 75% используемых промышленным сектором. При соответствующих подсчетах текстильная промышленность оказалась бы самой социально дорогостоящей в Пакистане.

В связи с этим режим считает необходимым диверсифицировать промышленность, обеспечив ее инфраструктурой, создав благоприятные макроэкономические показатели, а также экспортным потенциалом. Он должен максимально использовать разработанную промышленную стратегию, особенно в условиях конкуренции в глобальной экономике.

Как указывалось ранее, недостатки и трудности в промышленном развитии вызвали необходимость разработки новой стратегии ее быстрого роста. Ее авторами явились крупные специалисты министерства промышленности под руководством Иджаз Наби из МБРР. Суть новой стратегии состоит в том, что рост индустрии может быть обеспечен, если она перестанет подвергаться политическим и террористическим рискам, макроэкономическим и банковским катаклизмам, уменьшит стоимость ведения бизнеса, то есть факторам, влияющим на инвестиции в Пакистан.

Предлагаемая стратегия нацеливает промышленность на использование импортного газа и газопроводов, отдается предпочтение гидроэнергетике, сокращению подоходного и корпоративного налогов на 30% и улучшению транспортного и морского обслуживания. Для достижения заметных результатов разработчики стратегии считают, что в ближайшие 20 лет

инвестиции должны расти по 9% в год, 10 лет – по 11,5% и по 16% в ближайшие 5 лет. Это даст возможность Пакистану войти в число передовых стран Азии⁶.

Доля экспорта в ВВП Пакистана составляет 17%, что пока значительно ниже, чем в группе восточноазиатских стран. Достаточно сказать, что доля пакистанского промышленного экспорта в мировой торговле составляет всего 0,18%. И если в 80-е годы пакистанские частные инвестиции шли в ногу с уровнем индийских, то в 90-е годы они снизились. Это объясняется слишком большой долей текстильного сектора, низким технологическим уровнем, медленным ростом производительности, неконкурентоспособным экспортом и т.д. Несмотря на все прежние попытки, промышленный сектор не становится «двигателем», не способствует быстрому росту занятости и оптимизма в обществе.

Новая стратегия предполагает предоставление промышленникам различных льгот и стимулов, ведущих к снижению стоимости организации бизнеса путем сокращения налогов, развитие инфраструктуры, энергетики, среднего и мелкого бизнеса.

Большое значение в стратегии придается привлечению иностранного капитала. С этой целью министерством приватизации и инвестиций и Советом по инвестициям разработан, а Верховным судьей Пакистана одобрен проект «Модельное соглашение о развитии и защите инвестиций». Соглашение разрешает иностранным инвесторам обращаться в международные арбитражные суды в случае разногласий. Соглашение предполагает усовершенствование юридической системы. Уже в 2004 г. в различных спорах Пакистану были выставлены инвесторами штрафы в размере 850 млн. долл., что равнялось иностранным инвестициям за год.

В Соглашении предполагается свести существующие 26 законов о труде в 6 и передать 42 млрд. рупий в благотворительный фонд для поощрения рабочих, который был собран, но не использовался по назначению. Предполагается также включить Бюро по развитию экспорта в состав министерства торговли и создать Пакистанский правительственный совет по развитию торговли⁷.

Наряду с новой стратегией, в марте 2005 г. премьер-министр Шаукат Азиз объявил о широкомасштабных структурных реформах, «осмотрительных» экономических мерах, строгой финансовой дисциплине и продолжении экономической поли-

тики, которые должны обеспечить макроэкономическую стабильность и создать солидную основу для быстрого экономического роста. Эти реформы должны помочь в институциональной и управленческой дисциплине, создать конкурентный климат в стране.

Премьер уделил особое внимание сотрудничеству государственного и частного секторов в развитии экспортного потенциала, а приоритетными направлениями назвал водные ресурсы, энергетику, инфраструктуру и социальный сектор.

Как бы в ответ на предложение о новых реформах, в СЗПП впервые в Пакистане была объявлена промышленная политика. Программа предполагала освобождение от налога на недвижимость всех промышленных предприятий (как старых, так и новых объектов) в течение 5 лет; улучшение условий труда, сделав их соответствующими нормами трудового законодательства. Особое внимание в провинциальной программе отводится развитию гидроэнергетики, в частности, строительству ГЭС Малаканд-3: предполагаемый потенциал гидроузла оценивается в 81 МВт, из которых 10 мВт будут поступать на промышленное потребление объектов, расположенных в районе ГЭС⁸.

Главный министр СЗПП, представляя новую промышленную политику, заявил, что особое внимание должно быть обращено на развитие промышленных «колоний», учебные заведения в которых будут освобождены от платы за образование и обучение, а предприятия, использующие труд от 1 до 10 рабочих будут вносить в казну 10 тыс. рупий, от 11 до 20 рабочих – 20 тыс. рупий от 21 до 50 – 50 тыс. в год на социальное обеспечение, а свыше 50 рабочих – в прежних размерах. В провинции будут созданы различные промышленные советы, состоящие из представителей государственного и частного секторов, которые будут инспектировать промышленные предприятия. Особое внимание будет обращено на подготовку и использование рабочей силы и местное сырье, обеспечивающие промышленный рост. Выгодное географическое положение, определяемое близостью к рынкам центральноазиатских стран, Афганистана, Китая и государствам Персидского залива, а также наличие различного сырья и источников энергии, может способствовать экономическому росту провинции⁹.

Пока СЗПП не может «похвастаться» результатами выполнения плана создания объектов в области образования и про-

мышленности. Центральное правительство наметило создать 414 объектов, из которых 313 было завершено, а 101 – нет, главным образом из-за проволочек с одобрением проектов и выделением средств¹⁰.

Региональной политике в период правления П.Мушаррафа уделяется значительное внимание, что особенно проглядывается в предоставлении большей автономии каждой из провинций и выделении им средств через Национальный финансовый комитет (NFC Award). Однако, каждая из провинций выдвигает свой принцип финансирования: Панджаб – согласно доле населения, Синд – уровню налоговых поступлений, СЗПП – наличию отстающих районов, Белуджистан – критерию плотности населения.

Оценивая перспективы региональной политики и ее результаты, президент П.Мушарраф заявил, что справедливое распределение национальных ресурсов между провинциями необходимо, чтобы ликвидировать несправедливость прошлого и для создания гармоничного развития страны. Из-за неэффективного руководства в прошлом многие районы оказались вне внимания и остались отсталыми¹¹.

Высказывания президента подтверждаются данными Экономического ценза 2005 г., которые показали, что в стране имеется 3,2 млн. экономических объектов, из которых 64% находятся в Панджабе, 18% – в Синде, 15% – в СЗПП, 2% – в Белуджистане и 1% – в Исламабаде. Примерно также распределяются и промышленные объекты: из 583329 – 68,4% – в Панджабе, 15,9% – в СЗПП, 13,9% – в Синде, 1,4% – в Белуджистане и 0,4% – в Исламабаде. Таким образом, неравномерность промышленного развития прослеживается на основании приведенных данных¹².

Произошедшее катастрофическое землетрясение в Пакистане в начале октября 2005 г., которое несомненно приведет к неожиданным огромным расходам, ибо более 2,5 млн. чел. остались без крова, нарушена инфраструктура и т.д., может повлиять на выполнение экономических планов и бюджета на 2005–06 гг.

¹ Ishrat Husatin. Economy of Pakistan: an overview. Speech at the Expo 2005, Karachi, February 2005.

² The News, 16.01.2005; 22.03.2005.

³ The News, 28.08.2005.

⁴ Pakistan Observer, 7.06.2005; The News, 9.06.2005; Pakistan Economic Survey 2004–05. – cit. upon: The nation, 5.06.2005, 6.06.2005.

⁵ Pakistan Economic Survey 2004–05. – cit. upon: The nation, 5.06.2005.

⁶ Dawn, 14.01.2005; Pakistan Observer, 3/05.2005.

⁷ Dawn, 14.01.2005; The News, 11.04.2005.

⁸ Подробнее об экономике и промышленном развитии СЗПП см.: The News, 22.09.2004; 15.03.2005.

⁹ The News, 15.03.2005.

¹⁰ The News, 22.09.2005.

¹¹ The Nation, 31.05.2005.

¹² The Nation, 6.09.2005.

ПАКИСТАН – ИЗРАИЛЬ: ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ

Сентябрь 2005 г. ознаменовался значительными успехами Израиля на дипломатическом фронте в отношениях с мусульманскими странами. Особенно заметным это стало на пакистанском направлении.

Проблема установления отношений с мусульманскими странами стоит перед Израилем со времени его провозглашения в 1948 г. Предпосылки противостояния были заложены еще в начале XX в., когда сионистским движением стало активно поощряться переселение евреев в Палестину с целью создания там еврейского государства, что вызывало острое недовольство палестинских арабов и арабских государств.

Следующей вехой стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 г., предусматривавшая раздел Палестины на два государства: арабское и еврейское. Если еврейское население в целом поддержало этот документ, то среди палестинских арабов он был встречен крайне негативно. Арабские государства, поддержав палестинцев, заявили, что будут выступать против расчленения, сегрегации или раздела Палестины, а также против предоставления специальных и преференциальных прав и статуса меньшинству¹.

Образование же в мае 1948 г. Израиля вызвало острое противодействие мусульманских стран в целом и, в первую очередь, арабских государств региона. Этот акт рассматривался как оккупация исконно арабских земель, как угроза жизненным интересам арабских стран. Такой подход к ситуации фактически базировался на этнической солидарности арабов. Кроме того, помимо конфликта между двумя устойчивыми этносами проявлялся и религиозно-идеологический аспект противостояния.

С одной стороны, стремление евреев к созданию своего государства в Палестине основывалось на идеологии сионизма и необходимости возвращения на «святую землю», с другой, – попытки евреев легитимизировать свое присутствие в Пале-

стине воспринимались с позиций исламизма как притеснение мусульман представителями чуждой религии. Это обуславливало поддержку палестинской борьбы и другими странами мусульманского мира на основе религиозной солидарности.

Затяжной характер ближневосточного конфликта, недолговечные успехи и многократные неудачи в его урегулировании не давали возможности мусульманским странам отступить от своей позиции. Вместе с тем, высокий уровень военно-технологического развития Израиля, предполагаемое обладание им ядерного оружия, интенсификация военно-технического сотрудничества с немусульманскими странами Азии – все это создавало перманентную угрозу безопасности для большинства не признавших Израиль мусульманских стран.

В связи с этим в среде политического истеблишмента ряда мусульманских стран периодически возникали идеи признания еврейского государства. Однако можно говорить о том, что лишь в 90-х годах наметилась тенденция перехода от традиционной позиции, предусматривавшей признание Израиля лишь после создания палестинского государства, к новому подходу, предполагающему возможность постепенного налаживания контактов с этой страной уже на этапе достижения существенного прогресса в ближневосточном мирном урегулировании. Таким образом, в этих странах происходит некоторая ротация внешнеполитических приоритетов: постепенно значение исламской солидарности уступает место прагматизму во внешней политике. Заметим, что в основном это касается стран, поддерживающих тесные отношения с Западом и, прежде всего, США.

Так, в 1994 г. после достижения в Осло договоренностей по ближневосточному урегулированию дипломатические отношения с Израилем были установлены Иорданией. В 1999 г. после окончания тяжелого периода в урегулировании, связанного с жесткой позицией кабинета Б.Нетаньяху, Израиль признала и Мавритания. Несмотря на то, что Турция признала Израиль еще в 1949 г., до 90-х годов отношения оставались лишь формальными. Их реальное наполнение произошло в первой половине 90-х годов.

Следующий шанс для нормализации отношений настал лишь в 2005 г. Уход Израиля из сектора Газа, сам по себе вызвавший одобрение мировой общественности, стало возможным рассматривать и как прорыв в ближневосточном мирном

урегулировании, а, стало быть, и как повод налаживания контактов с израильским государством. Первыми к таким выводам пришли в правящей элите Пакистана.

1 сентября 2005 г. в Стамбуле прошла историческая официальная встреча министра иностранных дел Пакистана Х.М.Касури с главой внешнеполитического ведомства Израиля Сильваном Шаломом. Причем ее инициатором стала пакистанская сторона, обратившаяся к Турции с просьбой о миссии «добрых услуг». В Израиле эту встречу рассматривали как пролог к установлению дипломатических отношений с Пакистаном, а затем и с другими мусульманскими странами. С.Шалом заявил: «Мы совершили огромный прорыв... Полагаем, он будет позитивным сигналом для израильского и палестинского общественного мнения в том, что уход из сектора Газа принес определенные плоды»².

Впечатление от достигнутого успеха в дальнейшем было еще больше усилено. Через две недели после встречи министров двух стран сообщалось, что на церемонии фотографирования глав делегаций после заседания Генеральной Ассамблеи ООН президент Пакистана П.Мушарраф подошел к премьер-министру Израиля А.Шарону и обменялся с ним любезностями. Заметим, что информация о возможности встречи лидеров двух стран просочилась в прессу еще накануне, породив бурную общественную реакцию в Пакистане. Тем не менее, официальные лица сохраняли интригу в тайне в течение продолжительного времени.

На вопрос журналистов о возможности встречи П.Мушаррафа с А.Шароном министр иностранных дел Пакистана прямо ответил, что сначала необходимо проанализировать общественную реакцию на первую встречу официальных лиц двух государств³. В то же время посол Пакистана в США Дж.Карамат в интервью пакистанской газете «Доон» сообщил, что, вероятно, у лидеров двух стран будет возможность встретиться во время саммита ООН в Нью-Йорке. Ситуацию, наконец, прояснил высокопоставленный сотрудник пакистанского внешнеполитического ведомства: «Никакой запланированной встречи не будет. Лидеры двух стран окажутся в одном месте в один и тот же час и пожмут друг другу руки»⁴.

Всего через несколько дней после этой «незапланированной встречи» П.Мушарраф в рамках своего визита в США выступил в Нью-Йорке перед собранием Американского Еврей-

ского Конгресса. Касаясь вопроса о возможном признании Пакистаном Израиля, он в частности заявил: «Так как в процессе мирного урегулирования достигнуты определенные успехи по созданию независимого палестинского государства, мы предпримем дальнейшие шаги к нормализации отношений и сотрудничеству [с Израилем – С.К.], стремясь к установлению дипломатических отношений в полном объеме»⁵. Президент подчеркнул также, что у Пакистана нет прямых конфликтов и споров с Израилем, и оба государства не угрожают национальной безопасности друг друга.

Эти внешнеполитические шаги Пакистана в отношении Израиля спровоцировали широкое общественное обсуждение. В некоторых кругах их называли противоречащими идеологии Пакистана, другие рассматривали их как пролог к признанию Израиля, что соответствовало бы национальным интересам Исламской Республики.

Однако официальные лица Пакистана неоднократно подчеркивали, что признание Израиля возможно лишь после полного прекращения оккупации палестинских территорий. Состоявшиеся же контакты по существу являются жестом в сторону Израиля с тем, чтобы подчеркнуть важность, которую Пакистан придает прекращению оккупации сектора Газа Израилем и ближневосточному мирному урегулированию⁶. Кроме того, официальный представитель МИД Пакистана Р.М.Хан заявил: «Эта инициатива также соответствует той важной роли, которую Пакистан продолжает играть в исламском мире с целью поддержания мира, стабильности и содействия разрешению долговечных проблем, которые продолжают досаждают мусульманским обществам»⁷.

В то же время иногда заявления официальных властей Пакистана расходятся с этой позицией. Например, отвечая на вопросы журналистов после выступления в Американском Еврейском Конгрессе, П.Мушарраф затруднился назвать ту стадию пакистано-израильского урегулирования, на которой установление дипломатических отношений между Пакистаном и Израилем стало бы возможным⁸.

Заметим, что идеи установления официальных отношений с Израилем возникали в Пакистане и раньше. Авторитетные исследователи утверждают, что первые тайные контакты между официальными лицами двух стран по поводу возможности признания Пакистаном Израиля датируются 50-ми годами, ко-

гда пост министра иностранных дел ИРП занимал Зафарулла Хан. Впоследствии подобные встречи проводились практически при всех последующих правительствах Пакистана⁹.

Однако публично возможность пересмотра политики в отношении Израиля впервые была озвучена президентом Пакистана П.Мушаррафом в июне 2003 г. «Мы должны пересмотреть нашу политику в отношении Израиля, чтобы убедиться, что она соответствует нашим национальным интересам», – заявил президент.

Весьма показательно, что это заявление прозвучало в беседе с журналистами по окончании трехдневного визита П.Мушаррафа в США, в ходе которого президент Дж.Буш пообещал выделить Пакистану около 3 млрд. долл. в виде кредитов и грантов. При этом П.Мушарраф отверг предположение относительно того, что Вашингтон оказывает давление на Пакистан с целью признания Израиля. По его словам, каждая страна преследует свои национальные интересы. «Красота» же пакистано-американских отношений состоит в том, что обе страны имеют «общие интересы»¹⁰. П.Мушарраф также высказал убеждение, что проблема изменения политики по отношению к Израилю является предметом для дискуссий с целью выработки национального консенсуса по этому вопросу.

Через несколько дней в интервью пакистанскому телеканалу Гео ТВ П.Мушарраф добавил: «У нас нет причин для того, чтобы быть в большей степени палестинцами, чем сами палестинцы, или в большей степени католиками, чем Папа римский»¹¹.

Действительно, эти заявления президента Пакистана породили широкое общественное обсуждение как внутри страны, так и среди пакистанских диаспор за рубежом. В октябре 2003 г. П.Мушарраф заявил, что если палестино-израильское мирное урегулирование будет проходить «на основе справедливости», политический курс в отношении Израиля может быть пересмотрен¹². Это придало новый импульс дискуссиям в среде пакистанской общественности относительно целесообразности установления отношений между двумя государствами.

При этом необходимо отметить, что идея признания Израиля не вызвала резкого отторжения среди пакистанцев, как можно было ожидать. Скорее наоборот – создавалось впечатление, что необходимость вынесения этого вопроса на обсуждение назрела уже давно. Основные оппозиционные партии выступили с резкой критикой взглядов президента на возмож-

ность пересмотра политического курса страны по отношению к Израилю. Им, однако, не удалось организовать массовые акции протеста в стране.

В конце января 2005 г. впервые за более чем полувековую историю Пакистана в урдуязычной газете Джанг, весьма популярной в стране, было опубликовано эксклюзивное интервью с высокопоставленным представителем официальных властей Израиля. Свою точку зрения на перспективы установления пакистано-израильских отношений газете изложил вице-премьер правительства Израиля Ш.Перес. У наблюдателей не вызвал удивления тот факт, что вскоре нападению подверглись офисы издания в крупнейшем пакистанском городе Карачи. Удивительным стало то, что не было массовых беспорядков. В нападении приняло участие лишь около 30 человек.

Более того, это преступление вызвало в пакистанских общественно-политических кругах жесткое осуждение. Даже лидер оппозиционной исламистской фракции Муттахида Маджлис-е Амаль (Объединенный фронт действия) Х.Ахмад был вынужден осудить это нападение.

В это же время сообщалось, что премьер-министр Пакистана Ш.Азиз в кулуарах Всемирного экономического форума в Давосе провел краткую неофициальную встречу с министром иностранных дел Израиля С.Шаломом. Эта информация была подтверждена и в МИД Израиля¹³. По некоторым данным, за последние три года между пакистанскими и израильскими представителями состоялось около 30 подобных тайных встреч, которые проходили в Аммане, Анкаре, Дели, Пекине, на Филиппинах и т.д.¹⁴

Таким образом, к началу сентября 2005 г. сложилась подходящая конъюнктура для публичной встречи министров иностранных дел двух стран. С одной стороны, в Исламабаде сложилось убеждение, что это не вызовет массовых протестов общественности, с другой, – вывод израильских войск и поселений представлялся удобным предлогом для начала диалога с Израилем якобы с целью содействия дальнейшему прогрессу в палестино-израильском мирном урегулировании.

Вероятно, не последнюю роль в принятии руководством Пакистана такого решения сыграли и США. Косвенным подтверждением этому стали слова президента Всемирного банка П.Вулфовитца, находившегося в середине августа 2005 г. с визитом в Пакистане. Обсуждая масштабы оказания помощи ИРП

этим международным финансовым институтом и в будущем, в беседе с редакторами ведущих пакистанских СМИ он заявил, что ему известно о предостережениях в адрес Пакистана относительно того, что «стратегические обстоятельства [для оказания такой помощи – С.К.] могут исчезнуть». Поэтому, по его словам, «Пакистану придется все больше полагаться на привлечение внутренних ресурсов»¹⁵.

В связи с этим многие в Пакистане рассматривают вовлечение руководства страны в диалог с Израилем в контексте общего проамериканского курса внешней политики Исламабада. При этом следует учитывать, что в стране достаточно широко распространены антиамериканские настроения. Проведенные в 2000 г. опросы показали, что девять из десяти респондентов выступают против США и союза с ними¹⁶. В 2004 г. доля респондентов с антиамериканскими настроениями несколько снизилась и составила 61%¹⁷.

Вместе с тем, следует отметить, что у президента П.Мушаррафа, который несет основную ответственность за политический курс страны, сохраняется очень высокий рейтинг. По данным социологических опросов авторитетных международных институтов исследования общественного мнения, рейтинг президента составляет около 86% (данные на март 2004 г.)¹⁸. То, что население не смогло бы простить любому другому правительству, П.Мушаррафу пока удается осуществлять, не вызывая масштабных протестов и сохраняя высокий уровень доверия к своим действиям со стороны общества. Ни вступление в антиталибскую коалицию, ни стремление к нормализации отношений с Индией при консервации проблемы территориального спора не смогли повлиять на популярность президента.

Достаточно неожиданным стало то, что большинство оппозиционных партий в целом поддержали такой сдвиг во внешней политике Пакистана. Представитель второй партии по числу мест в Национальной ассамблее ИРП – Пакистанской народной партии Б.Бхутто (24% голосов) – комментируя встречу министров иностранных дел двух государств, заявил: «В новом миропорядке межконфессиональный диалог является требованием времени»¹⁹. Критике подверглось лишь то, что это решение было принято правительством Пакистана в одностороннем порядке без консультаций с парламентом. Если учесть, что пропрезидентской партии Пакистанской мусульманской лиге им. Каид-и-Азама – ПМЛ(К) – принадлежит в Национальной

ассамблее более 30% голосов, то становится очевидным, что даже без учета поддержки миноритарных партий за нормализацию отношений с Израилем выступает большинство членов нижней палаты парламента.

С жесткой критикой внешнеполитических инициатив администрации П.Мушаррафа на израильском направлении выступил блок исламистских партий Муттахида Маджлис-е Амаль (ММА), имеющий в нижней палате парламента 18% голосов. Лидер фракции Х.Ахмад заявил: «Этот шаг противоречит интересам мусульманской уммы и отражает проамериканский характер политики настоящего правительства. Он идет вразрез с политическим курсом, проводившимся со времени образования Пакистана»²⁰. Х.Ахмад, являющийся одновременно и главой ведущей пратии блока Джамаат-е ислами, призвал население выступить с демонстрацией протеста после пятничного намаза 2 сентября. С осуждением сближения с Израилем выступила и партия Наваза Шарифа Пакистанская мусульманская лига (ПМЛ[Н]), имеющая 5% мест в Национальной ассамблее. Наиболее крупные акции протеста прошли в Пешаваре (СЗПП) и Лахоре. По информации Джамаат-е ислами, демонстрации также прошли в Аттоке, Карачи, Кветте, Саргодхе, Суккуре, Хайдерабаде, Мултане и во всех дистриктах СЗПП²¹.

Однако можно сказать, что масштабы этих демонстраций носили достаточно ограниченный характер. С одной стороны, значительная часть политического спектра Пакистана поддерживает нормализацию отношений с Израилем, с другой, – людей больше волнуют бытовые вопросы, связанные с низким уровнем жизни в стране.

Согласно различным опросам общественного мнения, проведенным летом 2003 г., соотношение числа пакистанских граждан, выступающих за признание Израиля, было примерно равно числу выступающих против. По данным канала Гео ТВ, примерно половина опрошенных считала необходимым пересмотреть политический курс в отношении Израиля. Согласно он-лайн опросу группы изданий Джанг, за признание выступали 46,5% респондентов, против – 46,2% (из 1863 опрошенных)²².

В 2005 г., в соответствии с опросом Джанг²³, общественная поддержка необходимости признания Израиля несколько выросла. Хотя опрос еще не закончен, и анализ проводить затруднительно из-за небольшого числа участников (84 человека по состоянию на 3 ноября 2005 г.), тем не менее, можно попы-

таться предварительно выявить общий тренд. За признание высказалось уже 64% респондентов, против – лишь 21%. Показательно, однако, что 46% респондентов в настоящее время проживают в странах Западной Европы, Северной Америки и в Австралии, т.е. в странах с укоренившимися в политической культуре принципами демократии и секуляризма. Если же взять статистику по респондентам, проживающим в Пакистане или других мусульманских странах, то цифры получаются несколько иными. «За» – 52% опрошенных, «против» – 35%.

Поэтому при анализе такого рода опросов следует учитывать, что они отражают лишь достаточно узкую часть спектра общественного мнения – небольшой прослойки населения, получившей западное образование, что нашло свое отражение и в их политических взглядах. По официальной статистике министерства образования Пакистана уровень грамотности в стране составляет 46%, причем среди женщин лишь 26% грамотны. Некоторые аналитики отмечают, однако, что эти цифры сильно завышены, т.к. «грамотность» многих из этого числа заключается лишь в том, что они умеют писать свое имя. По этим данным, общий уровень грамотности в стране составляет лишь 26%, а среди женщин – 13%²⁴. При этом Интернетом, по последним данным, пользуется лишь 1,2% населения (не говоря уже о том, что мало у кого есть компьютеры)²⁵.

Учитывая тот факт, что ислам в стране является основной религией (его исповедует более 96% населения), огромные массы неграмотных граждан, особенно в сельской местности, при оценке различных политических событий вынуждены руководствоваться лишь проповедями полуграмотных мулл. Наиболее тяжелая ситуация в этом отношении сложилась в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане. И именно там на местных выборах в законодательные собрания в 2002 г. убедительную победу одержал блок исламистских партий ММА.

Таким образом, представляется, что степень влияния «вовлечения» Пакистана в более тесные контакты с Израилем на внутривнутриполитическую обстановку будет напрямую зависеть от уровня доверия к президенту Мушаррафу. В случае снижения его популярности оппозиции будет гораздо легче вывести на акции протеста народные массы, сыграв на религиозных чувствах населения. В свою очередь, уровень доверия к президенту зависит, прежде всего, от успехов в социально-экономическом развитии страны.

При этом следует учитывать, что на этом направлении правительство Пакистана располагает достаточно ограниченными возможностями, т.к. примерно 32% государственного бюджета расходуется на обслуживание внешнего долга (по состоянию на 31 марта 2004 г. государственный внешний долг составил 33,8 млрд. долл., или 35,7% ВВП)²⁶, 29% – на нужды обороны и 12% – на содержание бюрократического аппарата. Несложные арифметические подсчеты показывают, что на собственно социально-экономическую политику остается чуть более четверти бюджета страны.

В такой ситуации большое значение приобретает внешняя помощь в виде грантов и низкопроцентных кредитов. В Пакистане распространены убеждения, что США не оказывают стране помощь в необходимом объеме. Это проявилось и при ликвидации последствий катастрофического землетрясения, потрясшего Южную Азию в октябре 2005 г. и особенно сильно затронувшего СЗПП и контролируруемую Пакистаном часть Кашмира. ООН едва смогла собрать у международного сообщества четверть необходимой суммы. Весьма показательно, что еще в начале 2002 г. американский исследователь А.Ливен отмечал, что Соединенным Штатам для сохранения режима П.Мушаррафа следует выделять помощь в более значительных объемах²⁷.

Сдвиги во внешнеполитическом курсе Пакистане при администрации П.Мушаррафа, как отмечалось, рассматриваются в стране в контексте проамериканского крена пакистанской внешней политики. В том случае, если США не смогут компенсировать финансовыми вливаниями в экономику страны отход Пакистана от традиционного курса во внешней политике, неудачи в социально-экономической сфере будут возложены на президента Мушаррафа, что может серьезно подорвать кредит доверия к нему.

Первые открытые официальные контакты между Пакистаном и Израилем и впечатление, что возможность признания ИРП Государства Израиль впервые столь реальна, заставляют проанализировать те преимущества и недостатки, которые могут быть получены сторонами благодаря нормализации отношений.

Что касается Израиля, то его интересы в этой связи достаточно очевидны. Прежде всего, установление дипломатических отношений с Пакистаном способствовало бы укреплению его безопасности. Находясь в окружении недружественных му-

сульманских стран, он вынужден уделять значительное внимание вопросам внешней обороны. Пакистан на сегодня является единственной мусульманской страной, испытавшей собственное ядерное оружие. Хотя пакистанская атомная бомба и создавалась, в первую очередь, как средство сдерживания Индии, потенциальную возможность ее применения против Израиля полностью исключить нельзя. Некоторые израильские СМИ даже называли Пакистан вскоре после проведения им ядерных испытаний «исламской сверхдержавой»²⁸.

Более того, в сентябре 2005 г. лидер парламентской фракции ПМЛ (Н) Ч.Н.Али Хан, являвшийся одним из ближайших помощников премьер-министра Н.Шарифа в конце 90-х годов, сообщил, что за два дня до испытания Пакистаном атомной бомбы были получены разведданные, что Израиль планирует осуществить авианалет на объекты ядерной инфраструктуры Пакистана²⁹. Хотя атаки и не произошло, это достаточно ярко иллюстрирует обстановку конфронтации в отношениях двух стран того времени.

Помимо этого, установление отношений с Пакистаном создало бы благоприятный прецедент, который мог бы способствовать признанию Израиля и другими мусульманскими странами. Исламабад мог бы служить и посредником в возможных полуофициальных контактах других мусульманских стран региона с еврейским государством. Кроме того, Пакистан мог бы содействовать принятию более сдержанных резолюций на различных мусульманских форумах, таких как Организация Исламская Конференция. Проблема нормализации отношений с мусульманскими странами приобретает для Израиля особую актуальность в связи с недавним заявлением президента Ирана М.Ахмадинежада о необходимости «стереть Израиль с карты мира». В настоящее время Израиль поддерживает дипломатические отношения с Египтом, Иорданией, Турцией, Мавританией, постсоветскими мусульманскими республиками, а также с некоторыми другими мусульманскими странами.

Последствия признания Израиля для Пакистана не столь однозначны. С одной стороны, в Исламабаде возлагают надежды на то, что такой шаг позволил бы установить взаимовыгодные торгово-экономические связи между двумя странами. При этом гораздо большее значение придается возможности налаживания военно-технического сотрудничества с целью ликвидации дисбаланса в вооружениях с Индией, отчасти про-

истекающего от израильских поставок в эту страну современных систем вооружений. Кроме того, предполагается, что нормализация отношений способствовала бы созданию благоприятного имиджа Пакистана среди различных еврейских лобби, прежде всего, в США. Возлагаются надежды на то, что это позволило бы увеличить поток иностранных инвестиций в Пакистан, а также содействовало бы продвижению чувствительных для Исламабада вопросов в процессе принятия внешнеполитических решений в США, например, в области поставок современных вооружений.

Скептики, однако, утверждают, что установление дипломатических отношений между двумя странами вряд ли повлияет на ВТС Израиля с Индией, в то время как налаживания широкоформатного пакистано-израильского сотрудничества в этой области может и не произойти. Аналитики отмечают, что в связи со значительным американским технологическим компонентом в производстве израильских вооружений, Израилю необходимо получать одобрение США при экспорте военной техники. Таким образом, даже в условиях обоюдного интереса в ВТС и в Израиле, и в Пакистане, многое будет зависеть от позиции США в этом вопросе.

Что же касается возможности увеличения потоков иностранных инвестиций, то представляется сомнительным их резкий рост лишь благодаря признанию Пакистаном Израиля. В Пакистане по-прежнему сохраняется сложная военно-политическая обстановка, что оказывает негативное влияние и на инвестиционный климат страны. В связи с этим думается, что отношение потенциальных инвесторов к возможности увеличения капиталовложений в Пакистане будет скорее формироваться исходя из прагматического подхода, а не под влиянием изменения внешней политики Пакистана на израильском направлении.

Таким образом, преимущества, которые Пакистан мог бы получить, признав Израиль, представляются в этой стране весьма спорными. В то же время, внешнеполитические потери могут оказаться весьма значительными. Такой шаг Исламабада может вызвать острую негативную реакцию в других мусульманских странах и, прежде всего, арабских. На официальном уровне это может грозить Пакистану снижением уровня экономических и политических отношений, на неофициальном – уменьшением притока инвестиций и различных грантов. Кроме

того, как отмечалось выше, это может способствовать и дискредитации правящего режима внутри страны.

Показательно, что П.Мушарраф не поставил в известность парламент Пакистана о предстоящем сближении с Израилем, но провел консультации с королем Саудовской Аравии (по некоторым данным, и с рядом других арабских стран³⁰) и главой ПНА М.Аббасом. По словам президента Пакистана, оба лидера, высказавшись в поддержку стамбульской встречи, попросили его продолжать действовать на этом направлении и заявили, что Пакистан должен сыграть свою роль в разрешении палестино-израильского конфликта³¹. Официальные власти ни Саудовской Аравии, ни каких-либо других арабских стран не подтвердили, но и не опровергли эту информацию. Видимо, арабские страны действительно не возражали против такого шага Пакистана и решили оценить его последствия с точки зрения и возможного изменения своей политики в отношении Израиля.

А вот с Палестиной дело обстоит несколько по-иному. Лидер Палестинской Национальной Администрации М.Аббас сначала подтвердил тот факт, что он одобрил сближение Пакистана с Израилем, но затем назвал эти шаги Исламабада преждевременными³². Вице-премьер правительства ПНА Набиль Шаат отметил, что есть разница между тем, чтобы «известить нас или потребовать от нас "зеленого коридора"»³³. Кроме того, он заявил, что сейчас не следует делать широкие жесты в адрес Израиля, пока он в действительности не воплотит в жизнь мирный процесс, причем не только в секторе Газа, но и на Западном берегу, и в Иерусалиме³⁴. По его словам, подходящее время для такого отношения к Израилю наступит после того, как он «освободит... все оккупированные им в 1967 г. земли и решит проблему возвращения беженцев»³⁵.

Следует отметить, что в мае 2005 г. М.Аббас, находясь с визитом в Пакистане, предложил направить пакистанскую делегацию в Палестину³⁶. Однако ему, без сомнения, было известно, что официальной делегации для визита в Палестину потребуется согласие руководства Израиля, которое тот, естественно, не выдаст государству, отказывающемуся признать его существование. Сегодня, когда, по крайней мере, состоялось признание Пакистаном Израиля де-факто, получение такого разрешения уже не представляется невыполнимой задачей, и власти Пакистана пообещали выполнить просьбу лидера

ПНА. При этом, руководство ПНА называет пакистано-израильское сближение преждевременным.

Вероятно, Пакистан, оправдывая вовлечение в отношения с Израилем стремлением получить больше возможностей для поддержки палестинцев, скорее намерен использовать эту проблему для преследования собственных интересов. Палестина же, по всей видимости, гораздо больше заинтересована в том, чтобы Пакистан невольно был втянут в противостояние с Израилем, а не в переговорный процесс.

Учитывая неоднозначность возможных выгод и потерь для Пакистана в случае установления дипломатических отношений с Израилем, в настоящее время официальный Исламабад тщательно изучает *pro et contra* признания еврейского государства и с большой осторожностью осуществляет поворот во внешней политике на этом направлении.

По информации ведущей пакистанской газеты «Доон», полученной из дипломатических источников, официальным Исламабадом рассматриваются три варианта установления отношений с Израилем:

- уполномочить посольство Пакистана в одной из соседних с Израилем дружественных стран представлять Пакистан и в отношениях с Израилем;
- обмен торговыми представительствами;
- дальнейшие контакты по укреплению мер доверия, которые в итоге приведут к установлению дипломатических отношений.

При этом более предпочтительным, по информации газеты, считается последний вариант, так как в этом случае у пакистанских официальных властей будет больше времени для того, чтобы подготовить общественность к коренной смене внешнеполитического курса в отношении Израиля³⁷.

Причем первый шаг на этом направлении уже сделал Израиль. Менее чем через две недели после исторической встречи министров иностранных дел двух стран, официальный представитель МИД Израиля объявил о временном приостановлении действия требования об обязательном лицензировании импорта товаров из Пакистана³⁸. Тем не менее, этот шаг носит скорее символический характер. В настоящее время торговля Пакистана с Израилем носит чрезвычайно ограниченный характер и осуществляется в основном через третьи страны. Причем большую роль здесь играют не столько экономические ограничения, установленные двумя страна-

ми, сколько морально-психологические барьеры, вынуждающие пакистанские предприятия воздерживаться от торгово-экономических контактов с израильскими компаниями с целью сохранения делового имиджа в стране и мусульманском мире.

Как представляется, стратегический выбор Исламабада будет зависеть от того, насколько высокую цену будет готов заплатить Израиль (и / или США) за установление дипломатических отношений с Пакистаном.

Пока же Израиль получил неплохой демонстрационный эффект. На фоне вывода израильских поселений из сектора Газа произошла первая публичная встреча официальных лиц двух стран. Кроме того, вскоре после этой встречи сработал «эффект домино»: в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН с министром иностранных дел Израиля провели переговоры главы внешнеполитических ведомств Индонезии и Катара. Бахрейн в конце сентября заявил о снятии эмбарго на поставку израильских товаров (примечательно, что это является условием Соглашения о свободной торговле, заключенного между Бахрейном и США несколько ранее). Сообщается и о намерении Кувейта предпринять такой же шаг³⁹.

Нормализация отношений с мусульманскими странами позволяет Израилю продемонстрировать мировому сообществу свое стремление к миру, а также в какой-то мере компенсировать негативный внутривнутриполитический эффект от ликвидации поселений в секторе Газа.

Что касается Пакистана, он тоже получил некоторые выгоды от первых официальных контактов с Израилем. Прежде всего, выступив с предложением об официальной встрече глав внешнеполитических ведомств двух стран, он взял инициативу в свои руки, в целом не отказавшись при этом от своей прежней позиции по ближневосточному конфликту. Таким образом он подчеркнул, что не занимает антисемитских позиций, не испытывает враждебных чувств по отношению к Израилю. В то же время это позволило ему несколько укрепить свои позиции на международной арене: Исламабад-де стремится внести сильный вклад в ближневосточное урегулирование. То, что его примеру последовали и другие мусульманские страны косвенно подкрепило его амбиции к лидерству в мусульманском мире.

Увязка признания Израилем с созданием палестинского государства соответствует положениям резолюций ООН и подчеркивает уважение Пакистаном международного права. Здесь

уместно сопоставить ближневосточный конфликт с проблемой Кашмира, судьба которого в соответствии с резолюциями ООН должна была определяться на основе референдума. Таким образом, демонстрируя приверженность международному праву в решении мирным путем палестино-израильского конфликта, Пакистан косвенно указывает и на необходимость придерживаться подобных принципов в решении пакистано-индийского территориального спора.

Кроме того, эта внешнеполитическая инициатива может принести и дополнительные бонусы лично президенту Пакистана П.Мушаррафу. Позиционируя себя в качестве секулярного лидера мусульманской страны, стремящегося к мирному урегулированию региональных конфликтов и к межконфессиональному диалогу, он может в какой-то мере нейтрализовать остроту обвинений в свой адрес относительно сохранения за собой поста начальника штаба сухопутных сил, что противоречит демократическим принципам.

Пакистан сделал первый ход на шахматной доске в партии с Израилем. Теперь Израиль должен доказать свою приверженность мирному урегулированию и международному праву. Таким образом, даже если в долгосрочной перспективе состоявшиеся официальные контакты между Пакистаном и Израилем успеха не принесут, Исламабад сможет отнести это исключительно на счет последнего.

¹ Организация Объединенных Наций и вопрос о Палестине. Издание Департамента общественной информации ООН. DPI/1481. – Ноябрь 1994. – С. 3–4. Цит. по Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: К созданию системы коллективной безопасности. – М., 2001. – С. 22.

² Hasan W.Sh. On Way to Recognizing Israel. // <http://www.nation.com.pk/daily/sep-2005/20/columns1.php>

³ Kasuri Defends Israel Contacts: Move to Create Diplomatic Space. // <http://www.dawn.com/2005/09/13/top6.htm>

⁴ Musharraf, Sharon in Corridor Encounter. // <http://www.dawn.com/2005/09/15/top2.htm>

⁵ Haider M., Iqbal A. Musharraf Links Israel Ties to Palestine State. // <http://www.dawn.com/2005/09/19/top1.htm>

⁶ См., напр, Akhlaque Q. Istanbul Meeting a ‘Gesture’ to Israel; Talks Do not Imply Recognition: Riaz. // <http://www.dawn.com/2005/09/02/top3.htm>;

Pakistan not to Recognize Israel until Establishment of Free Palestinian State. // APP, 02.09.2005.

⁷ Akhlaque Q. Istanbul Meeting a 'Gesture' to Israel; Talks Do not Imply Recognition: Riaz. // <http://www.dawn.com/2005/09/02/top3.htm>

⁸ Haider M. Op. cit.

⁹ См. Казми С.И. Пакистан Израиль «рабтэ» йа «дости»? // Джанг, 23.09.2005; Kumaraswamy P.R. Beyond the Veil: Israel-Pakistan Relations. / Jaffee Center for Strategic Studies, Memorandum #55. – Tel Aviv: JCSS, Tel Aviv University, 2000. – 83 p.

¹⁰ Iqbal A., Haider M. Musharraf Says no Threat to Assemblies. // <http://www.dawn.com/2003/06/28/top1.htm>

¹¹ Israel and Pakistan. // www.zackvision.com/weblog/archives/entry/000338.html

¹² Hasan W.Sh. On Way to Recognizing Israel. // <http://www.nation.com.pk/daily/sep-2005/20/columns1.php>

¹³ Iqbal A. Analysis: Pakistan, Israel Put out Feelers. // <http://www.washtimes.com/upi-breaking/20050131-043554-6432r.htm>

¹⁴ Казми С.И. Пакистан Израиль «рабтэ» йа «дости»? // Джанг, 23.09.2005.

¹⁵ Ziauddin M. Pakistan Has to Raise Internal Resources: WB. // <http://www.dawn.com/2005/08/18/top3.htm>

¹⁶ One Year of the Government. October 1999 – October 2000. Report to the Nation. – Islamabad, 2000. Цит. по: Москаленко В.Н. Политический ислам в Пакистане. // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 18. – М.: 2003. – С. 29.

¹⁷ A Year after Iraq War. Pew Research Center for the People & the Press Survey Reports. // <http://people-press.org/reports/print.php3?PageID=796>

¹⁸ A Year after Iraq War. Pew Research Center for the People & the Press Survey Reports. // <http://people-press.org/reports/print.php3?PageID=796>

¹⁹ PPP Comments on Meeting between Pakistani and Israeli Foreign Ministers. // http://www.ppp.org.pk/news_events/Sep/2-9-2005.html

²⁰ Haeri S. Pakistan and Israel Deal Iran a Blow. // http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/GI03Df01.html

²¹ Kasuri-Shalom Meeting First Step towards Recognition of Israel: MMA. // <http://www.paktribune.com/news/index.php?id=117852>

²² Israel and Pakistan. // www.zackvision.com/weblog/archives/entry/000338.html

²³ <http://www.jang.com.pk/thenews/vf/q43.htm> Nov3

- ²⁴ Latif A. Alarming Situation of Education in Pakistan. // <http://www2.unesco.org/wef/en-news/pakistan.shtm>
- ²⁵ Internet Usage and Population in Asia. // <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm#asia>
- ²⁶ State Bank of Pakistan Annual Report FY04. – Islamabad, 2004. – P. 116.
- ²⁷ Lieven A. The Pressures on Pakistan. // Foreign Affairs. – 2002. – Vol. 81, № 1. – P. 107.
- ²⁸ Israel Channel 2 Television, 19.06.98. Cited at Kumaraswamy P.R. Beyond the Veil: Israel-Pakistan Relations. / Jaffee Center for Strategic Studies, Memorandum #55. – Tel Aviv: JCSS, Tel Aviv University, 2000. – P. 16.
- ²⁹ ‘Pakistan Faced Israeli Threat before Nuke Test’. // http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=story_7-9-2005_pg7_44
- ³⁰ Akhlaque Q. Istanbul Meeting a ‘Gesture’ to Israel; Talks Do not Imply Recognition: Riaz. // <http://www.dawn.com/2005/09/02/top3.htm>
- ³¹ Shahid S. Saudi King, Abbas Supported Meeting: Musharraf. // <http://www.dawn.com/2005/09/02/top2.htm>
- ³² Akhtar Sh. Premature Initiative. // <http://www.dawn.com/2005/09/19/ed.htm>
- ³³ Bidwai P. Cosying up to Israel. // <http://www.jang.com.pk/thenews/sep2005-daily/10-09-2005/oped/o5.htm>
- ³⁴ Siddiqui T. Wisdom of Contact with Israel. // <http://www.dawn.com/2005/09/09/op.htm>
- ³⁵ First Official Talks Held with Israel: Stand on Palestine Unchanged: Kasuri. // <http://www.dawn.com/2005/09/02/top1.htm>
- ³⁶ Kasuri ‘to Meet Israeli Minister’. // <http://www.dawn.com/2005/09/01/top3.htm>
- ³⁷ Iqbal A. Options on Ties with Israel under Study. // <http://www.dawn.com/2005/09/05/top2.htm>
- ³⁸ Israel Waives Import License for Goods from Pakistan. MFA Press Release. 12 September 2005. // <http://www.mfa.gov.il/>
- ³⁹ Bahrain, Kuwait to Mend Israeli Ties. // <http://www.khaleejtimes.com/>, 24.09.2005.

**ПАКИСТАН В ЗОНЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ:
ФОРМЫ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ,
РАЗМЕР УЩЕРБА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ**

Исторически сложилось, что в 1947 г. в ходе раздела Британской Индии на два независимых государства к Пакистану отошли опасные в сейсмическом отношении предгорья Гималаев, равно как и самые обводненные участки Индо-Гангской равнины. Западнему Пакистану достались горные районы, а также среднее течение и низовья долины Инда с мощной ирригационной системой, а Восточному – основные районы дельтовой низменности Ганга и Брахмапутры. Естественно, что наряду с богатым природным потенциалом (плодородные аллювиальные почвы и обильные водные ресурсы), необходимым для развития мощного орошаемого земледелия, в качестве наследства от колониальной Индии Пакистан получил и проблему крупных стихийных бедствий (наводнения, засухи, землетрясения).

Особенно остро проблема сильнейших наводнений наблюдалась на территории Восточного Пакистана, где значительная часть сельскохозяйственных угодий (посевы риса, джута, сахарного тростника) издавна располагалась на относительно низкой высоте (от 1 до 20 м над уровнем моря) и, соответственно, постоянно затапливалась вследствие речных паводков и муссонных приливов. Так, наводнение 1970 г., приведшее к гибели 500 тыс. чел. в Восточном Пакистане, было включено в список самых разрушительных природных катастроф в истории человечества¹. В этом же списке стоит и наводнение 1991 г. (138 тыс. погибших), однако эта стихийная катастрофа в дельте Ганга – Брахмапутры произошла уже через 20 лет после того, как на территории Восточного Пакистана образовалась независимая Народная Республика Бангладеш. Ежегодные наводнения в низовьях Ганга по-прежнему уничтожают значительную часть посевов, вызывают огромную

эрозию почв, разрушают жилища, ведут к гибели людей в Бангладеш².

После 1971 г. и отделения восточной провинции, основное внимание всех гидромелиоративных служб Пакистана оказалось сосредоточенным на водных ресурсах долины Инда. Следует в этой связи отметить, что северо-западные районы Британской Индии, на территории которых был образован Западный Пакистан, издавна отличались сильными половодьями и наводнениями, которые приводили к крупным потерям в сельском хозяйстве, разрушению дорог и домов, равно как и к человеческим жертвам.

Так, например, за 1875–1946 гг. в провинции Синд было зафиксировано 11 крупных наводнений, в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) – 9, в Панджабе – 8³. После приобретения Пакистаном независимости наводнения участились (что связывалось с интенсивной вырубкой лесов в Гималаях в годы второй мировой войны) и, начиная со второй половины XX в., стали почти ежегодными⁴.

Наводнение в Синде и особенно на реках Панджаба, начавшееся в середине августа 1973 г., было беспрецедентным за последние 100 лет. Вышедшая из берегов, вследствие продолжительных дождей в Кашмире, река Инд и ее притоки, разрушив защитные дамбы и плотины, затопили более 50 тыс. кв. км территории Панджаба – основного сельскохозяйственного района Пакистана. Следует отметить, что на Инде прорывы дамб особенно опасны в низовьях, где в результате отложения наносов в русле уровень воды в реке может подниматься местами на 10–15 м выше окружающей местности. 22 города и более 10 тыс. деревень оказались под водой. Полностью или частично были разрушены около миллиона домов, транспорт и связь оказались прерваны почти на половине площади страны. 8 млн. чел. остались без крова, свыше тысячи утонуло. Особенно тяжелый урон хозяйству нанесла гибель не менее 25% посевных площадей, занятых в Панджабе хлопчатником – главной экспортной культурой страны. Ущерб, нанесенный сельскому хозяйству, составил 2,5 млрд. пакистанских рупий (300 млн. долл.)⁵.

Наводнение показало внутреннюю слабость экономики Пакистана, определяемую зависимостью от природных факторов и узкой экспортной специализацией как сельского хозяйства, так и всей экономики страны.

После наводнения 1973 г. правительство предприняло целый комплекс мер по восстановлению разрушенного хозяйства. В Панджабе и Синде общая стоимость ремонта и реконструкции ирригационной системы, восстановления защитных дамб, дорожно-транспортной сети и линий электропередач составила 331 млн. пакистанских рупий (40 млн. долл.). На восстановление жилья, школ и больниц было затрачено соответственно 900 млн., 70 млн. и 9 млн. рупий⁶. Одновременно были разработаны специальные программы, нацеленные на борьбу со стихией, укрепление системы защитных дамб и регулирование речного стока в будущем. В 1975 г. была создана Комиссия по наводнениям, которая должна была разработать программу предотвращения наводнений или, по крайней мере, сокращения их масштабов и интенсивности. На практике же функции комиссии ограничивались системой прогнозирования предполагаемых бедствий и разработкой программ по восстановлению уже причиненных разрушений.

Следует особо отметить, что в Пакистане нет условий для рационального и эффективного использования водных ресурсов по назначению – на нужды ирригации, энергетики, коммунального хозяйства. Это связано с тем, что проблемы ирригации, сельскохозяйственного развития и энергетики рассматриваются различными министерствами и департаментами, не связанными друг с другом даже на федеральном уровне. При подобной многоступенчатой разноминистерственной системе планирования и управления водным хозяйством государство сталкивается с постоянными трудностями в области обеспечения эффективности использования имеющихся гидроресурсов. Так, например, специальное обследование, проведенное в конце 70-х годов, показало, что государство не справляется с обеспечением планомерного распределения оросительной влаги в течение сельскохозяйственных сезонов. В целом распределение и использование воды на ирригационные нужды протекает крайне неравномерно. Значительный перерасход воды наблюдается в период весеннего паводка (хотя имеются потенциальные возможности сдерживать сезонные избытки в резервуарах и специальных запрудах), а в течение вегетационного периода, когда потребности в орошении особенно высоки (и от их удовлетворения зависит основной урожай), наблюдается острый дефицит воды⁷.

Низкая эффективность существующей системы государственного контроля и управления водным хозяйством ведет к неравномерности в распределении ирригационной воды не только по сельскохозяйственным сезонам, то есть во времени, но и в пространственном отношении. Непропорциональное распределение воды между четырьмя провинциями, равно как и между отдельными округами ведет к обострению диспропорций между различными районами, что, в свою очередь, обуславливает обострение внутривластных противоречий.

Естественно, что основные ирригационные сооружения (каналы, плотины, водохранилища, резервуары) сконцентрированы в долине Инда, то есть в Панджабе (64,5%) и Синде (19,4%), в то время как на СЗПП и Белуджистан приходится лишь 16%. Вместе с тем, основные ирригационные программы, нацеленные на реконструкцию и расширение оросительной системы, также большей частью ограничиваются Панджабом.

Наглядным примером обострения социально-политических противоречий в связи с распределением гидроресурсов между провинциями является проект строительства Калабагской плотины. Разработанный первоначально в 1953 г., этот проект был предан забвению до тех пор, пока осенью 1985 г. администрация США не предложила Пакистану финансовую и техническую помощь. Плотина должна быть сооружена в 193 км вниз по течению от плотины Тарбела, в месте слияния Инда с его притоком рекой Сохан. Производство электроэнергии на ГЭС должно составить 3600 МВт/час. Водохранилище будет занимать площадь в 280 тыс. кв. км, строительство плотины даст возможность дополнительно оросить 30 млн. га земли⁸.

Сразу после оглашения проекта строительства Калабагской плотины с его резкой критикой выступили жители СЗПП, Синда и Белуджистана, полагающие, что Панджаб стремится установить контроль над водой Инда, чтобы проводить мелиорацию своих земель. Электроэнергия, произведенная на Калабагской ГЭС, также будет использоваться в основном в Панджабе. Строительство плотины окажет негативное воздействие на окружающую среду в СЗПП: значительная часть округов Нюшехр и Пешавар будет затоплена, а округ Мардан превратится в болото. Строительство плотины окажет негативное воздействие и на доступность воды для мелиоративных работ в Синде и Белуджистане.

Однако параллельно существует и диаметрально противоположное мнение. В разработанном проекте указывается, что Калабагская плотина должна будет заменить плотины Мангла и Тарбела, которые были построены соответственно в 1967 и 1974 гг. и постепенно выходят из строя. Поэтому, с точки зрения зарегулирования речного стока и борьбы с возможными наводнениями в масштабах всей страны, Калабагская плотина заслуживает положительной оценки. Пока вопрос о Калабагской плотине остается открытым, однако правительству будет трудно найти какое-либо компромиссное решение, учитывая все возможные последствия строительства (как природно-экологические, так и политические). Но если политические противоречия по-прежнему ограничиваются беспросветными дебатами на федеральном и провинциальных уровнях, то природная динамика уже давно и во многом подчинена глобальным тенденциям.

Так, например, уже доподлинно известно, что необратимое таяние ледников в Гималаях (где зарождаются главные реки Индостанского полуострова и где расположены их основные площади водосбора) грозит экологической катастрофой не только Пакистану, но также Индии, Китаю, Непалу и Бангладеш. Согласно докладу Всемирного фонда дикой природы (*World Wildlife Fund, WWF*), ускоренное таяние гималайских ледников может сначала привести к катастрофическому наводнению в этих странах, а затем, наоборот, вызвать сильнейшую засуху, лишив тем самым сотни миллионов людей доступа к питьевой воде. Отсутствие же пресной воды может привести к наступлению голода. Доклад *WWF* был опубликован 14 марта 2005 г. в Великобритании на встрече министров окружающей среды и энергетики «Большой восьмерки», посвященной вопросам глобального потепления⁹.

Можно с определенной долей уверенности предположить, что сильные засухи, обрушившиеся на весь полуостров Индостан в 2000–2004 гг. явились следствием глобальных климатических изменений. Ущерб Южной Азии от последних засух был весьма высок. Так, вследствие сильной засухи в мае-июне 2003 г., охватившей всю Южную Азию, в Индии погибло 1210 чел., в Пакистане – 50, Бангладеш – 40. Брюссельский научный центр по эпидемиологическим катастрофам возвел это стихийное бедствие в разряд крупнейших мировых природных катаклизмов за 2003 г.¹⁰

В Пакистане, где основные засушливые пики приходились на период вегетации хлопчатника (с мая по октябрь, то есть сезон *хариф*), в основном пострадали поля именно под этой главной технической и экспортной культурой. Так, в 2002 г. посевная площадь под хлопчатником сократилась на 10,0%, а собранный урожай – на 3,8%¹¹. Если в 90-е годы в сельскохозяйственном производстве наблюдался неуклонный рост – в среднем на 4,5% в год, то в 2000–01 и 2001–02 финансовом году ущерб от засушливых сезонов привел к спаду соответственно на 2,54 и 0,07%¹².

Наиболее контрастным для сельского хозяйства, равно как и для всего населения Пакистана, оказался 2003 г., когда после катастрофической июньской засухи на страну в июле-августе обрушилось сильное наводнение. В результате, основные посевы хлопчатника пропали под водой, оказались размыты многие транспортные магистрали, без крова остались тысячи сельских жителей, погибли 230 чел.¹³

Пакистан, по-видимому, оказался одним из первых государств, которое, вступив в третье тысячелетие, уже напрямую испытало на себе все катаклизмы глобального потепления. Похоже, что эта тенденция не только остается постоянной (катастрофические, но не столь частые засухи и наводнения наблюдались здесь на протяжении веков), но и неуклонно усиливается. Это относится не только к Пакистану, но и ко всему региону Южной Азии, как, впрочем, и к мировому сообществу в целом. Естественно, что бороться с такими катастрофами можно только сообща, используя мировой опыт и международную поддержку.

После четырехлетнего периода спада в 2004–05 финансовом году положение в сельскохозяйственном производстве стабилизировалось – рост составил 7,5% в основном за счет высоких урожаев хлопчатника (14,6 млн. кип) и пшеницы (21,1 млн. т). Это произошло, благодаря возможности расширения посевных площадей (в целом на 7,8% под этими двумя основными культурами) и улучшению погодных условий¹⁴. Положение с естественным увлажнением значительно улучшилось по сравнению с 2003–04 финансовым годом, однако все еще не достигло оптимального уровня. Доступность воды для сезона *хариф* (для таких культур, как рис, сахарный тростник и хлопчатник) оставалась на 12% ниже нормального уровня потребностей. Доступность воды для сезона *раби* (с ноября по март-апрель, то

есть в основном для пшеницы) на март 2005 г. оставалась на 36,5% ниже нормы. Положение улучшилось после обильных зимних дождей в январе-марте 2005 г. Предполагалось, что интенсивные снегопады в горных районах за аналогичный период, позволят заполнить резервуары в течение летнего периода и обеспечить страну достаточными запасами воды для сезонов *раби* и *хариф* на 2005–06 финансовый год¹⁵.

Однако стихийные бедствия, к сожалению, не ограничиваются наводнениями и засухами, с которыми все чаще сталкивается большинство районов Земли. События последних лет вновь напомнили о тех катастрофических жертвах и масштабах материального ущерба, которые влекут за собой сильные землетрясения как в сейсмически активных горных районах, так и на морском дне. Интересно в этой связи проследить не только хронологию сейсмической активности (толчки в различных районах Земли на стыке литосферных плит происходят постоянно), но и географию крупнейших землетрясений в Евразии за 2002–2005 гг.

Среди геологических потрясений 2002 г. выделялись три крупных в Афганистане (3 марта, погибли 254 чел.; 25 марта, погибли 1000 чел.) и одно в Иране (22 июня, погибли 227 чел.).

24 февраля 2003 г. произошло землетрясение силой 7,9 баллов по шкале Рихтера в Китае, на границе с Киргизией и Таджикистаном. Погиб 261 чел., ранено более 4 тыс., разрушено более 9 тыс. домов. 1 мая 2003 г. толчки такой же силы вызвали катастрофу на Востоке Турции, где в провинции Бингель погибли 177 чел., еще 521 получил ранения. 21 мая на севере Алжира произошло землетрясение силой около 7 баллов, погибли 538 чел., около 5 тыс. получили ранения. 23 июля на Алеутских островах были зарегистрированы толчки силой 7,2 балла. Жертв и разрушений не было, поскольку там никто не жил. Более сильное землетрясение произошло 25 сентября 2003 г. близ острова Хоккайдо, которое сопровождалось разрушениями, пожарами и цунами по всему побережью Японских островов. Жертв практически не было, благодаря постоянной готовности к подобным бедствиям. В Японии сейсмическая служба заранее отметила слабые толчки – предвестники большого землетрясения и успело предупредить население. Служба оповещения, получив от сейсмостанций сигнал о регистрации землетрясения, немедленно распространило эту информацию по всем «заинтересованным» районам. Спустя двое суток мощное

землетрясение силой в эпицентре 9 баллов было зарегистрировано в России на территории Горного Алтая. Человеческих жертв не было, но только вследствие редкой заселенности горных районов.

2004 год с точки зрения сейсмической активности был относительно спокойным: крупные землетрясения были зафиксированы лишь в Марокко и Японии. Жертвами Марокканского землетрясения, которое произошло на рассвете 24 февраля, стали около 600 чел. 21 мая 2004 г. землетрясение силой 6,7 балла было зафиксировано в Алжире – погибли более 2 тыс. чел. В Японии же, где в конце октября были зафиксированы те же, что и в Марокко 6 баллов, погибших было гораздо меньше – 21 чел. На севере страны 300 подземных толчков разрушили сельские дома, повредили электроснабжение и газопроводы, чем были вызваны многочисленные пожары. Еще одна серия подземных толчков в том же районе в начале ноября вызвала автоматическую остановку одного из реакторов местной АЭС. Утечки радиации зафиксировано не было. Жертв не было.

Катастрофическое цунами 26 декабря 2004 г. началось с землетрясения силой 8,9 баллов по шкале Рихтера в северной части острова Суматра в Индонезии. Затем в течение нескольких часов в акватории Индийского океана была зафиксирована целая серия толчков. Первое землетрясение вызвало цунами, которое поразило не только расположенные недалеко от эпицентра территории, но с огромной скоростью прошло на запад через Индийский океан, в течение нескольких часов, преодолев расстояние в 1,5 тыс. км.

Больше всего от цунами 26 декабря 2004 г. пострадали Индия, Индонезия, Шри-Ланка и Таиланд. Стихия унесла жизни более 170 тыс. чел. Беспрецедентная многочисленность жертв объяснялась тем, что в акватории Индийского океана отсутствуют специальные службы оповещения об опасности цунами, подобные тем, которые действуют в Тихом и Атлантическом океанах, наиболее часто подверженных таким бедствиям.

Австралия направила в зону бедствия медикаменты, предметы первой необходимости, а также денежные средства на общую сумму в 904 млн. долл. Германия перечислила 660 млн. долл., Япония – 550 млн., США – 350 млн. Россия предоставила гуманитарную помощь на сумму более 9 млн. долл. В Индонезию и Шри-Ланку были также доставлены мобильные госпитали и российские врачи-эпидемиологи. Следует особо отметить, что Па-

кистан, со своей стороны, предоставил самолет с гуманитарным грузом на сумму 170 тыс. долл., включая палатки, медикаменты, питьевую воду и продукты питания. В ликвидации последствий цунами также участвовали 19 пакистанских медиков¹⁶.

22 февраля 2005 г. землетрясение силой 6,4 балла произошло на юго-востоке Ирана, число жертв составило 790 чел. 30 тыс. остались без крова. Пострадали 40 населенных пунктов, 20 из них были практически стерты с лица земли. Больше всех пострадал город Заранд в провинции Керман. Спасательные работы велись силами Корпуса стражей исламской революции и народного ополчения «Басидж». Активно работали представители Красного Креста и Красного Полумесяца. В зону стихийного бедствия по воздушному мосту Тегеран – Заранд были доставлены палатки, одеяла, обогревательные приборы, продовольствие, медикаменты.

23 февраля 2005 г. толчок в 5,6 балла был зафиксирован в Индийском океане у Андаманских островов, вблизи эпицентра землетрясения, породившего 26 декабря 2004 г. трагическое цунами. Ученые прогнозируют повышенную сейсмическую активность в этом регионе, поскольку в зоне эпицентра обнаружены мощные тектонические разломы.

Что же касается уже свершившихся катастроф, то, по мнению сейсмологов, землетрясения в Алжире, Турции и Марокко произошли на стыке Аравийской и Евразийской литосферной плит. Землетрясения в Афганистане, Иране, Китае, Японии, Индийском океане были зафиксированы на стыке Евразийской и Индокитайской плит, разлом между которыми тянется от Центральной Азии через Гималаи и Горно-Алтайский пояс до Японии и Индонезии.

Пакистан, а точнее его северные предгималайские районы, находятся в самом центре этой гигантской дуги сейсмической активности, протянувшейся от Алжира до Индонезии. Об этом свидетельствуют не только сильные землетрясения последних лет в соседних странах (Афганистан, Иран, Китай), но и геологическое прошлое самого Пакистана. Считается, что крупные землетрясения происходят в сейсмоактивных районах со средней периодичностью в двести лет. В течение прошлого столетия на территории современного Пакистана произошло два крупных землетрясения: в 1905 г. силой 7,8 балла в Кашмире недалеко от индийского города Кангра и в 1935 г. в Белуджистане, когда Кветта была почти полностью разрушена, погибло

около 20 тыс. чел. Учитывая историю последних 100 лет, сейсмическая служба Пакистана наиболее опасными рассматривала районы Гилгит, Читрал и Кветта. Поэтому, с точки зрения процессов движения литосферных плит, а также согласно современным картам геотектонических колебаний и повышенной сейсмоактивности, трагическое землетрясение в пакистанском Кашмире в октябре 2005 г. нельзя назвать неожиданным.

8 октября 2005 г. в 8.56 по местному времени на севере Пакистана произошло мощное землетрясение. Эпицентр находился в местечке Ури в 20 км к северо-западу от столицы Азад Кашмира (пакистанской части Кашмира) города Музаффарабада, в 95 км – от Исламабада и в 200 км от столицы СЗПП Пешавара. Сила подземных толчков составила 7,6 баллов. После основного толчка в тот же день, то есть в субботу, на территории Азад Кашмира и СЗПП был зарегистрирован еще 101 толчок, 122 – в воскресенье, 75 – в понедельник и 26 к 12 часам во вторник. Сила последующих толчков колебалась от 4 до 6,2 балла¹⁷.

Мощные подземные толчки ощущались в Кабуле и Дели. В Афганистане необычайно сильное землетрясение вызвало массовую панику. Серьезные разрушения наблюдались в индийской части Кашмира, где сила подземных толчков была несколько меньшей, однако и здесь число погибших составило не менее 1460 чел.¹⁸ Подземные толчки силой до 5,5 балла были зафиксированы даже в Таджикистане.

Однако больше всего от землетрясения пострадали северные районы Пакистана. В пакистанской части Кашмира с лица земли были стерты целые деревни, построенные из непрочного необожженного кирпича-сырца. В СЗПП были разрушены около 8 тыс. школ; в округе Маншера при обрушении двух школ погибло более 400 детей¹⁹.

Столица Азад Кашмира город Музаффарабад был разрушен практически полностью – непрочные здания не выдержали подземных толчков. Пакистанская пресса назвала Музаффарабад «городом мертвецов». Как и во многих других городах Пакистана, дома в Музаффарабаде построены из сырцового кирпича. От толчков они полностью разрушились. Примерно половина города превратилась в руины, в том числе все четыре городские больницы. Аналогичная судьба постигла и кашмирский город Балакот. По первоначальным данным, в Музаффарабаде насчитывалось 11 тыс. погибших.

10 октября премьер-министр Шаукат Азиз объявил, что количество жертв стихийного бедствия превысило 30 тыс. человек, 43 тыс. пакистанцев получили ранения. По оценкам ООН, без крыши над головой осталось около 2,5 млн. чел. Однако эта цифра продолжала расти по мере поступления информации из отдаленных горных районов страны. Уточнялось и количество пострадавших – по данным оперативного штаба, ранения получило более 40 тыс. чел.

По данным ООН на 15 октября (то есть спустя неделю после землетрясения), более 3 млн. людей оставались без крова, притом, что 500 тыс. пострадавших, включая 120 тыс. детей, по-прежнему не были доступны для спасателей. По самым неблагоприятным прогнозам международных экспертов, уже в течение ближайшего месяца более 10 тыс. людей могут умереть от голода, инфекционных болезней и переохлаждения²⁰. Особая опасность видится в том, что в горных районах в начале ноября уже были зафиксированы ранние ночные заморозки, а вся приближающаяся зима прогнозируется довольно суровой.

17 октября министр внутренних дел Пакистана Афтаб Шерпао огласил новые официальные данные по количеству жертв недавнего разрушительного землетрясения. По его словам, в пакистанской части Кашмира погибли 41 тыс. чел. Количество лишившихся крова превысило 3,3 млн. чел. Министр внутренних дел соседней СЗПП сообщил, что в этом регионе жертвами стихии стали еще 13 тыс. чел. Таким образом, общее число погибших уже могло превысить 50 тыс. чел., однако эти данные центральными властями подтверждены не были. В тот же день премьер-министр Пакистана Шаукат Азиз обнародовал Программу из 12 пунктов по ликвидации последствий стихийной катастрофы²¹.

По данным на 7 ноября 2005 г. число жертв составило уже 87 тыс. чел., без жилья остались 3,5 млн. пакистанцев. Впрочем, достоверность даже самых последних цифр вызывает сомнение, поскольку некоторые районы страны по-прежнему оставались отрезанными от центра. По оценкам газеты *Nation*, число жертв может достигнуть 200 тыс.²²

На базе вооруженных сил Пакистана, которые также понесли небоевые потери от землетрясения, были созданы мобильные бригады спасателей. Однако эвакуация пострадавших осложнялась тем, что многие северные территории, в том числе Азад Кашмир, оказались отрезаны от остальной страны:

спасатели не могли добраться туда из-за селевых потоков и оползней, перерезавших дороги. Пока инженерные войска и местные жители расчищали проезд, воду, продукты и одеяла в горные поселения доставляли лишь и ослы немногочисленные вертолеты. Чаще всего военным приходилось просто сбрасывать медикаменты и продукты с воздуха, так как вертолетные площадки в горах практически отсутствуют.

Метеорологические службы Пакистана назвали прошедшее землетрясение одним из самых сильных за всю историю региона. Президент Первез Мушарраф и премьер-министр Шаукат Азиз обратились за помощью к мировому сообществу. В стране был объявлен трехдневный траур.

Еще 8 октября президент Пакистана заявил, что его страна примет любую помощь от международного сообщества. Свои услуги Пакистану сразу же предложили столько стран, Генсек ООН Кофи Аннан заявил о направлении в зону бедствия представителей ООН для координации деятельности иностранных спасателей. Наибольшую сумму выделили США – 50 млн. долл., 3,6 млн. евро направила Пакистану Еврокомиссия, 500 тыс. фунтов – Великобритания, 1 млн. евро вы платила Германия, 6,2 млн. долл. – Китай²³. США отправили в районы бедствия четыре самолета с гуманитарной помощью и сорок восемь военных вертолетов для доставки грузов в труднодоступные районы. Кроме того, на месте американские эксперты начали работать над определением масштабов бедствия, изучая район катастрофы при помощи беспилотных летательных аппаратов. Помощь пострадавшей стране направляется и из мусульманских регионов: Малайзия объявила о выделении 1 млн. долл., Иран включился в переброску в Исламабад самолетами гуманитарных грузов²⁴. Китай отправил в Пакистан команду в составе 49 спасателей. Как сообщили власти КНР, это специалисты-сейсмологи, военнослужащие инженерных войск, а также медики. Кроме того, в Пакистан отправлено китайское исследовательское и медицинское оборудование²⁵.

Япония выделила несколько транспортных вертолетов и спасательный отряд из 270 военнослужащих, которые будут участвовать в гуманитарных акциях по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения. Евросоюз оказывает гуманитарную помощь в виде команд британских, французских и немецких

спасателей (в общей сложности более 100 человек). Кроме того, члены ЕС намерены выделить Пакистану более 4 млн. долл.²⁶

По оценкам ООН, для полной ликвидации последствий землетрясения необходимо не менее 272 млн. долл. Этих средств хватит на шесть месяцев, заявила представитель ООН по координации гуманитарной помощи Иветт Стивенс. По ее мнению, в помощи нуждается более 4 млн. чел.²⁷ Специалисты ВОЗ опасаются вспышек инфекционных заболеваний из-за нехватки чистой питьевой воды. ООН уже организовала в Пакистане три центра для координации гуманитарной помощи – в аэропорту Исламабада, в самом городе и в практически полностью разрушенном Музаффарабаде.

Даже Индия, сама пострадавшая от стихии, забыла о конфликте с Пакистаном из-за Кашмира и одной из первых откликнулась на трагедию, выделив соседней стране 25 млн. долл. в качестве безвозмездного дара²⁸. Кроме того, Индия передала Пакистану 26 т гуманитарной помощи, включая семь военных грузовых автомобилей, 15 тыс. одеял и 50 многоместных палаток²⁹. Помощь была принята с благодарностью.

Но в то же время, когда 9 октября Дели предложил Исламабаду свою помощь в виде организации совместных спасательных операций на территории Кашмира, прилегающей к демаркационной линии, эта инициатива была отвергнута. МИД Пакистана, явно не желающий допускать индийских спасателей на спорную территорию, заявил, что в районе границы населения нет и потому возможность вести совместные операции отсутствует. В качестве ответного жеста вежливости пакистанцы вышли с идеей направить своих спасателей на индийскую территорию Кашмира³⁰.

Одновременно Индия одной из первых предложила Пакистану в помощь несколько военных вертолетов. Помощь была особенно необходима вследствие труднодоступности пострадавших горных территорий и отрезанности более чем 1 тыс. деревень от внешнего мира (а американские вертолеты находились еще в пути). Генерал Мушарраф, поблагодарив Индию за предложенную услугу, высказал, однако, сомнение по поводу «возможности допуска индийских солдат на контролируемую Пакистаном часть Кашмира». Конечно же, Индия, в свою очередь, отказалась посылать вертолеты без экипажей³¹.

Наконец появились первые признаки надежды на то, что общая трагедия, принесенная стихийным бедствием, поможет

примирению двух соперничающих сторон в их давнем конфликте. 18 октября 2005 г. генерал Мушарраф объявил, что Пакистан был готов позволить кашмирцам пересекать «линию контроля», чтобы помочь их семьям, как с индийской, так и с пакистанской стороны. Индия приветствовала это осторожно, однако уже на следующий день произвела собственный подарок для Кашмира, временно открыв все телефонные линии с Пакистаном и позволив тем самым разделенным семьям общаться друг с другом.

Спустя две недели после трагического землетрясения, в Исламабаде начались переговоры об открытии пропускных пунктов на демаркационной линии, разделяющей пакистанскую и индийскую части Кашмира. Эта мера должна была облегчить оказание помощи жертвам стихийного бедствия. В ходе переговорного процесса (который не удалось сорвать даже организаторам терактов в Дели 29 октября, унесших жизни более 60 чел.) была достигнута официальная договоренность об открытии с 7 ноября пяти пропускных пунктов на «линии контроля»³².

Не осталась в стороне и Россия, которая направила в Пакистан три самолета МЧС. На борту находились 30 спасателей МЧС и 4 кинолога из «Центроспаса», а также три джипа, оснащенных спасательным оборудованием, 2,3 тыс. комплектов постельных принадлежностей, 750 разборных коек и 110 многоместных палаток³³. Кроме того, в Пакистан был доставлен российский мобильный госпиталь, последний раз выезжавший в Индонезию для лечения пострадавших от цунами 26 декабря 2004 г. На этот раз зоной ответственности российских спасателей стал город Музаффараб. В первых числах ноября 2005 г. Россия направила в Пакистан четвертый самолет МЧС с гуманитарным грузом в 30 тонн, а также тяжелый транспортный вертолет Ми-26Т (на борту 2 сменных экипажа, инженеры и технический состав)³⁴.

Следует отметить, что в России, в отличие от Пакистана, уже существует система оценки последствий землетрясений, которая позволяет определить в течение двух-трех часов после события его масштабы. В стране разработана и внедрена Федеральная целевая программа «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Однако, по аналогии с Пакистаном, Россия все еще далека от того уровня, когда можно было бы говорить не только о последствиях, но и о защищенности своей территории от сти-

хийных бедствий. На вопрос «Не пришло ли время в борьбе со стихией объединить усилия всех ведомств?» глава МЧС России Сергей Шойгу ответил: «Сегодня действительно необходимо создать в России национальный центр управления в кризисных ситуациях. В пяти европейских странах, а также в Японии, Китае и США уже приняты решения о создании подобных центров. В частности, подготовлены материалы заседания правительства РФ, на котором будет рассматриваться вопрос о сейсмической защищенности российской территории. На сегодня это можно назвать одной из приоритетных задач, потому что в России достаточно большое количество сейсмоопасных зон»³⁵.

Пакистан, со своей стороны, который оказался в самом эпицентре подобной сейсмоопасной зоны, не был готов к столь гигантской катастрофе, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в отличие от Японии, в Пакистане недостаточно широко развита служба сейсморазведки, а система оповещения о приближающемся стихийном бедствии практически отсутствует (особенно в отдаленных горных районах). Как и в случае с трагическим цунами в Юго-Восточной Азии в декабре 2004 г., беспрецедентное количество жертв, которое повлекло за собой землетрясение в пакистанском Кашмире в октябре 2005-го, во многом объясняется отсутствием специальной службы оповещения о сейсмической опасности.

Во-вторых, многие дома в Пакистане строились без учета сейсмической опасности – это относится не только к Музаффарабаду, но также к Исламабаду и Равалпинди. Напомним, что решение о временном переносе столицы Пакистана из Карачи на север страны в Равалпинди (в колониальное время он развивался как гарнизонный город), было принято в 1959 г. В 60-х годах началось строительство новой столицы – города Исламабада, который образовал единую агломерацию с Равалпинди. И это несмотря на то, что север Пакистана уже давно относится к сейсмическим зонам Земли.

8 октября первые же мощные подземные толчки привели к обрушению нескольких высотных зданий в центре пакистанской столицы. Наибольшее количество жертв вызвало обрушение современного 12-этажного жилого комплекса «Маргала-тауэрс» (*Маргала* – название невысоких гор близ Исламабада, с видом на которые можно покупать жилье), а также других многоэтажных домов в престижном районе F-10³⁶. Вспомнив о том, что дома в Исламабаде должны строиться с учетом воз-

можных землетрясений, проектом «Маргала-тауэрс» уже заинтересовались соответствующие пакистанские ведомства, расследующие дела о коррупции.

Остается надеяться, что землетрясение 8 октября 2005 г. и его катастрофические последствия послужат должным уроком не только для Пакистана. Сергей Шойгу на вопрос о том, какие чрезвычайные ситуации несут наибольшую угрозу для России: природные или техногенные, ответил: «По большей части чрезвычайные ситуации природного характера тянут за собой и техногенные. Если говорить о землетрясениях, то при большом объеме химически опасных объектов можно прогнозировать трансформацию природной катастрофы в техногенную. Причем такая ситуация характерна не только для нашей страны...»³⁷. Отметим, что интервью было опубликовано на страницах российских СМИ 8 февраля 2005 г. – за 8 месяцев до пакистанского стихийного бедствия. К сожалению, мировое сообщество пока не способно выступать в качестве регулятора глобальных геотектонических процессов. Но, вступив в третье тысячелетие своей истории, оно должно быть готово к встрече самых жестких природных катастроф. Как и в случае с глобальным потеплением (повсеместные наводнения и засухи), при землетрясениях необходимо шире использовать мировой опыт (например, Японии) и международную поддержку в области геотектонических исследований и сейсморазведки.

¹ Самое крупное наводнение произошло в Китае на реке Хуанхэ в 1931 г., когда погибло от 1 млн. до 3,7 млн. чел. Самым древним считается землетрясение 1556 г. в Китае (830 тыс. погибших). – «Коммерсантъ – ВЛАСТЬ», М., 7.01. 2005, с. 22.

² Подробнее о гидрографии и наводнениях в Бенгальской дельте см.: Росточкий С. Б.. Районы бедствий и надежд. М., 1990; Тринич Ф.А. Бангладеш. Экономико-географический очерк. М., 1974, с. 22–26; Ahmad K. S. A Geography of Pakistan. Karachi, 1969; Ahmed N. Agriculture in East Pakistan. Dacca, 1965.

³ Развивающиеся страны. Природа и человек. М., 1982, с. 160.

⁴ Подробнее о наводнениях в долине Инда см.: Гринко С.С. Катастрофы на берегах рек. Речные наводнения и борьба с ними. Ленинград, 1977, с. 56–57; Пуляркин В. А.. Западный Пакистан. Экономико-географическая характеристика. М., 1962, с. 52–57.

⁵ Гинко С. С. Катастрофы на берегах рек, с. 56–57.

⁶ Akhtar S. M., pp. 370–373.

- ⁷ »Dawn», Karachi, 4.06.1979.
- ⁸ Подробнее см.: Economic Survey 1985–86. Government of Pakistan, Islamabad, 1986, p. 55.
- ⁹ Цит. по: «Время новостей», М., 16.03.2005, с. 12.
- ¹⁰ «Коммерсантъ – ВЛАСТЬ. Первый рейтинг». М., Январь 2004, с. 213.
- ¹¹ Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, pp ii, iii.
- ¹² Economic Survey 2002–03, p.13; Ibidem, Statistical Supplement, p.24.
- ¹³ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ. Первый рейтинг». Январь 2004, с.213.
- ¹⁴ «The Nation». Lahore, 5.06.2005, p.19.
- ¹⁵ «The Nation», 5.06.2005, p.19.
- ¹⁶ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», 17.10.2005, с. 46, 48.
- ¹⁷ «Daily Times», Karachi, 12.10.2005.
- ¹⁸ «Время новостей», 11.10.2005, с. 5.
- ¹⁹ «Время новостей», 10.10.2005, с. 5.
- ²⁰ «The Economist». London, 22.10.2005, p. 52.
- ²¹ «The Nation». Lahore, 18.10.2005.
- ²² «The Nation», 11.10.2005.
- ²³ «Время новостей», 11.10.2005, с. 5.
- ²⁴ «Время новостей», 11.10.2005, с. 5.
- ²⁵ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», 17.10.2005, с.48.
- ²⁶ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», 17.10.2005, с.48.
- ²⁷ «Время новостей», 12.10.2005, с.5.
- ²⁸ «Время новостей», 31.10.2005, с.3.
- ²⁹ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», 17.10.2005, с.48.
- ³⁰ «Время новостей», 11.10.2005, с.5.
- ³¹ «The Economist», 22.10.2005, p. 61.
- ³² «Время новостей», 31.10.2005, с. 3.
- ³³ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», 17.10.2005, с. 48.
- ³⁴ «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», 7.11.2005, с.12.
- ³⁵ «Итоги». М., 8.02.2005, с. 16.
- ³⁶ «Время новостей», 10.10.2005, с. 5.
- ³⁷ «Итоги», 8.02.2005, с. 16.

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПАКИСТАНОМ

В наступившем веке российско-пакистанские торгово-экономические связи остаются на низком уровне. Обусловлено это тем, что взаимная заинтересованность в торговом обмене сравнительно невелика, а экономическое и техническое сотрудничество после завершения в середине 90-х годов в Пакистане ряда энергетических объектов практически прекратилось. Можно напомнить, что ВО «Технопромэкспорт» с советских времен продолжал оказывать содействие в сооружении на подрядных условиях трех энергоблоков по 210 МВт на ТЭС «Мултан». Они были введены в строй в 1993–1995 гг. после чего осуществляются лишь поставки запчастей.

Еще в 1985 г. с участием советских организаций было завершено строительство крупнейшего совместного объекта – металлургического комбината в г. Карачи мощностью 1,1 млн. т стали. В 1989 г. было подписано межправительственное соглашение об оказании содействия в расширении его мощности до 3 млн. т. Однако его выполнение было отложено.

В 2003 г. во время визита в Россию президента Пакистана П.Мушарафа между министерством экономического развития и торговли РФ и министерством промышленности и производства Пакистана был подписан Меморандум об экономическом и техническом сотрудничестве в реконструкции и расширении комбината. Соответственно ВО «Тяжпромэкспорт» прорабатывает возможности участия в этом проекте, но его осуществление еще не началось.

Российские и пакистанские организации рассматривают также возможности сотрудничества в строительстве в Пакистане ряда новых энергетических объектов, дорог, мостов и поставки соответствующего оборудования.

ОАО «Газпром» уже не первый раз прорабатывает проект сооружения грандиозного газопровода Иран – Пакистан –

Индия и строительства ряда крупных газохранилищ. Однако пока, ввиду отсутствия целевого финансирования крупных капиталоемких проектов, российские организации не оказывают техсодействие пакистанской стороне. Как следствие торговый обмен между двумя странами остается небольшим и неустойчивым.

Как видно из приведенных в таблице 1 данных, в 2000–2003 гг. торговый оборот не достигал 100 млн. долл. и лишь в 2004 г. существенно вырос и превысил 250 млн. долл. Произошло это в основном за счет увеличения российского экспорта по сравнению с 2003 г. сразу в 3,2 раза. Импорт вырос на 31,8%, но при этом не достиг наивысшего уровня, отмеченного в 2001 г. Как следствие, торговый оборот в 2004 г. увеличился в 2,8 раза.

В целом за пять лет (2000–2004 гг.) он достиг 592632 тыс. долл., однако 2/5 этой суммы получено в 2004 г. При этом в экспорте на долю этого года пришлось 45%, а в импорте – 26%. Однако высокий результат скорее всего не удержится. Об этом можно судить по показателям за первое полугодие 2005 г., когда российский экспорт по сравнению с соответствующим периодом 2004 г. уменьшился на 47%. Правда, импорт при этом вновь увеличился на 80%, но связи с тем, что он слишком уступает экспорту, товарооборот все же сократился на 37%.

Торговый баланс постоянно складывается в пользу России. За пятилетие суммарный российский вывоз в Пакистан достиг 499249 тыс. долл. и в 5,35 раза превысил ввоз, который составил лишь 93383 тыс. долл. Как следствие, сальдо показало достаточно внушительную сумму в 405866 тыс. долл.

Из приведенных показателей очевидно, что партнерам предстоит большая работа, если они хотят существенно увеличить торговый обмен и сделать достаточно устойчивой его позитивную динамику. Прежде всего это касается поставок пакистанских товаров в Россию с тем, чтобы сократить их отставание от российского экспорта.

Наряду с продолжением взаимных поставок продукции, ставшей традиционной, необходимо вести поиск новых товаров, на которые предъявляют спрос партнеры, ибо пока номенклатура торгового обмена остается весьма ограниченной с обеих сторон.

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, отражающих товарную структуру российского экспорта, несмотря на значительный на первый взгляд список поставляемой в Пакистан продукции, фактически даже в 2004 г., когда ее объем достиг рекордных размеров, на долю всего пяти товарных групп пришлось 41,3% стоимости всех поставок. Ведущими товарами оставались черные металлы (12,9%), удобрения (10,5%), каучук (5,7%), бумага и картон (4%), а в качестве новой важной статьи вывоза появилась пшеница (8,2%).

К сказанному можно добавить, что в 2003 г. на долю удобрений пришлось 36,5% экспорта в Пакистан, а черных металлов – 14,1%, то есть на две статьи пришлось более половины российских поставок. Крупным товаром экспорта в том же году были летательные аппараты, а точнее вертолеты (24,9%). Данных по этой статье за 2004 г. в нашем распоряжении нет, но скорее всего выполнение контракта продолжилось. На долю других видов машин и оборудования в 2003 г. пришлось 5,1%, а в 2004 г. – меньше 1% российского экспорта. Постоянной статьёй в этой группе остаются валки для прокатных станов, поставляемые на металлургический завод в Карачи.

Кроме перечисленных товаров, в Пакистан в эти годы продавали в небольших объемах химические нити и продукцию неорганической химии, кожи, целлюлозу, алюминий и изделия из него.

В товарной структуре импорта удельный вес семи основных товарных групп в 2004 г. достиг 78,5% всех закупок России в Пакистане. Главными, как и следовало ожидать, оставались такие традиционные товары как готовые текстильные изделия и прежде всего хлопчатобумажные ткани (28,5%), фармацевтическая продукция (13,9%), рис (13,5%), табак (12,4%), цитрусовые (9,8%), спортивный инвентарь (5,1%) и медицинские инструменты (4,9%).

При этом закупки риса после спада в предшествовавшем году увеличились в 2004 г. в пять раз, синтетических тканей – почти в 15 раз, а фармацевтической продукции – уменьшились на 32%.

Предварительные данные за первое полугодие 2005 г. подтверждают развитие тенденции к сужению товарной номенклатуры как экспорта, так и импорта. Согласно таможенной статистике, в российском экспорте доля двух товаров – удоб-

рений и черных металлов составила 77,7%, а вместе с пшеницей, бумагой и каучуком удельный вес пяти позиций достиг 94,5%. В то же время на все виды машин и оборудования пришлось всего 3,1% стоимости поставок в Пакистан.

В импорте почти такая же картина: удельный вес трех статей сельскохозяйственной продукции (цитрусовые, рис и табачное сырье достиг 64,3%. Еще 22,1% пришлось на текстильные изделия, а закупки фармацевтической продукции вновь уменьшились и составили лишь 4,3% (в 2003 г. – 27,1%).

Приведенные сведения по динамике и товарному наполнению торгового обмена говорят о том, что вопреки провозглашенным намерениям в последние годы в торгово-экономических связях между Россией и Пакистаном позитивные сдвиги не просматривались.

По сведениям, появившимся в печати в конце октября 2005 г., правительство Пакистана решило приватизировать металлургический завод и с этой целью намерено до конца года продать от 51 до 76% акций компании Pakistan Steel Mill. При этом однако особый интерес представляет сообщение о том, что совет директоров Магнитогорского металлургического комбината, крупнейшего российского производителя стали, одобрил участие в приватизации пакистанского завода. Совершенно очевидно, что успешное осуществление этой сделки могло бы дать мощный толчок развитию российско-пакистанских деловых связей на совершенно новой основе.

Таблица 1

Общие итоги торговли России с Пакистаном
(тыс. долл.)

	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2000 г.	68863	62693	6170	56523
2001 г.	83370	57332	26038	31294
2002 г.	99490	81629	17861	63768
2003 г.	89517	70837	18680	52157
2004 г.	251392	226758	24634	202124
2004 г.(6 месяцев)	157643	145624	12019	133605
2005 г.(6 месяцев)	98996	77497	21499	55998

Источник: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации за соответствующие годы.

Таблица 2

Товарная структура торговли России с Пакистаном

Код ВЭД	2003 г.		2004 г.		2005 г. (1 полугодие)	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Экспорт, всего	70837	100,0	226758	100,0	77497	100,0
10. Злаки (пшеница)	-	-	18591	8,2	5061	6,5
26. Продукты не- органической хи- мии	218	0,3	393	0,2	...	...
31. Удобрения	25864	36,5	23818	10,5	30249	39,0
40. Каучук, резина	3383	4,8	12854	5,7	3333	4,3
41. Кожа	318	0,4	301	0,1	...	...
47. Целлюлоза	574	0,8	-	-	...	...
48. Бумага и кар- тон	5199	7,3	9060	4,0	4702	6,0
54. Химические нити	2032	2,9	1370	0,6	...	...
83. Готовые тек- стильные изделия	255	0,4	332	0,1	...	...
72. Черные металлы	9974	14,1	29222	12,9	29988	38,7
76. Алюминий и изделия из него	176	0,2	287	0,1	1	0
77. Механическое оборудование	3253	4,6	1267	0,6	1880	2,4
87. Средства наземного транс- порта	222	0,3	146	0,1	...	...
88. Летательные аппараты	17627	24,9	...	...	...	...
90. Аппараты и инструменты из- мерительные	167	0,2	96	0	248	0,3

Код ВЭД	2003 г.		2004 г.		2005 г. (1 полугодие)	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Импорт, всего	18680	100,0	24634	100,0	21499	100,0
08. Цитрусовые	281	1,5	2420	9,8	8023	37,3
10. Злаки (рис)	644	3,4	3338	13,5	4540	21,1
24. Табак	3315	17,7	3047	12,4	1281	5,9
26. Руды	33	5,0	-	-	...	...
30. Фармацевтиче- ская продукция	5058	27,1	3433	13,9	917	4,3
32. Красящие ве- щества	196	1,0	170	0,7	...	...
42. Изделия из кожи	112	0,6	-	-	...	...
52. Ткани хлопча- тобумажные	434	7,6	1314	5,3	450	2,1
54–55. Ткани син- тетические	300	1,6	4423	17,2	...	...
62. Предметы одежды	74	0,4	136	0,5	2240	10,4
63. Прочие гото- вые текстильные изделия	1338	7,2	1188	4,8	036	4,8
821. Инструменты	170	0,9	129	0,5	...	...
90. Инструменты и оборудование медицинское	298	1,6	1213	4,9	746	3,5
95. Спортивный инвентарь	993	5,3	1265	5,1	...	...

Источник: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации за соответствующие годы.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин**: "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский**: "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко**: "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар**: "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн**: "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов**: "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов**: "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна.**

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян**: "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко**: "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов**: "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов**: "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

- 153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
- 154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
- 155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
- 156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
- 157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
- 158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
- 159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru
--

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East ".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays)
Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century".
158. "The Contemporary Middle East" № 25, (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26, (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

АФГАНИСТАН, ИРАН, ПАКИСТАН:
ВРЕМЯ ВЫБОРОВ И ПЕРЕМЕН

Подписано в печать 12.02.2006 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 15,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 93

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»